Крупным планом, 2006[роман-дневник]

Иван Иванович Сабило

SHOUT
SHARE
IT

- Иван Сабило
  - 2004
  - 2005
  - 2006

Иван Сабило
Крупным планом
(Роман-дневник)

2004

17 апреля. Петербург. Мама позвонила утром.

Я только что вернулся с пробежки и ещё не успел раздеться. Взял трубку.

— Сынок, здравствуй! Как твоё здоровье?

— Спасибо, мама, здоров. А твоё?

— Как тебе сказать? К нам вчерашней ночью моя смерть приходила. Звонила в наш звонок, стучала в дверь. Настойчиво так, но мы не открыли.

— Не может быть.

— Правда, сынок. Видит, что мы ей двери не открываем, стала в окно барабанить. Так напористо, долго. И пропала. Утром я вышла на двор, снежок ночью выпал, а на нём — следы, узкие такие, женские, без каблука.

Мама не впервые заговаривала о смерти. Но раньше слово «смерть» не произносила. Говорила, загостилась у нас, «пора домой, где мои мама, папа, брат, сёстры». Но ни разу не произнесла: «смерть». Надо как-то успокаивать, разубеждать.

— Между прочим, твоя сестра Надежда Николаевна старше тебя на четыре года, но меньше всего думает о смерти.

— Думает, сынок, ты не знаешь. И просит Бога, чтобы взял. Ей ведь скоро девяносто четыре. Но, видно, Богу некогда.

— Кстати, как её здоровье?

— Горюет, бедная. Всё у неё болит, ходить не может. И невестка обижает, и сыну не до неё. Одно остаётся — ждать главной лекарши. Плохо быть старым, сынок, береги себя.

— Да, мам, спасибо за совет. Если моя сестра дома, пускай возьмёт трубку, — попросил я и тут же услышал Валечкин голос:

— Ты знаешь, никогда она не была такой взбудораженной. Только и разговоров, что о смерти. Прямо не знаю. И шутить пыталась, и разубеждать её — не действует. Может, ты поговоришь, тебя она больше послушает?

— Вам действительно кто-то ночью звонил?

— Нет, конечно. И утром, когда я на работу уходила, мама спала. А вечером, когда вернулась, она мне, со всем своим темпераментом, — о смерти.

— Ладно, поговорю, но пока ещё не знаю о чём. Как твои дела?

— Работаю. С мужем никаких отношений, хотя и живем вместе. Сын грубит и плохо учится. Правда, в школу ходит, не пропускает.

— Пусть ходит. Только бы не сидел без дела. В бездеятельном

состоянии и до настоящей отсидки недалеко. Передай ему и Мише привет и дай маму.

Никакой ясности, о чём говорить с мамой, у меня ещё не было. Не она первая и не последняя, кто в её состоянии говорит о смерти. Разубеждать? Обещать, что она будет жить долго и счастливо? А если пойти от иного, от самой смерти? И если уж смерть явилась, станет ли она дожидаться, когда ей откроют?..

— Сынок, ты слышишь меня? Это снова я. Всю вчерашнюю ночь и нынешнюю заснуть не могла. Всё ждала, что она опять придет и будет барабанить.

— Прости, мама, но, мне кажется, ты заблуждаешься. Эта юная потаскушка ещё никогда и никого не обделила своим вниманием. И не обделит. Рано или поздно придёт к каждому.

— Думаешь, юная?

— Просто убеждён, хотя и не видел её.

— Тогда зачем её рисуют безносой старухой? Да ещё с косой!

— Из-за отсутствия воображения. Сама посуди, может ли дряхлая, к тому же безносая, старуха, какой изображают её художники, заниматься столь непосильной для неё работой? Сколько же народу ей надо посетить! И в нашей Беларуси, и в России, и на Украине! А там еще Франция, Англия, Америка, Австралия… Нет, мама, старухе не справиться. Здесь нужна юная вертихвостка, тогда другое дело. А ещё некоторые особо продвинутые учёные доказывают, что смерть не женщина, а мужчина.

— Ты что-то не то говоришь, надо подумать.

— Просто у нас тобой никогда не заходил такой разговор.

— По-твоему, теперь надо ждать юную красавицу?

— Ну, все-таки лучше, чем безносую старуху. Только я бы советовал никого не ждать. И никого не бояться. Смерть, если придет, не будет звонить, не будет стучать ни в дверь, ни в окно. Она пройдёт сквозь потолок и скажет: «Всё, голубушка, я за тобой».

Какое-то время я не слышал в трубке голоса мамы, только её прерывистое дыхание. Как видно, пыталась перестроиться на новое для неё понимание, а заодно и отличное от прежнего видение человеческого ухода. И вдруг, неожиданно для меня:

— Нет, сынок, пускай лучше старуха. А то жалко молоденькую, если она занимается таким некрасивым делом.

— Конечно, жалко. Однако здесь ничего не исправить. Будем жить, как жили.

Она помолчала, и последнее слово, которое она произнесла в нашем разговоре,

было:

— Спасибо…

22 апреля. Сегодня мне — 64 года. Ночью приснилось, будто я приехал в Таллин. Я и раньше бывал в этом городе — чистый, маленький, словно игрушечный. А тут выхожу из вагона, иду по вокзалу, потом начинаются какие-то заборы, заборы, и, в конце их, слышу музыку. Ещё несколько шагов, и передо мной живописная картинка — полнотелый мужчина играет на аккордеоне и поёт, а ему подпевают трое или четверо таких же упитанных мужчин. Поют по-русски, и мне как будто хорошо известна их песня:

В той маленькой деревушке
Живёт моя милка Анна,
Не любит меня, но знаю,
Полюбит когда-нибудь.
Я лодку себе построю,
И выйду на ней я в море,
И буду всю ночь рыбачить,
А утром вернусь домой.
Продам на базаре рыбу
И милке куплю колечко,
На палец я ей надену,
И станет она женой.
И будем мы жить счастливо,
У нас народятся дети,
За ними пойдут и внуки,
И радость войдёт в наш дом.
В той маленькой деревушке
Живёт моя милка Анна,
Не любит меня, но знаю
Полюбит когда-нибу-удь.

Выскочил из постели и записал на магнитофон. Жаль, не владею музыкальной грамотой, а то бы и ноты изобразил. Позвал жену, дал ей послушать. Она сказала, что ей знакома эта песня.

— Нет такой песни! — рассмеялся я. — Она мне во сне приснилась, представляешь! Всякие сновидения приходили раньше, но впервые — песня. К чему бы это?

— Наверное, к переменам, — пожала она плечами.

День рождения отмечал с женой. В подарок от неё получил маленький изящный фотоаппарат «Олимпус», хотя у меня есть два фотоаппапарата — «Смена» и «Компакт». Но Галина решила, что они «морально» устарели и негоже пользоваться ими. Хотя можно ли считать устаревшей вещь, если она действует безотказно?

Недели через две после разговора с мамой я сам позвонил в

Минск. Сестра благодарила меня. Сказала, что после нашей беседы по телефону маму будто подменили — она теперь не заговаривает о смерти. И напомнила, что 8-го мая нашей маме исполняется девяносто лет.

— Приедем, — сказал я.

7 мая. Минск. На девяностолетие мамы я приехал из Петербурга. Жена — из Чернигова, где гостила у своего брата, отставного полковника Евгения Фёдоровича Захваткина. Дочка с мужем — из Москвы.

Встречал нас муж моей младшей сестры Валентины — плотный, коренастый Миша Кирильчик. Сперва он встретил меня, потом мы с ним — Галину, а напоследок — Ольгу и Сашу.

Миша, обычно разговорчивый, молчит, загадочно улыбается в чёрные густые усы. Будто что-то знает и не говорит. Пока ждали наших москвичей, Миша не проронил ни слова. Даже когда показывал нам с Галиной новенький, недавно возведённый железнодорожный вокзал, только и буркнул, что подобного вокзала нет во всей Европе.

— В Восточной? — уточнил я, чтобы хоть как-то его разговорить.

— Во всей, — сказал он. И больше ни звука.

— Миша, не томи, выкладывай, что случилось, — весёлым, но и приказным тоном потребовал я.

— Ничего особенного, живём.

Встретили молодых — стройные, просто, элегантно одеты: дочка в строгом тёмном костюме, Саша — в чёрных брюках и светлом пиджаке, надетом на белоголубую полосатую рубашку. Иногда мне кажется, что он похож на молодого Алексея Баталова.

— Как доехали? — спросила Галина.

— Отлично! — ответили оба. Дочка добавила: — Даже не думала, что Минск так близко от Москвы.

Миша повёл нас по подземному переходу, но в противоположную сторону от метро. Вышли на улицу Дружную. Здесь кольцо многих автобусных маршрутов. Вот и наш, 81-й. Но Миша ведёт дальше. Подходит к белому фольксвагену, открывает багажник.

Мы в недоумении.

— Твоя? — спросил я.

— А то!

Саша и Ольга переглянулись. Они тоже хотят машину.

— Почём нынче такие? — спросил я, усаживаясь на переднее сиденье.

— А как ты думаешь?

— Ну, тысяч пять-шесть американкашек.

— Семьсот баксов!

— Ты что?!

— И ни копейки больше. Дохлик, конечно, четырнадцать годков, но функцию свою выполняет.

— А права? Когда же ты успел выучиться?

— Права были.

— Да, Миша, ты нас удивил, — сказала Галина. — Есть такие мужчины: вроде бы простые с виду, вроде бы всё нам про них известно, и вдруг случайно узнаёшь, что и водительские права у них, и офицерское звание. И не какой-нибудь там лейтенант или капитан, а майор или даже полковник. Ты, случайно, не офицер?

— Нет, хотя после армии служил в милиции.

— И почему не остался?

— Потому что скоро понял: не моё. Не могу я, как собака, жить и действовать по команде. Я — вольный птах, мне подавай свободу.

Мы знали, что в своё время, ещё до армии, он окончил техническое училище, где получил профессию газового оператора. И теперь занимался крайне полезным делом — установкой и ремонтом бытовых газовых плит.

Когда тронулись, я сказал Саше и Ольге, что им тоже нужно купить машину. Именно здесь, в Минске, где они значительно дешевле, чем в Москве и даже в Питере.

— Дешевле не получится, — сказал Саша. — Немалые деньги нужны, чтобы её растаможить. То самое и выйдет.

— Саша прав, — сказал Миша. — У нас граница с Западом, потому дешевле… Куда едем?

Я сказал, что молодым нужно показать город, поэтому вперед, по проспекту Скорины. Я буду путеводителем.

«Малая Родина»?.. Если Родина — мать, как же она может быть малой?

Раннее утро субботнего дня. Проезжая часть и тротуары ещё не просохли от ночного дождя. Машин и пешеходов немного, и, наверное, поэтому особенно бросается в глаза, сколь чисты и ухоженны улицы и площади майского Минска.

Выехали на Московскую улицу. Указывая на массивное многоэтажное здание института культуры, сказал, что оно стоит на том месте, где прежде находился мой дом. В него меня привезли новорожденного.

По длинному путепроводу над железной дорогой выезжаем на площадь Ленина. Массивное, строгое до лапидарности здание Дома правительства. Перед ним — черный памятник вождю, где он стоит, положив обе руки на барьер, который словно не пускает его шагнуть на площадь. Слева — педагогический университет

имени Максима Танка. Раньше он носил имя А.М. Горького. Это неправильное название. А.М. Горького не было, был А.М. Пешков, а М. Горький — писательский псевдоним.

Справа — здание Белорусского госуниверситета. Если войти под арку, отделяющую его от горисполкома, будет ещё один университет — медицинский. Впереди, справа, на улице Свердлова — бывший институт народного хозяйства, сейчас тоже университет. Слева — величественный Красный костел. Действующий. В советские времена в нём работал польский театр, потом был Дом кино, а потом хранились декорации киностудии «Беларусьфильм». Чуть дальше — гостиница «Минск». Когда-то я, будучи учащимся индустриального техникума, проходил практику на её строительстве — таскал раствор и кирпичи. Справа, на углу проспекта и улицы Володарского — Главпочтамт. Слева, чуть в отдалении, тюрьма. Сюда в юности я приносил передачи своему другу Валику… Слева, на углу проспекта и улицы Урицкого — дом с колоннами и без опознавательной вывески — здание КГБ. Справа, на Комсомольской улице — памятник Дзержинскому, родившемуся неподалеку от Минска. Здесь же, рядом, улицы Маркса, Энгельса, Кирова…

— То есть названные в память о людях, которые не имели никакого отношения ни к Минску, ни к Белоруссии? — спросила Галина.

— Конечно, это странно, что сохраняются такие названия, — сказал я. — Беларусь, её жители отличаются особым, народным консерватизмом. Беларусь, наверное, единственная из республик бывшего Советского Союза после Революции не поменяла название ни одного своего города. Минск, Гомель, Брест, Витебск — все остались. И даже малые города, такие как Слуцк, Лида, Заславль, Орша, Марьина Горка и другие, сохранили свои исторические названия. А вот улицы…

— Такое время было, — сказала Ольга. — Революционный подъем, сплошные герои, переворотчики, идеологи…

— Да какие герои Володарский и Урицкий! — вступил в разговор Саша. — Один — средненький газетчик, убитый эсером в Петрограде, второй — руководитель Пе- трочека, убитый юным поэтом Каннегиссером там же.

— Но с какой стати здесь, за тыщу километров от Питера, называть одну из центральных улиц его именем? — спросила Галина. — Это при том, что в Питере уже нет Кировского моста, есть Троицкий, нет оперного театра имени Кирова, есть Мариинский…

— Жаль, не живу в Минске, — сказал я. — Собрал бы массы и

повел их требовать переименования. А какие бы дал имена? К примеру, «Улица архитектора Ланг- барда». Это его монументальные здания пощадила война: Дом правительства, Дом офицеров, здание Академии наук, театр оперы и балета. Дал бы героическое название: «Улица генерала Доватора» — это он, белорус, пал смертью храбрых под Москвой, командуя гвардейским корпусом казаков-кавалеристов. В Москве такая улица есть…

— У нас тоже есть, — сказал Миша.

— Хорошо, тогда вот вам не героика, а лирика: «Улица «Слуцких ткачей» — по названию стихотворения классика белорусской поэзии Максима Богдановича, который прожил на свете всего двадцать шесть лет. Дай бог памяти вспомнить:

От нив родных, от милой хаты.
В господский двор (виной краса)
Они, безрадостные, взяты
Ткать золотые пояса.
И тихо долгие годины,
Забыв девические сны,
Свои широкие холстины
На лад персидский ткут они.
А за стеной смеётся поле,
И смотрит небо из окна —
И думы мчатся поневоле
Туда, где расцвела весна,
Где хлеба колосятся всходы,
Синеют мило васильки,
Где серебром катятся воды
Бегущей между гор реки.
Темнеет край зубчатый бора…
И, забываясь, ткёт рука,
Взамен персидского узора,
Родимый образ василька.

— Красиво, — сказала Ольга. — И трогательно.

— Ну да, — сказал я. — Но у какого-то критика я прочитал, что «в своём стихотворении «Слуцкие ткачи» Богданович воспел мастерство слуцких ткачих». Это всё, что он понял, на большее не хватило.

— Кроме героических и лирических, есть исторические названия, — сказал Саша.

— Вот именно! — сказал я. — Мне в какой-то газете довелось прочитать, что этим двум улицам — Володарского и Урицкого — хотели дать имена полоцкого князя Рогволода и его дочери Рогнеды. Не знаю, что остановило.

— Красивые были бы названия, — сказала Галина. — Не только исторические, но и легендарные.

— В том-то и дело! — вспыхнул я. — Уж если Серов назвал свою оперу, которая вошла в русскую музыкальную классику, «Рогнеда», то нам и подавно стоило бы дать её имя одной из улиц. Я даже не представляю себе людей, которые живут на улице Урицкого и не возмущаются её названием. Или просто ходят по ней…

— А улицу Яши Свердлова надо переименовать в магистраль Ивана Сабило, — хмыкнул Миша.

— И не мечтайте, — сказал я. — Белорусские письменники будут против. Они считают, что Иван Сабило провинился перед ними — пишет на русском языке. А как он пишет и о чём, не имеет значения. Равно как не имеет значения и то, что он переводил на русский многих белорусских поэтов и прозаиков. В том числе книгу лирики «Я жить хотел» Валерия Морякова, расстрелянного в 37-м, когда ему было всего 28 лет. И не только перевёл, но и смог издать её в Петербурге.

— Интересно, что все названия в Минске и вся реклама на белорусском и русском языках, пока что никакой латиницы, — отметила Ольга. — Сколько едем — никакой.

— Само собой, — кивнул я. — А впрочем, если всё же возникнет Союзное государство, тогда и я буду реабилитирован.

Показал гостям стадион «Динамо», ГУМ, где работает моя младшая сестра Валентина и где в её трудовую книжку более тридцати лет назад внесли единственную запись о приёме на работу. Показал Государственный художественный музей, здание Дворца пионеров, куда меня в детстве приняли заниматься хореографией, театр имени Янки Купалы, Дом офицеров, куда я ходил плавать в бассейн, цирк, оперный театр… Боже, всё моё и всё родное.

Я разволновался. Нахлынули воспоминания, картинки детства и юности, лица родных. Я не молчал, продолжал рассказывать, но чувствовал, что в таком состоянии говоришь одно, а думаешь совсем другое. Будто включился речевой автомат и самопроизвольно выдаёт информацию о каком-то человеке или памятнике, тогда как ты сам находишься в других местах, с другими людьми.

Да, можно поведать историю того или иного дома, улицы, города и даже страны. Но невозможно рассказать, чем ты жил, что чувствовал и как, врастая в страну, сам вырастал и шёл туда, куда тебе предписывали твои способности и твоя судьба.

Мы долго колесили по Минску. Накрапывал мелкий дождик, торопились прохожие под зонтиками, в куртках и дождевиках. Мы

почти не видели их лиц, но я знал, что все они моя родня, потому что — минчане.

Я рассказывал:

— Вот памятник Якубу Коласу и его героям. Вот улица, где жила моя первая девушка — Таня Цимерова. Там — Ботанический сад, где мы с нею целовались… потом я дарил ей свои книги. Её дочка вышла замуж за иностранца и уехала на Кубу, а вскоре перебралась в Америку. Однажды я позвонил Тане, но женский голос ответил, что Таня с мужем переехали на постоянное жительство в Штаты, к дочери. А книги, которые я ей дарил, оставила, так что я могу их забрать.

Миша решил показать дом, где якобы живет мама Президента Беларуси. И повёз нас по проспекту Победителей, который ещё совсем недавно назывался проспектом Машерова. Я спросил, что Миша думает по поводу гибели Петра Мироновича: несчастный случай или заранее спланированное убийство? Он сказал — случай. У него был старик-водитель, к тому же не совсем здоровый, — ни реакции уже, ни интуиции. И сам Машеров любил езду «с ветерком». И ГАИшное сопровождение оторвалось настолько, что между ним и Машеровым смог вклиниться грузовик. В общем, куча обстоятельств, а в результате — смерть.

— Хороший был мужик, — сказал Миша. — Его у нас уважали.

— Его и в России уважали, — сказал я. — Хотя бы за то, что он, единственный из высшей партийной власти страны, звание Героя Советского Союза получил не в мирное время, как Брежнев, Хрущёв и прочие, а во время войны. Когда командовал партизанской бригадой.

— Он был военным? — спросила Ольга.

— Нет, учителем. Окончил Витебский педагогический институт.

— Па, напиши книгу об учителях-воинах, — сказала Ольга. — У тебя есть книга о воинах-детях, а ещё надо про воинов-учителей.

— Хорошая мысль, — сказал я. — Про поляка Януша Корчака, хотя тот и не участвовал в реальных сражениях. Про Машерова, про Василя Быкова, который тоже был учителем и воевал. А сколько еще можно отыскать учителей! Вот и возьмись, дочка, за это дело.

— Надо подумать, — сказала она. И обратилась к мужу: — Напишем?

— Да, завтра же.

— А про воинов-бухгалтеров вы не хотите написать? — спросила Галина. — Мой отец был бухгалтером, пропал без вести

под Ленинградом. Я тоже благодаря перестройке из инженера-технолога по производству твёрдого ракетного топлива превратилась в бухгалтера…

— И это мысль, — кивнул я. — Пиши, мы поможем.

— Нет, вы пишите, а я буду редактором.

В разговорах Миша забыл о том, что собирался нам показать, к тому же все мы скоро поняли, что он слегка заблудился, и мне пришлось помогать ему в поисках необходимой нам дороги.

И вот, наконец, въезжаем на мой «Железный остров». Преодолеваем железнодорожный переезд с путями, сто метров по переулку — и мы у дома, в котором наша семья живет с военных лет. Миша загоняет машину во двор. Поднимаемся на крыльцо, и я уже обнимаю Валечку, по-прежнему красивую и стройную, несмотря на её полсотни лет, и маму — беленькую, худенькую, в светлом легком платье и розовом переднике.

— Сынок дома, — радуется она. И переводит взгляд на свою внучку Олечку и её мужа. Здороваемся, отвечаем на обычные в таких случаях вопросы — как доехали, как поживаем, надолго ли в Минск.

Пока бабушка любовалась молодыми, спросил у Вали про мамино самочувствие.

— Все нормально, к торжеству готовится. Только переживает, что вы слишком потратитесь на дорогу. Просила, чтобы никаких подарков, у неё всё есть.

— Конечно, есть, — сказал я, вспомнив, что привёз две пары изготовленных фотохудожниками портретов. Одна пара — маме и Валечке, другая — старшей сестре Алле. На одном портрете — вся наша семья, где мне пятнадцать лет. На другом — папа и мама, когда они только поженились. — С тех пор, как люди придумали деньги, вопрос с подарками решается легко, — добавил я.

— И деньги у неё есть.

— Мы не ей, мы тебе немного…

Разобрались и в том, где будем ночевать. Мы с Галиной здесь, а молодые поедут к Ольгиной тетке Алле.

После завтрака решили продолжить знакомство с городом, но уже пешком. Перед выходом из дома я усадил маму на диван, взял её руку и стал слушать пульс.

— Разве ты врач? — спросила она.

Я вспомнил, что мама в моём детстве нацеливала меня стать врачом, а папа — авиаконструктором.

— Нет, мама, я спортивный педагог. Мне работа сердца известна почти как врачу. Поздравляю тебя! Твой пульс — шестьдесят шесть ударов в минуту. Ясный, наполненный,

ритмичный. Твой жизненный ресурс вполне надёжен, так что живи и радуйся.

— Ай, сынок, чему тут радоваться? — подняла она глаза. — Для меня радость не мой ресурс, а то, что дети мои здоровые.

— Для детей и живи. Интересно же — видеть, как на твоих глазах вырастают они, потом внуки, за ними правнуки. Я, твой самый старший, поздно внучкой тебя одарил. А так и праправнуки уже скакали бы вокруг…

Город молодым понравился. Несмотря на дождь, долго гуляли по центру. Побывали в Троицком предместье — восстановленной части старого Минска. Посетили «Остров слёз» — памятник белорусским парням, отдавшим свою жизнь на афганской войне. Зашли в два кафе — чисто, уютно, без лишней суеты и, что самое привлекательное, недорого. Так что Саша и Оля даже задали вопрос: «А не открыть ли нам в Минске небольшое кафе?»

— Хорошо бы, — сказал я, понимая, что этого никогда не случится.

8 мая. Дома у нас — мамин юбилей. Прекрасно накрытый стол. За ним — просто одетая и отказавшаяся от косметических ухищрений мама, ей сегодня исполнилось девяносто лет. И мы, её дети, внуки, правнуки, племянники — всего двадцать человек. В том числе мамина двоюродная сестра Оля с мужем. Ей, как самой старшей после мамы, первое слово.

Она подняла бокал и тихим, чуточку надтреснутым голосом сказала:

— Вот смотрю я на тебя, Клавочка, и думаю: сегодня за этим столом собрались твои дети, внуки и даже правнуки. А мне представляется, что человеку, который дожил до правнуков, Господь прощает все грехи. За твоё здоровье, сестрица!

Её слова и были первой здравицей в честь нашей мамы.

13 мая. Петербург. Руководителем Санкт-Петербургской писательской организации Союза писателей России меня избрали ровно одиннадцать лет назад,

13 мая 1993 года. Всего полгода после этого будет жить напряженной творческой жизнью Дом писателя — памятник архитектуры и культуры XVIII века, бывший особняк графа Шереметева. В ноябре, после двух пожаров кряду, он превратится в жалкий остов с провалившейся и сгоревшей крышей Белого зала, черными дырами окон и выгоревшими гостиными и коридорами. Гореть он будет еще трижды, и не только Дом, но и его шестиэтажный флигель во дворе. Влажный невский ветер станет вольно гулять по сгоревшим этажам и листать страницы уцелевших во время пожаров дешевых книжек. Их выпустило

поселившееся здесь незадолго до беды издательство «Северо-Запад».

Слава богу, языки двух первых пожаров не дотянулись до уникальной библиотеки, в которой к тому времени насчитывалось более трехсот тысяч томов. Большинство из них — дарственные, с автографами знаменитых писателей: Алексея Толстого, Ольги Форш, Юрия Германа, Ольги Берггольц, Юрия Тынянова, Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Александра Прокофьева, Веры Пановой, Федора Абрамова, Даниила Гранина, Вадима Шефнера, Михаила Дудина, Виталия Бианки, Александра Кушнера, Глеба Горбовского, Радия Погодина, Евгения Шварца… И полдюжины моих книг, которые я преподносил всякий раз после их выхода из печати. Огонь библиотеку пощадил, но часть книг оказалась поврежденной водой, когда его гасили в других помещениях. Их нужно срочно спасать, а значит, сушить. Я вместе со студентами, присланными ректором Института культуры Павлом Алексеевичем Подболотовым, носил мокрые тома в Дом детской книги, что разместился в соседнем здании, на набережной Кутузова. Сухие книги мы временно оставили на месте, но уже некоторое время спустя грузовой машиной перевезли их в НИИ авиации, на Фонтанку. Со временем все наши книги окажутся в библиотеке Василеостровского района, на Морской набережной, что на берегу Финского залива. И доступ писателей к ней практически закроется из-за большой отдаленности от центра.

Но всё это потом. А пока что я впрягся в общественную работу, равной которой по напряженности и сложности у меня ещё не было.

Поначалу запаниковал — опять ярмо. Стремился к спокойствию духа, к самосовершенствованию, а мне снова навязывали шум и суету. Но я понимал: можно ничего не хотеть, не желать, ни к чему не стремиться и ни за что не отвечать. А можно заставить себя: «Я буду делать, чего бы мне это ни стоило! Там посмотрим».

У меня нет системного образования, у меня всяких знаний понемногу, но мне дана глубина понимания и свежесть восприятия. Кроме того, я всегда выбираю позитив. Я сторонник справедливости и готов сражаться с её врагами. Я спортсмен. Мне мало просто гладкого бега, мне нужен бег с препятствиями. А здесь предоставляется уникальная возможность — разобраться в других и познать себя. Это не просто жизненные обстоятельства, это уже откровение свыше.

Вот написал «нет системного образования» — и ошибся, оно-таки есть! Иногда я даже говорю, что, кроме института Лесгафта,

в котором я получил столь необходимые литератору знания о человеке и его способностях, я окончил «Ленинградский литературный институт». Мне скажут, такого института не существует, а я в ответ назову целую сеть литературных объединений Северной столицы, где мы, начинающие поэты и прозаики, под руководством известных писателей осваивали азы сочинительского мастерства. Уже не говоря о различных семинарах и конференциях, которые не хуже институтских открывали нам правила человековедения и нацеливали на постоянный и кропотливый труд. Иное дело, творческий потенциал каждого из нас, однако здесь уже наставники ни при чём, этим ведает Господь.

Так что душа сопротивляется, но мой разум ратует за путь познания. Может быть, если бы я, как Адам, находился в раю, не понадобился бы мне столь трудный путь. Но вне рая он просто необходим. По крайней мере, я должен знать, что со мной случится, если я упаду в пропасть. И, по возможности, уберечься.

Да, но, может быть, руководство писательской организацией и есть моя пропасть? А если все-таки не пропасть, то определенно дорога, которая приведет меня к уйме врагов. И осилить их мне помогут только строгость моих поступков и незыблемость морали.

Судьба и люди предлагали мне войти в историю петербургской писательской организации, и я не имел права отказываться. Но вот вопрос: кем войти, героем или статистом? Скорее всего, и тем и другим, в одно и то же время.

Град вопросов обрушился на меня. Самый ядовитый из них — нужны ли вообще творческий Союз и писатель как носитель нравственности и культуры, когда в изменившейся стране ничтожество с деньгами стало выше творца. И ответил себе — нужен, так как Союз писателей отделил художников слова от литературной богемы, много о себе понимающей и мало на что способной. Она уже создаёт свои объединения, вот пусть и пребывает в них, вознося и нахваливая друг друга. Возникали и другие вопросы, но, по-видимому, я был достаточно крепок, чтобы рухнуть. Особенно укрепил меня список писателей, на которых, как я считал, могу положиться:

Белинский Анатолий Иванович,
Бурсов Борис Иванович,
Воронин Сергей Алексеевич,
Горбовский Глеб Яковлевич,
Горышин Глеб Александрович,
Коняев Николай Михайлович,
Кузнецов Вячеслав Николаевич,

Сергеева Ирэна Андреевна,
Сергуненков Борис Николаевич,
Скатов Николай Николаевич,
Скоков Александр Георгиевич…

Да, всё так. Я всё правильно понимал. Но я чувствовал, что во мне, и не в каком- то определенном месте — в груди там или в голове, — а во мне во всём, открылась рана. И болит, и будет болеть, пока я не найду себе главного занятия. Нет, даже не болит, как болят телесные раны, а беспокоит, тревожит, как могут беспокоить и тревожить только раны душевные… И, как это часто бывает, после длительных и трудных размышлений, делаю вывод: умирать я буду длительно и трудно — много грехов. Телу моему, прежде чем отпустить душу для вечной жизни, тоже придётся покрыться ранами. И отболеть, оттерпеть за то, что я, по несовершенству разума своего, а возможно, по недооценке жизни своей как главного дара, тратил себя не по назначению. Но всё это потом, а сейчас у меня достаточно сил для того, чтобы их лишиться.

25 мая. Пришел Владимир Нестеровский: среднего роста, несколько свободно, если не сказать бедно, одет: светло-коричневый, просторный — явно с чужого плеча и не по июльской погоде — свитер; серые суконные штаны; чёрные грубые ботинки с короткими шнурками, которыми схвачены лишь верхние дырочки. Волосы всклокочены, борода сдвинута в сторону, будто он только что на ней спал и не удосужился поправить. Маленькие светлые глаза смотрят внимательно и ожидающе. Наверное, о чём-то мучительно думал и зашёл поговорить. А может, попросит на выпивку. Нет, он не скажет — на выпивку, скажет на что-нибудь другое, например, купить возлюбленной розу. Сел на стул. Положил руку на руку. Совсем недавно стало известно, что Владимир Мотелевич Нестеровский умер. Об этом сообщила его подруга. Пришли писатели — собирают деньги на похороны. Потом оказалось, Нестеровский жив, а свои «гробовые», как он сам выразился, пропил с друзьями.

Несколько дней назад он тоже заходил, попросил в долг, чтобы, как он сказал, внести квартплату. Сидел. Наверное, из благодарности, что я его выручил, рассказывал, откуда он взялся на белом свете. Случилось это в Сумской области. Мать — простая украинка, «женщина без шестых чувств». Отец — еврей Мотя, но он его не знает и знать не хочет. Даже ни разу не видел. «Гульнул с мамкой и отвалил, оставив ей меня на память». Когда Вова чуть подрос, пошёл скитаться по Украине, учился в педагогическом училище, работал учителем и логопедом, а когда попал в Ленинград, сразу понял, что этот город — его! И остался.

Опять учился, что-то окончил, но что именно — не помнит и помнить не хочет. Стихи в его душе возникли сами: из города, из набережных, из вод, из «Спаса на крови». Но, прежде всего, из горожан, в которых «явная чудаковатость сочетается с фантастическим прагматизмом и несгибаемой убежденностью в том, что они живут в самом прекрасном городе на земле».

— У меня такое ощущение, что все ленинградцы как будто родственники между собой, — сказал он. — В особенности женщины. Как будто все они — мои родственницы.

— Ну, понятно, нам, мужчинам, все женщины кажутся нашими невестами, — сказал я.

— Нет, я не это имею в виду. Ленинградки, как никакие другие женщины, чувствуют и понимают поэзию. Именно это их роднит друг с другом и с нами. Причем неважно, какое у них образование — высшее, низшее — все равно. Я в общагах жил, всяких повидал. И все понимают!

— Вам везет, — сказал я. — Не каждый поэт может сделать такой вывод.

— Но это что касается понимания стихов, а книжку «Травинка грусти» покупать не хотят. Ни в Книжной лавке на Невском, ни в других местах. Когда подаришь кому-нибудь из них, читают, хвалят, целоваться лезут, а чтобы купить… Но, как говорится, покупатель всегда прав.

— Это в торговле, — сказал я. — А в литературе всегда прав писатель.

— Ну, знаете, смотря какой писатель.

— Нет, Владимир Мотелевич, «смотря какой писатель» — не писатель, а я говорю о писателе.

Он подёргал бороду и пробурчал:

— Ну да, не всякий врач, кто в белом халате. Я в больнице лежал, со мной в палате ещё трое было, они меня как бога слушали, один даже руку поцеловал, оттого что слов таких никогда не слышал. А я ничего особенного не говорил, просто разговаривал с ними в силу своего понимания различных вещей. А книжку покупать не хотят, не на что.

Наверное, он еще долго развивал бы свою тему, но мне позвонили из Смольного, из Комитета по управлению городским имуществом — тащат в суд, чтобы отнять помещение, я стал разговаривать по телефону, и Нестеровский ушёл.

Теперь он снова у меня. Может быть, решил продолжить разговор? Однако я ошибся, он совсем о другом:

— Если честно, Иван Иванович, вот шёл к вам и думал о том, что писателей от Бога у нас нет. В особенности поэтов. Ни одного!

— Разве? — удивился я. — Худо, если так. А вы сами, Владимир Мотелевич, разве не от Бога?

— Правильно, я — поэт от Бога! Единственный! — поднял он указательный палец.

Я смотрел в его кривую тёмную бороду, в розовый лоб, на котором, несмотря на розовость, проступили ещё мелкие красные пятнышки, наверное, от волнения. И думал, что и как ему сказать, чтобы не обидеть. Можно, конечно, занять принципиальную позицию и броситься защищать наших поэтов. Назвать несколько имен, чтобы он усомнился в своём мнении и не особенно выпячивал себя перед ними. Но что это даст? Сделает его меньше, а зачем?..

— Знаете, Володя, мне по душе ваша убежденность. Она поможет вам и дальше. Укрепит вас. Так и думайте. Всё время живите с этой мыслью, что вы — единственный — от Бога. Я тоже буду в этом убеждён. И буду ждать ваших новых стихов. Таких, какие вы поместили в вашу последнюю книгу «Травинка грусти»

Сидит. Улыбается. По-моему, даже рад не столько за себя, сколько за меня. За моё понимание его как художника. Значит, укрепился. Ну и хорошо!

Только он ушел, тут же появился другой наш поэт — Олег Чупров. Тоненький, хрупкий, элегантно одетый — белая рубашка в чуть заметную голубую клетку, светлые, тщательно выглаженные брюки, голубые глаза с затаившейся то ли иронией, то ли хитринкой. Сел на тот же стул.

— Сейчас Володьку Нестеровского встретил. Такой озарённый.

— Он был у меня. Сказал, что в нашей писательской организации он — единственный поэт от Бога.

Олег выпрямился, чуть заметно улыбнулся:

— Не верьте ему.

— Почему?

— Единственный поэт от Бога — я, Олег Чупров!..

Пришлось и ему сказать то же, что Нестеровскому.

— Не в этом дело, — сказал Олег. — Если поискать, можно найти. Но зачем?

— Вот именно. Поэты — как доноры, у которых различные группы крови.

И Чупров ушёл.

Долго в тот день не выходили из головы их визиты. Все думал, думал и к вечеру придумал анекдот:

Сын спрашивает отца, современного поэта:

— Папа, а в наши дни есть такой же талантливый поэт, как Пушкин?

Отец надолго задумался, затем ответил:
— Да, сынок, только нас очень мало!

* * *

После пожара начались наши скитания по библиотекам города. Сначала был Инженерный замок — библиотека ВМФ. Вслед за ней библиотека имени Лермонтова, на Литейном. Потом Центральная детская библиотека имени А.С. Пушкина, на Большой Морской. За ней — библиотека имени Блока, на Невском. В этой последней мы чаще всего проводили наши собрания, хотя там работала постоянная выставка-продажа картин современных питерских художников. Но директор, Галина Павловна Волосова, понимала писательские проблемы.

Почему нам приходилось кочевать из одной библиотеки в другую? Ответ прост: теперь даже в книжных храмах стали смотреть на посетителей с мыслью: а что с них можно взять. Писатели, кроме своих книг, изданных, как правило, за собственный счёт, ничего дать не могли. Отсюда и отношение. Но нет у нас на библиотеки обиды. Они тоже впали в такую нищету, что самим впору просить милостыню.

Обездолив писателей и библиотеки, «государство» математически точно рассчитало свой удар по культуре. Прежде всего, по литературе.

А что же писатели? Как они восприняли новое для себя положение? Скорбно, но без уныния. Писали и продолжают писать. И мы, со всем пониманием важности единения творческих сил, принимаем в свой Союз новых одарённых литераторов. Время показывает, что творческие союзы, где люди объединены талантом, оказались более жизнеспособными, чем другие общественные организации, в том числе политические партии.

Жизнь быстро менялась. К сожалению, все перемены вели к ухудшению положения честных, совестливых граждан. Пировали хамы, преступники и межняки. При этом не скрывали своего презрительного отношения к тем, кого они с помощью «демократических» законов сделали нищими.

Город менялся на глазах. У станций метро возникли десятки, сотни торгашеских будок-ларьков, меж ними то и дело сновали бурые, перекормленные крысы. Загремели киллерские выстрелы. Улицы города окрасились болезненной сыпью слов на латинице. Тротуары утопали в мусоре. В воздухе — мат-перемат. И не только в воздухе, но и на журнальных и книжных страницах. Стало понятно, что разрушать будут не только русскую

литературу, но и русский язык. И если столь неприглядным оказался переход к капитализму, то каков же будет сам капитализм!

Новые чиновники, возглавившие государство, боялись оппозиции в лице творческих Союзов. И принялись их разрушать. Со своей стороны, мы, руководители творческих организаций, не могли этого допустить. Вскоре нами был создан Координационный совет творческих Союзов Санкт-Петербурга. Его председателем мы избрали народного художника России Евгения Демьяновича Мальцева.

То была жуткая пора. На творческие Союзы, точнее, на их имущество — прежде всего на Дома композиторов, журналистов, художников, спустили коммерческие структуры, как свору самых свирепых хищников. Стали ходить упорные слухи о том, что город в лице его мэра Собчака собирается отнять у творческих Союзов их помещения.

В самом тяжелом положении оказались писатели города. Строить организационную и творческую работу огромного писательского коллектива без мало- мальски приспособленного помещения невозможно. И как ни тягостно мне было обращаться к Собчаку за помощью, все же пришлось написать ему письмо с просьбой решить вопрос о помещении для писателей.

Шло время. Собчак молчал. Обстановка в стране накалилась до предела. В Москве Ельцин и его приспешники расстреляли Дом Советов. Палили из танков по окнам, за которыми несколько сотен людей пытались противостоять злодейству. Не смогли. Танки сильнее.

В Петербурге, в Доме актера открылся Объединенный пленум творческих Союзов города. Председатель Комитета по культуре, актриса Елена Драпеко (это её героиня Лиза Бричкина в фильме «А зори здесь тихие…» тонет в болоте) выступила с осуждением политики Ельцина и расстрела Белого Дома. Она еще не закончила своё выступление, а вице-мэр по культуре Владимир Петрович Яковлев выскочил из-за стола президиума и побежал звонить в Москву, где в это время Собчак встречался с Ельциным. Стало ясно: дни Драпеко в качестве председателя Комитета сочтены.

Выступил я. И внёс предложение: от имени пленума высказать осуждение расстрела Белого Дома и требование не восстанавливать его. Сохранить таким, каков он есть, в назидание будущим президентам и всем тем, кто подло относится к своему народу. Вёл пленарное заседание председатель Координационного совета творческих союзов Петербурга художник Евгений Мальцев. Он не поставил моё предложение на

голосование, хотя многие в зале поддерживали меня. Потом, уже после пленума, Евгений Демьянович мне скажет: «Не дело нам, творческим работникам, напрямую вступать в конфронтацию с властью. У нас другие заботы». — «У вас другие заботы, — сказал я. — А у нас — эти».

Елену Драпеко сняли с должности председателя Комитета по культуре через несколько дней после Пленума. Под предлогом реформирования Комитета. Сняли бы и меня, если бы могли. Но писателя снять невозможно.

2005

21 марта. Ровно четыре года назад не стало хорошего русского поэта Анатолия Фёдоровича Коршунова. Выпускник фабрично-заводского училища, он был поэт из рабочих. И создавал такие стихи: «Я благодушным не был никогда, не принимал судьбы суровой милость, и счастлив думать, что моя звезда среди других ещё не закатилась…». Был женат, разведён, есть дочка. В 1977 стал членом Союза писателей СССР, писал стихи и песни, автор полутора десятков книг. В последние годы издавал их за «свой счёт», для чего поменял свою квартиру в Петербурге на комнату, а потом и её — на комнату в коммунальной квартире в одном из сёл Ленинградской области. А там соседка, пьянчужка, зазывала к себе собутыльников, а те, зная, что он поэт, пытались заставлять его пить с ними и требовали «стихов». Он отказывался, и они убили его…

Вот говорят, нынче хорошее время для литературы: поэтов не убивают. Полно сочинять. Отдельно останавливаться на судьбе современных писателей не буду, но те, кто интересуются этой темой, могут обратиться к работам Виктора Тихомирова-Тихвинского, что проживает в Ленинградской области…

Хоронили мы Анатолия Фёдоровича в промозглый мартовский день на сельском кладбище. Была его дочь, красивая, спокойно-сосредоточенная. Я подошёл к ней, чтобы посочувствовать, но она, не поднимая глаз, внятно сказала: «Не нужно соболезнований, я его не считаю своим отцом. Думала, квартиру нам оставит, а он её на книжки променял».

Наверное, следовало промолчать, но я не сдержался: «Он же не только квартиру, он ведь и свою жизнь, говоря вашим языком, на книжки променял?»

Потом в электричке, вспомнив этот эпизод, я подумал, что поэта Анатолия Фёдоровича Коршунова мы сегодня похоронили дважды.

Есть пять наших чувств. Парапсихологи утверждают, что не пять, а шесть, добавляя чувство боли. А я бы назвал седьмое — чувство поэзии. К сожалению, имеющееся не у всех.

24 марта. Я — человек будущего, того, что впереди. Иногда задаюсь вопросом, для чего я пишу? Набор ли это картин, характеров и причуд моего времени, или попытка отчёта перед моими близкими: как я жил, о чём думал и что меня радовало и беспокоило? Если, конечно, быт и суета не погасят в них интерес к моим записям.

Сейчас понял, что пишу излишне пространно. Нужна только

суть. Больше всего для этого подходят дневниковые записи. К сожалению, свой дневник, который вёл на протяжении двух лет, я утерял в Москве во время Всемирного русского народного собора… Рукописи, конечно, «не горят», но, к сожалению, безвозвратно теряются. Поэтому какие-то события буду восстанавливать по памяти. Вначале не хотел обозначать даты, но потом решил — надо. Не выпадать же из времени.

Дочку в Москве увезли в родильный дом. Переживаю за неё и желаю всего самого доброго тому, кто принимает роды.

25 марта. Сегодня большое событие в нашей семье: Ольга стала мамой, Саша — папой, Галина — бабушкой, я — дедом!

Почти два месяца назад, в новогоднюю ночь мы с моим зятем Сашей Докучаевым совещались, как назовём нашу дочку-внучку. Мы уже знали, что это будет девочка. Перебрали десятки имён, листая книгу Льва Успенского «Ты и твоё имя». И остановились, как нам кажется, на самом лучшем — Мария. (В книге Мария — «горькая», по другим толкованиям — «превосходство»).

После Нового года жена, дочка и Саша отбыли домой, в Москву. Дочка уехала, что называется, не с пустыми руками: 30 декабря, будучи на седьмом месяце беременности, она в Петербургском университете экономики и финансов защитила кандидатскую диссертацию по экономике. Мы с женой и Сашей были на защите. Помню её на трибуне — стройную, с небольшим животом, в светлой кофте и чёрной юбке. Помню учёный совет из семнадцати человек, высокого, красивого декана факультета Виктора Ивглафовича Сигова — её научного руководителя. Помню её главного оппонента — профессора, стройную, красивую женщину Анну Александровну Курочкину… Но не помню, что говорила дочка, в чём она убеждала учёных.

После обсуждения её доклада и ответов на вопросы мы отправились в кафе и стали ждать, когда учёный совет заслушает ещё одного соискателя учёной степени. Потом был банкет, поздравления с удачной защитой и возвращение домой. Незабываемый день и вечер 30 декабря 2004 года.

Через сутки мы встречали 2005-й год. Впервые в моей жизни был двойной праздник — дочкин успех и встреча Нового года!

1 апреля. Рано утром вернулся из Германии, где принимал участие в Международной Лейпцигской книжной ярмарке. В Германии я был впервые, и как-то случилось, что меня там ничто не задело. Возможно, потому, что это Восточная Германия. Побывали в Дрезденской галерее — сумрачно и прохладно. У нас в Эрмитаже не так, у нас праздник. И в Русском музее тоже.

Сама по себе книжная ярмарка впечатляет огромностью помещений, где она размещается, множеством людей, из которых

большинство русских, русскоязычных. Может быть, несмотря ни на что, русские пока ещё более других интересуются книгой? В нашей писательской делегации были: Алексей Грякалов, Дмитрий Каралис, Валерий Попов, Михаил Кураев и я. А также представители книготорговой сети Петербурга, Комитета по печати и председатель Санкт-Петербургского Союза журналистов Андрей Константинов. Более всего я общался с Каралисом и Грякаловым — умные, просвещённые люди. Грякалов — доктор философских наук, профессор Педагогического университета имени Герцена. Нет, пожалуй, поторопился написать — «не задело». На встрече с посетителями я представил свой роман «Открытый ринг». Собралось человек тридцать. Никто моей книги не читал — в Германии она не выходила. Я немного рассказал, о чём она, потом пошли вопросы. О писательско-издательских делах в нынешней России, о читательском спросе, об оплате писательского труда. Я думал, наша встреча так и пройдёт без каких-либо каверз, но не тут-то было. Пожилая женщина — высокая, худощавая блондинка — обратилась ко мне на хорошем русском языке:

— Вот у вас есть широко известный писатель Валентин Распутин, так я прочитала его роман о дезертире. И пришёл такой интерес: вы, победившая фашизм страна, пишете не про героя победы, а про дезертира. Неужели дезертирство у вас было массовым явлением?

Вопрос не трудный, но требующий точного и вразумительного ответа.

— Вы правы, мы, действительно, победившая страна. И про дезертиров писал не только Распутин, но и Чингиз Айтматов в рассказе «Лицом к лицу», и Дмитрий Гусаров… не помню, как называется его рассказ. Но именно писатели победившей страны и должны были написать о таком явлении, как дезертирство. Потому что наши дезертиры — это трусы, почти предатели. Тогда как ваши дезертиры, или, скажу точнее, дезертиры из германской армии — герои. Если бы все ваши, точнее, все офицеры и солдаты фашистской армии дезертировали, мир избежал бы самой кровопролитной войны. Понимаете разницу?

Я думал, она улыбнётся, но нет, смотрит на меня так, будто ждёт ещё каких-то слов. А я уже всё сказал.

На том и закончилась наша встреча.

2 апреля. Сегодня открывают станцию метро «Комендантский проспект». Это в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. Оделся как на пробежку и помчался туда. Приехала губернатор Валентина Матвиенко, спустилась по эскалатору, посмотрела, кажется, осталась довольна.

Станция большая, в светло-голубых тонах, с авиа-символикой — именно здесь, на Комендантском аэродроме обретала свои крылья русская авиация. На стене при входе на эскалатор — мозаичное панно с допотопными самолётами и летчиками в кожаных тужурках и шлемах. И такая мощная энергетика исходит от картины. Сразу понятно: Советский Союз!

Умер папа Иоанн Павел II.

В 1984 году, когда я жил в Доме творчества в Ялте, там же находился белорусский писатель Алесь Божко. В одном из разговоров он сказал, что в юности жил в Польше и учился в лицее с будущим главой Ватикана. Кароль Войтыла на два года моложе Божко, но уже тогда это был яркий, артистичный, не по годам развитый мальчик. И всё же его удивляет, что поляк, а не итальянец возглавил Римскую католическую церковь. «Здаецца мне, што тут не абышлося без пал1тык1», — подчеркнул он. И оказался прав. Время показало, сколь быстро и резко изменилось польское общественное мнение в определении своего отношения к Советскому Союзу. Прежде всего, в идеях и действиях «Солидарности» и Польской Церкви. До минимума сократилось число просоветски настроенных поляков, до максимума выросло число противников социализма.

4 апреля. Заседание Общественного совета СПб. Я — член совета. Тема — сохранение культурной градостроительной зоны. Чиновники из Смольного стараются внушить мысль, что город — это живой организм и он не может не меняться. Поэтому отдельные дома перепланируются и даже убираются для того, чтобы горожанам было удобнее. Могут и должны быть отданы под застройку так называемые лакуны, то есть свободные городские места.

Я сказал:

— Объявите сегодня лакунами Исаакиевскую и Дворцовую площади, и завтра на них поднимутся многоэтажные бараки. Если город — живой организм, то и сохранять его нужно живым, а не умерщвлять сомнительного вида архитектурными новоделами.

Чиновники не изменили своего мнения, но всё же повели разговор в менее агрессивной форме.

5 апреля. На Садовой, в культурном центре Михаила Шемякина совместно с Генеральным консульством Венгрии я провёл вечер, посвященный 100-летию со дня рождения крупнейшего венгерского поэта Аттилы Йожефа. Он прожил всего тридцать два года и трагически погиб в 1937-м. Мне по душе многие стихи Йожефа, его вера в грядущую гармонию мира. Но самым близким поэтом для меня с «младых ногтей» стал Эндре Ади. В особенности его стихотворение «Твоё великое тепло» в

переводе Л. Мартынова:

Тебя из сердца моего
Хотели вытеснить картины.
И статуй мраморных толпа
Хотела взять твоё тепло,
Которое неповторимо.
Тебя целуя, гибну я
И вновь рождаюсь в поцелуе.
Пусть женщины сирокко мчат,
Меня их знойный, сладкий чад
Не изнурит, его гоню я.
Живые, как и мертвецы,
Пусть это всё промчится мимо…
Никто не может дать его,
Твоё великое тепло,
Которое неповторимо.

8 апреля. У меня в кабинете. Разговор с А.В. об «Открытом ринге», он требует продолжения романа. При этом просит обязательно поместить в книгу и его образ. Для равновесия. Он страдает манией величия, так как считает, что никому не дано так гениально материться, как ему.

— Равновесия в чём или с кем? — спросил я.

— Для общего равновесия.

— Мне кажется, общего равновесия ни среди людей, ни среди литературных героев не бывает. А на образ вы пока не тянете.

— И почему же?

— Много пьёте и сквернословите. Вот когда бросите, тогда посмотрю.

— Мне не бросить, — вздохнул он. — Я у цыганки гадал на курево и питьё — она сказала, что буду курить «до дней последних донца». И пить тоже. Н-но! — вскинул голову. — Никто за меня не сделает того, что делаю я. Никто не напишет за Шекспира — Гамлета, за Пушкина — Евгения Онегина. А вот за учёных — можно. Если не Иванов открыл, то Петров, Сидоров, Алфёров… Недаром бывают одновременные открытия: законы Гей-Люссака, Бойля-Мариотта… Вам известен пример, когда два автора написали бы Дон Кихота или Печорина?

— Ну, пожалуйста: Ильф и Петров, братья Стругацкие…

— Сравнили! Это же хохмачи, Одесса-мама. Они вам наплетут веников. Не всяк писатель, кто пишет. Я ж вам про Дон Кихота!

— Не обижайте учёных, они трудятся не меньше нашего. К тому же Дон Кихот был всегда, точно так же, как закон всемирного тяготения. Но понадобился гений Сервантеса и

Ньютона, чтобы явить их миру.

— Согласен. Хотя учёные часто пашут впустую, когда теория не находит практического подтверждения. Учёные! До сих пор не могут ответить на вопрос, что первично — яйцо или курица.

— В науке даже отрицательный результат — положительный, — напомнил я. — И на ваш риторический вопрос можно дать риторический ответ: а что первично — день или ночь?

— Это да. Но сколько ещё продлится жизнь книги как бумажного издания? Возможно, она будет существовать всегда, но в малом, строго дозированном количестве. Чтобы выпустить книгу, нужно много леса, воды, производственных площадей. Но, может быть, тогда исчезнут книги-пустышки? А хорошие книги останутся?

— Непременно. Наши с вами — точно останутся!

— Вы полагаете?

— Конечно! Иначе зачем мы их пишем — спросил я и почувствовал, что наш вялотекущий разговор может продолжаться как минимум до Нового года. Уже собрался протянуть руку, чтобы попрощаться, но тут он встрепенулся:

— Я, собственно, не за этим сюда. Я вот о чём: не повторить ли вам попытку из- браться в Думу? Не за горами новые выборы, вы — видный литературный и общественный деятель, кому, как не вам? А мы, писатели, поддержим вас, и не только писатели…

— Спасибо, дорогой, но я ещё не отошёл от прежних выборов.

— Я знаю, вас обскакал этот проныра Шелищ, который отстаивает права потребителей. Но кто у нас потребители? Нищета, вроде нас с вами? Или братва, сделавшаяся в одночасье у1р-покупателями?

— Обошёл меня не только Шелищ, но и Юрий Шутов, который в Крестах…

— Ну, этот понятно, этот позиционирует себя как патриота. К тому же зэк, а у нас народ душевный, только дай кого-нибудь пожалеть.

— Вы считаете это недостатком?

— В известной степени. Нужно и народу иногда включать мозги, чтобы проснуться. Равно и товарищам коммунистам, которые выдвинули вас по Центральному району, где сплошные, по вашему выражению, межняки, а межняки знают, кто им нужен во власти и за кого голосовать… Как видите, читал ваш роман!

Он достал носовой платок, вытер лоб и щёки и несколько смущённо продолжил:

— Я почему вам это предлагаю? Во-первых, надоели в телевизоре жирные депутатские гуси, а во-вторых, я разошёлся со

своей гражданской женой, и, оказалось, негде жить. Гражданская жена то же самое, что гражданская война. Пристроился пока у одной сердобольной, но у неё муж сидит, через два года освободится. Куда мне тогда? А так вы меня взяли бы своим депутатским помощником…

Зазвонил телефон, я потянулся к трубке, но он поднял руку и качнул головой — попросил не брать. И, смущаясь, продолжил:

— Вообще-то я не меркантильный человек, но жизнь такая, хоть в петлю полезай. Потом как-нибудь вернёмся к разговору, но вы от идеи насчёт Думы не отказывайтесь. Лучше всего по рабочему району, по Кировскому или Невскому. Я прописан в Невском.

— Спасибо, подумаю, — сказал я.

Когда он ушёл, я вспомнил, что Юрий Титович Шутов несколько лет назад был у меня здесь, в писательской организации. Позвонил по телефону, попросил о встрече и приехал — невысокого роста лысеющий брюнет, с внимательными, слегка бегающими глазами. Положил мне на стол свои книги на вступление в Союз писателей России. Название одной из них я помню — «Собчачье сердце». Я перелистал книги, довольно хорошо изданные и не лишенные отдельных достоинств — бойкий слог, интересная интрига, но обе они — о Собчаке. — «Это что же, наш мэр вас так вдохновил, что вы смогли написать о нём аж две книги?» — спросил я. «А вы ещё не поняли, насколько интересен этот антигерой? О нём бы — сатирическим пером, но, к сожалению, сей жанр мало кому доступен». — «Хорошо, я покажу ваши книги председателю приёмной комиссии Ивану Ивановичу Виноградову».

Моя жена Галина длительное время работала начальником отдела в статистическом управлении Ленинграда и Ленинградской области. В то время Юрий Шутов был первым заместителем начальника управления, и Галина неплохо знала его как хваткого, быстро соображающего человека. Он никогда не мелочился, не «искал блох» в документах, которые приносили ему на подпись. Мгновенно находил суть и тут же подписывал. Прост в обращении, энергичен — типичный комсомольский лидер.

Узнав о том, что Шутов собирается вступать в Союз писателей, она сказала: «Уже то, что он идёт к вам, а не к Чулаки, говорит о многом. Не знаю, что там у него за книги и каковы их достоинства, но если это действительно литература и вы его примете, то не пожалеете. С его энергетикой, связями, способностью действовать у вас не будет материальных проблем». — «Но ты не забывай, что нынче это одна из самых

скандальных фигур в нашем городе. А нам с нашей бедностью ещё не хватает вляпаться в историю с приёмом уголовника». — «Я сомневаюсь, что он в такой мере уголовник, как его представляют. Я немножко разбираюсь в людях».

Иван Иванович Виноградов вернул мне книги Шутова и сказал, что он вполне может быть членом нашего Союза. В Москве, а там были наслышаны об этом человеке, я разговаривал с Ганичевым — Валерий Николаевич усомнился в необходимости такого приёма и посоветовал не торопиться и посмотреть, как будут дальше разворачиваться события вокруг этого имени. Стало ясно, что он как руководитель Союза и председатель приёмной коллегии не пропустит Шутова в нашу организацию, и мы дело Шутова отложили. Хотя потом я часто вспоминал нашу с ним встречу и сочувствовал Юрию Титовичу как человеку преждевременному, двинувшемуся с открытым забралом на ветряную мельницу.

Когда подростком читал Сервантеса, мне всё время хотелось как-то войти в книгу и остановить Рыцаря Печального Образа от неразумных поступков. Объяснить ему, что так, как он, нормальные люди не поступают. И только потом, годы спустя, я понял, насколько, по сравнению с нами, нормальный человек Дон Кихот. Нормальный, потому что храбр как никто и бескорыстен, как мать-природа.

9 апреля. Вечером дома вспомнил визит А.В., и сделалось тревожно. Решил продолжить разговор, позвонил ему домой. Трубку взяла его бывшая гражданская жена, и не успел я заикнуться, что мне нужен А.В., как она, что называется, отбрила:

— Нет его, и больше не звоните. Пис-сатели!

Я пожалел, что не спросил у него нынешний домашний телефон. Позвонил нескольким писателям из тех, кто чаще других общается с ним, но никто из них не смог помочь.

14 апреля. Дом журналиста. Юбилей журнала «Нева». Казалось бы, праздник — день рождения одного из самых знаменитых литературных журналов города и страны, а радости нет — издание еле выживает. За весь вечер главный редактор Борис Николаевич Никольский ни разу не улыбнулся. Будто на похоронах…

Я вспомнил, как несколько лет назад творческую интеллигенцию Питера пригласили в Русский музей на встречу с министром культуры М. Швыдким. Тогда шла подготовка к предстоящему юбилею — 300-летию Санкт-Петербурга. Швыдкой долго говорил о планах торжеств, не забыв дать сигнал «своим», либералам: «Подготовку осуществляем МЫ, и МЫ же будем заниматься делами культуры после юбилея». И подумалось:

«Значит, ничего положительного в культуре осуществляться не будет». — «МЫ также решили, — продолжал Швыдкой, — материально поддержать наши толстые журналы: “Новый мир”, “Москва”, “Знамя”, “Октябрь”, “Юность”». — «А “Наш современник” и “Молодую гвардию”»? — спросил я. — «У “Нашего современника” дела идут хорошо, — ответил Швыдкой. — У него на сегодняшний день самая большая подписка, так что он в материальной помощи не нуждается».

Рядом со мной сидел главный редактор журнала «Нева» Борис Николаевич Никольский, я посоветовал:

— Он не назвал «Неву», уточните почему.

— Не надо, — сказал Никольский. — Обойдёмся. Он, если вы заметили, назвал только московские журналы. И то не все.

15 апреля. Школа № 13. Конкурс юных поэтов и прозаиков. Выступают победители. Много интересных стихов и рассказов. И никакой «попсы». Запомнилось: «Выпал первый снежок, с крыши падает капелька — кап. Вышли куры, во двор и оставили крестики лап».

В разговоре о литературе с начинающими авторами меня попросили назвать троих-пятерых наиболее близких мне писателей. Я сказал, что стольких не могу, могу либо одного — Пушкина, либо две сотни или даже больше.

17 апреля. Из Минска приехал Олег, сын Анатолия Аврутина. Привёз огромную коробку — к моему дню рождения. Я встретил его на вокзале.

— Никак посуда? — испугался я.

— Не совсем. Отец приказал не говорить, пока вы дома не откроете.

Привезли домой, открыли. А там — моя новая книга, только что выпущенная

в Минске, — «Мальчишка с того перекрёстка…» — сборник повестей и рассказов, красиво изданный, в необычном для прозы поэтическом формате 84x90/32. Название книги дала моя статья о творчестве Анатолия Аврутина. Пожалуй, у меня ещё не было столь неожиданного и дорогого подарка.

18 апреля. Смольный. Издательский совет города принял решение поддержать выпуск моей книги «Война была долгой». В неё вошли три ранее публиковавшиеся повести: «Остаюсь в заслоне», «Товарная станция», «Пробуждение». Тема книги — война и дети. По повести «Пробуждение» Лентелевидение поставило двухсерийный одноименный фильм-спектакль.

19 апреля. Невский, 30. Интерфакс. Аркадий Белый представил свою книгу о Ленинградской области и её губернаторе Вадиме Густове. И Густов здесь. Особенность

издания: область и её губернатор «тянут» на такую большую, красивую книгу.

Построили новый — вантовый — мост через Неву, спрашивают горожан, как его назвать. Я предложил дать имя Ольги Берггольц — она когда-то жила рядом с местом, где он пролёг. К тому же это одна из самых великих женщин-ленинградок. Святая. Символ и душа ленинградской блокады. Приезжали ко мне домой телевизионщики, расспрашивали, уточняли и были согласны со мной. Правда, сомневались, может ли мост носить женское имя. А почему нет? Может же театр носить имя Ермоловой или Комиссаржевской? «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали моё предложение, долго обсуждали, но, в конце концов, назвали — Вантовый. А то, что он вантовый, и без названия видно. Я и теперь предлагаю дать ему имя Ольги Фёдоровны. А на въезде на мост выбить золотом на камне посвящение Глеба Горбовского «На 60-летие Ольги Фёдоровны Берггольц:

Пускай пока главней живот,
И в этаком маразме
Ещё присутствует, живёт
Непобеждённый праздник.
Ещё поэзия жива,
Ещё она воюет,
И троекратная вдова,
Как девушка, бушует».

20 апреля. Мойка, 12. Концертный зал при Музее-квартире А.С. Пушкина, в котором я провёл общее писательское собрание. Я напомнил, что в декабре этого года состоятся выборы нового состава правления писательской организации, и попросил подумать, кто станет её руководителем.

— Оставим прежнего! Не надо нового! — голоса из зала.

К сцене вышла красивая, женственная Елена Родченкова. Положила руку на грудь:

— Вот что выходит: как только у писательской организации возникли трудности и сложности с арбитражными судами, так наш руководитель Иван Иванович, как павлин, распускает свой хвост: дескать, смотрите, какой я красивый, не собираюсь пересиживать отведенный мне уставом срок. И совсем ничего, что за павлиньим хвостом виднеется желание бросить писательскую организацию. И вообще, я думаю, что для решения каких-то важных писательских вопросов и разговоров с руководством города нужно посылать кого-то из более значительных писателей, чем Иван Иванович. Например, Олега Акимовича Чупрова.

Сказала и пошла на место. Удивительная женщина.

Несколько лет назад она продала в Псковской области дедов дом и купила в Питере комнату в коммунальной квартире. Переехала сюда с маленькой дочкой-школьницей, прописала у себя деда. Встала на учёт в нашу писательскую организацию. Ладная, дважды образованная (культработник и юрист), она почти сразу принесла мне проект письма на имя губернатора В. Яковлева с просьбой предоставить ей отдельную квартиру. Основание — дед участник Великой Отечественной войны.

Я сделал какие-то уточнения, и мы отправили такое письмо. Потом ещё несколько подобных писем. И даже не ради её деда, а в большей степени ради её маленькой дочки. С квартирой пока не получалось, однако, не сомневаюсь, должно получиться. Но, очевидно, раз не получается, виноват я. А потому всыплю-ка ему, на всякий случай.

Можно промолчать, но она не впервые на собраниях и вне их кусала меня: мол, я книгу назвал романом, а это не роман. И разное другое. На такие выпады нельзя отвечать, но, если по-писательски, можно.

— Елена Алексеевна, — сказал я, — меня обидеть легко, а победить трудно. К тому же, если вы цитируете классика, делайте это правильно, а главное, указывайте автора. То, что вы сейчас так неловко и неточно произнесли, много лет назад написал белорус Аполлинарий Костровицкий, более известный как выдающийся французский поэт Гийом Аполлинер: «Когда свой хвост распускает павлин, не оторвать от красавца взгляд. Ах, если бы скрыть недостаток один, только один — обнажённый зад». Так что не распускайте хвост. И с Олегом Чупровым вам нас не поссорить.

Я видел, что она смутилась и кивнула. Мне этого достаточно. Сейчас для меня главное — до отчётно-выборного собрания найти нового руководителя.

Цирк. Чемпионат Ленинграда по боксу. Пришёл по приглашению Юрия Владимировича Баканова. Давным-давно, когда я учился в Ленинградском техникуме физической культуры и спорта, он был моим преподавателем по боксу. Ему нравилось, как я веду себя на ринге — моя техника, внимательное отношение к сопернику, умение прислушиваться к словам секунданта. Он пророчил мне успешное боксёрское будущее. В особенности после того, как я стал победителем первенства Ленинграда. Мы стали часто разговаривать с ним о всякой всячине, я читал ему свои стихи, и однажды он сказал: «Я думаю, Ваня, твоё настоящее дело не бокс, а литература. Береги голову».

Но я беречь себя не собирался. Тем более что спортивный успех — вот он, рядом, и мне только девятнадцать лет. А

литература — там, за облаками. И Пегас мой ещё не валялся… Однако сама случайность приостановила мои занятия боксом. В схватке в саду Александро-Невской лавры с бандитами, грабившими по вечерам людей, меня ранили — удар ножом пришёлся в тыльную сторону кисти правой руки. Двоих бандитов из пяти нам, троим боксёрам техникума физкультуры, удалось задержать и сдать в милицию. Но травма руки почти на год лишила меня возможности тренироваться. Был сбит темп. Я всё большее значение придавал стихам. И всё чаще вспоминал совет Юрия Владимировича…

Сейчас я увидел его за судейским столиком — в ослепительно белой рубашке с чёрным бантиком-регатом и в белых брюках. Поздоровались. Он полез в портфель и достал красивое тёмно-красное удостоверение с золотыми буквами «Ветеран бокса». Протянул мне:

— Держи, мастер! Успеха тебе во всём задуманном!

Я поблагодарил и вручил ему свою только что вышедшую книгу «Война была долгой». Он покачал её в руке, будто взвешивая, и вздохнул:

— Когда-то я был прав, что посоветовал мальчику Ване беречь голову!

Сегодня первый день соревнований. Я посмотрел несколько боёв и поехал домой. После писательского собрания, как после тяжёлого боя на ринге, у меня всегда болит голова.

21 апреля. День рождения Ивглафа Ивановича Сигова — профессора, доктора экономических наук, бывшего директора Института социально-экономических проблем. (Ивглаф — от имён отца и матери — Иван и Глафира). В начале перестройки я приглашал учёных и творческую интеллигенцию Ленинграда в Дом писателя для разговоров о стране, жизнь в которой покатилась под уклон. Участниками наших собраний были Глеб Горышин, Иван Виноградов, Михаил Аникушин, Алексей Воронцов, Ивглаф Сигов, Президент Русского географического общества Сергей Лавров… Мы понимали, что наиболее зрелая, разумная часть общества против ломки существующего строя, предлагали способы преобразования, преображения советской действительности. Однако ведущаяся высшим руководством страны во главе с М. Горбачёвым политика сделала страну неуправляемой. Власть, как говорится, валялась под ногами, и её подхватили те, кто будет не властвовать, а глумиться над властью.

В одном из наших с Сиговым разговоров я сказал, что моя дочка Оля учится на экономическом факультете университета. Он поинтересовался, как у неё дела с учёбой, и я ответил, что вполне

успешные. — «Пусть не останавливается на дипломе, — посоветовал он. — Пусть поступает в аспирантуру».

Я сказал, что сейчас, когда в нашем обществе резко упал интерес молодёжи к получению образования, трудно настроить кого-либо на продолжение учёбы. Но Ивглаф Иванович возразил: «Это временно, это в ряду диверсий против нашей страны. Понизить уровень просвещения — значит понизить уровень культуры. А это прямой путь к распаду».

Дома сказал об аспирантуре дочке. «Па, сколько можно учиться?! — возмутилась она. — Ты хотел, чтобы я училась в университете — я учусь. И хватит. Я знаю, аспирантура не мне нужна, а тебе!» — «Да, — сказал я, — у меня аспирантуры не случилось, и я бы хотел, чтобы она была у тебя».

День рождения Ивглафа Ивановича мы отметили в кафе недалеко от Сенной площади. Поздравляя его, я сказал, что, по гороскопу, мы с ним между овном и тельцом, а значит, пограничники. Нам негоже пропускать врагов в наше Отечество. На что Ивглаф Иванович усмехнулся: «Самые опасные враги уже здесь, уже действуют».

22 апреля. Мой день рождения, мне 65! Отметили его в писательской организации. Чтобы обойтись без велеречивости, я сразу сказал, что главным событием моей жизни стало недавнее обретение мною почётного звания ДЕД! Потому как эту награду я получил не от правительства, а от самой Жизни!

Пили за внучек и внуков, дочек и сыновей, отцов и матерей, а также за бабушек и дедов.

Потом я спел песенку про милку Анну, которая в канун моего прошлого дня рождения явилась мне во сне. Кажется, мало кто поверил, посчитав это шуткой.

Поздно вечером отправился к внучке. В поезде думал о том, что в детстве я не был маленьким, а был большим, как никогда потом, когда возмужал и перешёл во взрослую жизнь. В детстве, видя ласточку, я мог быть ласточкой, видя паровоз, мог быть паровозом, видя реку, мог быть рекой. Потому что я их всех понимал по-своему. И ещё думал о внучке и волновался, как перед свиданием с любимой.

23 апреля. Москва. Вот и Мария. Послезавтра ей исполнится два месяца. Увидела меня и нахмурилась — что за чудище бородатое? Глазами поискала маму или бабушку, не нашла и внимательнее вгляделась в деда. Вздохнула, но плакать не стала… Как написал поэт Лев Мочалов: «Моя! Пока ещё совсем моя!..»

Дочка выглядит уставшей и слегка растерянной. Почти не разговаривает, только улыбается. Кажется, пока не осознаёт, что

стала мамой. Саша смотрится молодцом. Умный, готовый тут же включиться в разговор и в работу, держится весело и непринуждённо. Галина, как всегда, уравновешенна и спокойна. Хорошо, что у Марии есть бабушка. Все они — моя семья, которая живёт вдали от меня. И требует, чтобы я завершал работу в писательской организации и переезжал к ним.

27 апреля. Петербург. Дом на улице Садовой, 61. Здесь была квартира Елизаветы Алексеевны Арсеньевой — бабушки Михаила Юрьевича Лермонтова. Здесь он написал своё знаменитое стихотворение «Смерть поэта». Состояние Дома и квартиры — хуже не бывает. В квартире — деревянные столбы-подпорки, чтобы не рухнули потолки. Здесь каким-то образом всё ещё проживают люди, в том числе дети. Много лет судьбой дома занимается наша «поэтка» Зоя Степановна Бобкова. Куда она только ни обращалась, кому только ни писала писем — как об стену горох. Вот и сейчас мы пришли сюда, чтобы лишний раз убедиться в крайне бедственном и разорённом состоянии дома, связанного с именем Лермонтова. И написать городским властям новое письмо. А пока что поэты Борис Орлов, Зоя Бобкова, Ирэна Сергеева, Марина Марьян читают свои стихи…

1 мая. Праздник. К нам вернулась трава, берёзы обрядились в нежно-зелёные серёжки, а я один. И пусто, и тревожно за моих москвичей — как они там, всё ли ладно? Хорошо, что есть дело: вношу последнюю правку в рукопись романа «До выстрела». Теперь, когда книга написана, сам удивляюсь, откуда что взялось. При той скудости материала, который я имел, было совсем непросто создать цельное повествование о трагической жизни семьи русского морского офицера. Да ещё когда по просьбе главы семьи Степана Васильевича пришлось заменить самоубийство его жены — матери двух сыновей — смертью от «головной боли». Вдовство Степана Васильевича, сиротство детей носят случайный характер, потому что изначально заложенный судьбой трагизм семьи получил несоответствующую ему тональность. Но, кажется, в какой-то степени удалось выразить главное — время и характер становления в России капитализма, его звериный оскал. Смерть братьев Червонюков — лишь капля в море других смертей «новой, рыночной эпохи».

Почему я взялся за написание этой книги? Во-первых, немного знал братьев Олега и Сергея Червонюков — они приходили к издателям братьям Александру и Сергею Марковым, которые арендовали в нашей писательской организации две комнаты. И не только арендовали, но помогли мне создать газету «Литературный Петербург». Во-вторых, мне нужно было сосредоточиться на каком-то определённом литературном деле.

Одно «своё» из-за крайней раздробленности моего времени не выходило. Сядешь к столу и чувствуешь: голова забита всякой всячиной, но только не тем, что нужно для работы. Ничего цельного, сплошные отрывки и обрывки. А здесь — якорь нужности: пообещал — задолжал!

5 мая. День рождения моей одноклассницы Галочки Чернышевой. Ей исполнилось 64 года — вершина молодости, подножие мудрости. В классе она была отличницей, а я — безобразником. И, как часто бывает, именно отличница и безобразник стали дружить. Несколько лет назад она, к моему удивлению, позвонила мне из Минска, сказала, что прочитала в «Ленинке» роман «Открытый ринг» и не удержалась от того, чтобы разыскать мой телефон. Её тронула моя книга, и, при случае, она более подробно расскажет о своих впечатлениях. Она окончила Московский полиграфический институт, давно стала бабушкой, но об этом тоже потом, при встрече. Правда, не уверена, что такая встреча когда-нибудь состоится. — «Вполне вероятно, — сказал я, — будем готовиться…»

Я приехал в Минск через два месяца после её звонка, купил розы и явился на свидание. Последний раз я видел её сорок пять лет назад — меня тогда к ней пригласила её подружка Света Пушкина, наша бывшая одноклассница. Приехали, а Галочка не одна, у неё в гостях мальчик, тоже Ваня. Никакого разговора не получилось, мы напились чаю и расстались. И только сейчас я узнал, что это был не просто мальчик, а Галочкин будущий законный муж — Иван Галкович. Прямо чудеса: у моей первой девочки Гали муж — Иван, а у меня жена — Галина!

Нельзя сказать, что четыре с половиной десятилетия сильно изменили её, она узнаваема. Да и не смотрится пенсионеркой, просто в глазах некая настороженность и как будто устоявшееся ожидание. Зашли в кафе. Она сказала, что давно разведена… И вскоре мы поняли, что расстались не десятилетия назад, а совсем недавно, может быть, вчера. Смотрю на Галю, а вижу не только её, но рядом с ней девочку Галю, и себя, четырнадцатилетнего, и весь наш класс — смуглую, сдержанную в словах и поступках Ларису Кривову, озорную, веснушчатую Свету Пушкину, старосту класса рыжеволосую, порывистую Раю Железную, остроумного, смешливого Вальку Мороза из параллельного класса, учительницу белорусского языка добрейшую Марину Петровну, директора школы большую, строгую Марию Адольфовну… Кажется, протяни руку — и прикоснёшься к своему детству… Я хотел, чтобы Галя пригласила меня к себе, но оказалось что дома у неё ремонт, и мы, прогулявшись под дождём, расстались…

Сегодня ей 64. Я позвонил, поздравил и узнал, что зимой

следующего года она собирается в Петербург. — «Тогда до встречи», — сказал я.

Галочка Чернышёва — главное подтверждение того, что у меня счастливая писательская судьба. Всю жизнь я писал с тайной надеждой, что когда-нибудь хоть что-то из написанного мною прочитает моя первая девочка — Галя. И вот, спустя почти полстолетия с того дня, когда мы встретились с нею в последний раз, она прочитала мою книгу и положительно о ней отозвалась. И пускай себе отдельных писателей знает весь мир, зато меня знает Галя Чернышёва из 7-го «б».

6 мая. Утром из Минска приехал Анатолий Аврутин. Мы провели с ним несколько часов в разговорах, пообедали и отправились в Дом журналиста. Здесь устраивался поэтический вечер, и я предложил ему почитать стихи наряду с питерскими поэтами. Он почитал и заслужил аплодисменты. Среди других стихов он прочитал «Грушевку», которая мне давно приглянулась:

Стирали на Грушевке бабы,
Подолы чуток подоткнув.
Водою осенней, озябшей
Смывали с одёжки войну.
Из старой дощатой колонки,
Устроенной возле моста,
Прерывистой ниточкой тонкой
В корыта струилась вода.
От взглядов работу не пряча
И лишь проклиная её,
Стирали обноски ребячьи
Да мелкое что-то своё.
И, дружно глазами тоскуя,
Глядели сквозь влажную даль
На ту, что рубаху мужскую
В тугую крутила спираль.

Иногда я эти строчки напеваю на мотив «Прощайте, скалистые горы…», только добавляю вторую «ниточку» и вторую «рубаху». А когда поёшь на мелодию песни «Раскинулось море широко», вообще ничего не нужно добавлять.

8 мая. Москва. Я здесь в составе делегации города-героя Ленинграда на XIII слёте Международного союза городов-героев России, Беларуси и Украины. Слёт посвящён 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Эта общественная организация создана по инициативе Геннадия Зюганова и бывшего командующего Черноморским флотом адмирала Алексея Калинина. В 1991 году в Смоленске был проведён Первый (неофициальный) слёт, на котором его

участники заявили о намерении создать Союз городов-героев в связи с опасностью расчленения Советского Союза. Понадобилось время, чтобы осуществить эту идею, но уже не в рамках СССР, а в рамках СНГ. В 1997 году в Минске состоялся Пятый слёт, на котором был принят Устав, избран Совет Союза городов-героев и определена штаб-квартира организации — город-герой Ленинград. Делегаты от Москвы предлагали, чтобы штаб-квартира находилась в столице Беларуси, но минчане не согласились. Глава минской делегации генерал Боков сказал: «Во время Великой Отечественной войны жители и защитники всех городов-героев совершили беспримерный подвиг, но подвиг Ленинграда особый. И мы выразим своё глубокое уважение ленинградцам, определив место пребывания штаб-квартиры в их великом городе».

Так и решили. Председателем Совета избрали ленинградца, адмирала Алексея Михайловича Калинина.

Я вошёл в состав Совета и был участником всех слётов, проводившихся в разных городах-героях. К нашей горечи, Алексей Михайлович тяжело заболел и вскоре скончался, завещав нам крепить дружбу не только городов, но и народов. В 1998 году в Киеве, когда мы, делегаты всех тринадцати городов-героев России, Беларуси и Украины, 9-го мая вышли в праздничных колоннах на Крещатик, киевляне встречали нас, как освободителей, с цветами и слезами на глазах.

Сейчас в Москве я прямо с поезда заехал к внучке — и порадовался, что у неё хорошее настроение. Кажется, она меня узнала и даже потрогала бороду.

— Расти, малышка, ты в хорошей семье, так что будем тебе помогать, — сказал я и отправился на слёт. Пленарное заседание.

Военный парад на Красной площади.

Торжественный приём у Мэра Москвы Ю. Лужкова. Выступали делегаты. Представитель Севастополя посетовал: «В этом году у нас в Крыму наблюдалось больше американцев, англичан, немцев и поляков, чем гостей из России». Проникновенно прозвучало выступление туляка Ивана Антоновича Миронова — пол- ковника-лётчика, Героя Советского Союза. После тяжёлого ранения в одном из воздушных боёв он лишился руки, но это не помешало ему совершить ещё более 100 боевых вылетов. Владея одной рукой, сбил 6 самолётов противника. Завершил он свой рассказ словами, после которых невозможно было сдержать улыбку: «Маршал Жуков в своих воспоминаниях написал: «Великий подвиг совершили советские лётчики. Такие как Покрышкин, Кожедуб и др.». Вот «др.» — это обо мне».

12 мая. Петербург, Мойка, 12. Концертный зал при Музее-квартире А.С. Пушкина. Торжественный вечер, посвящённый 60-летию Победы. Собрались писатели и приглашённые мной члены Совета Союза городов-героев. Здесь вицеадмирал Александр Михайлович Славский, мой земляк-белорус вице-адмирал Егор Андреевич Томко (это он в семидесятые годы на подводном атомном крейсере прошёл подо льдами Северного полюса к берегам США, вежливо, но строго предложил американцам жить мирно и вернулся обратно, за что получил звание Героя Советского Союза), член Законодательного собрания Санкт-Петербурга О. Корякин. Пришёл приглашённый мной участник Великой Отечественной войны, генерал-майор в отставке Александр Васильевич Пыльцын, автор знаменитой книги «Штрафной удар, или как офицерский штрафбат дошёл до Берлина». Я предоставил ему слово. Он рассказал, как его, особо отличившегося в военных операциях на фронте, в декабре 43-го назначили командовать штрафным офицерским батальоном и как этот батальон громил врага и шёл к Берлину. При этом он с гневом отверг измышления ангажированных писак, которые бессовестно искажают факты военного времени, в том числе роль и значение штрафбатов.

Другие ораторы говорили не столько о войне, сколько о нашем времени. Наше время вызывает наибольшие эмоции. Может быть, поэтому у Егора Андреевича Томко случился сердечный приступ, он потерял сознание. Вызвали «скорую» и отвезли его в больницу.

Слава богу, обошлось без последствий, и вскоре он уже был дома. А для себя я сделал вывод, что иное мирное время не менее опасно, чем военное.

2 июня. Из Москвы приехали дочка, внучка и жена. Внучка на меня смотрит строго, но приветливо. Вскоре собрались и поехали на дачу.

2S июня. Заседание Федерального Арбитражного суда Северо-Запада.

Комитет по управлению городским имуществом (КУГИ) Санкт-Петербурга подал апелляцию на решение судов первой и второй (апелляционной) инстанции. Нас по-прежнему пытаются лишить помещения на Большой Конюшенной, которое мы получили в июле 1996 г. в бытность мэром А. Собчака. После пожара в Доме писателя мы почти три года скитались по библиотекам, и наконец нам выделили 250 кв.м. в центре города. С прошлого года к нам зачастили проверяющие из КУГИ, выявляли нарушения. И выявили — три комнаты из одиннадцати мы сдаём в субаренду, чтобы иметь возможность оплачивать воду,

канализацию, электричество, телефон, работу бухгалтера, уборщицы и секретаря.

Первое судебное заседание завершилось в нашу пользу. В решении, принятом судьёй Дудиной, сказано: «Принимая во внимание факт, что между писателями города и КУГИ был заключён Договор о безвозмездном и бессрочном пользовании помещениями, а также учитывая высокий социальный статус писателей, в иске КУГИ отказать». Апелляционный суд поддержал решение суда первой инстанции. Но КУГИ не успокоился.

Сейчас юристка, защищающая в суде интересы КУГИ, сказала, что договор бессрочного пользования — это договор, который любая из сторон может, по своему желанию, расторгнуть в любой момент.

— Тогда, выходит, сегодня можно заключить договор с писателями, заявив себя как благодетелей, а завтра его расторгнуть? — спросил я у неё.

— КУГИ не интересует судьба общественной организации, хотя бы и писательской. И он не обязан подыскивать вам другое помещение.

— Нам непонятно, почему вы так настойчиво пытаетесь лишить нас весьма скромного помещения. Недавно на встрече писателей с губернатором Валентиной Матвиенко она, обращаясь к начальнику отдела недвижимости КУГИ, с гневом воскликнула: «Дожили: с писателями судимся! Можно подумать, нам уже и судиться не с кем!..» Но, как видим, слова её остались словами. Ещё мы видим, что здание, в котором располагается наша писательская организация, быстро заполняется частными коммерческими структурами: кафе, бизнес-центр, гостиница… Они уже заняли три этажа, мы — на четвёртом. Мы мешаем.

После этого суд удалился для принятия решения. Вскоре вернулся и объявил нечто такое, чего я сразу не понял. Пришлось уточнить:

— Нас выселяют?

— Нет, — сказал судья. — Решение получите по почте.

Уходя из суда вместе с юристкой, поинтересовался, как понимать слова судьи.

— Как вашу победу, — без злости, но и без энтузиазма ответила она.

…Пешком пересекал Исаакиевскую площадь. Ни радости от успеха, ни горечи от такой жизни.

Позвонил знакомому юристу, рассказал о суде. Он пояснил:

— В постановлении Федерального Арбитражного суда будет указано, чтобы ваше дело снова рассмотрела первая судебная инстанция. Но вряд ли она изменит своё решение.

1 июля. Позвонили из СПб отделения Посольства Республики Беларусь. Пригласили посмотреть зал, в котором предлагается провести День Беларуси. Приехал, познакомился с Дмитрием Сивицким — руководителем отделения: невысокого роста, плотный, похож на борца. Ранее он несколько лет возглавлял отделение посольства Беларуси в Екатеринбурге. На представительской машине поехали с ним на Гражданку: ну и зал! На стене при входе — небоскрёбы, на их фоне — шайка гангстеров, один из них с пистолетом. Это у кого же такой вкус? А главное, кто посоветовал проводить именно здесь «День Беларуси»? В полутёмном зале к нам подошла официантка, подала меню. Мы пригласили водителя.

Я раскрыл меню: о, мать! Закуски с названиями: «Схватка», «Пуля в теле», «Ночной налёт», «Морда врага»…

Водитель усмехнулся:

— Неплохо, конечно, скушать «Морду врага», но прибегут СМИтки, осветят — позору не оберёшься.

Мы согласились. И отправились обратно. Из машины я позвонил председателю общественной организации «Российско-Белорусское братство», профессору педагогического университета имени Герцена Алексею Васильевичу Воронцову и пригласил его в белорусское представительство. На протяжении нескольких лет он являлся вице-губернатором Ленинградской области (при губернаторе Вадиме Густове). Вскоре он приехал, а вместе с ним — журналист радиогазеты «Слово» Андрей Антонов. Организовали небольшое застолье. В короткой беседе пришли к выводу, что в нашем городе необходимо создать Клуб друзей Союзного государства России и Беларуси. В него должны войти представители творческой интеллигенции — писатели, журналисты, учёные, преподаватели вузов и школ. Решили, что возглавить такой клуб должен я, так как сама идея его создания принадлежит мне. Я предложил подождать до осени, а там посмотрим.

13 июля. Архангельск. Приехал на 70-летие Архангельской писательской организации. Поезд шёл почти 26 часов. Пока ехал, смотрел в окно и не верил своим глазам — разруха, как после войны. Бывшие здания железнодорожных станций с провалившимися крышами и выбитыми окнами. Кругом бедность и разор. А такого мусора, такой антисанитарии нет, наверное, ни в одной стране мира — первый признак вырождения, увядания. Хорошо бы, высшим чинам государства проехаться по таким местам.

Архангельск — чистый город, много ветхих деревянных домов. Посреди города — каменный клык со шприцем-

телевышкой на крыше. Чудовищное здание. Памятник бы такой на могилу тому, кто удосужился возвести подобный «шедевр». Но сами архангелогородцы считают, что оно необходимо, так как является главной городской доминантой.

14 июля. Разместился в гостинице «Двина», в отдельном номере.

После обеда собрались в актовом зале Архангельской областной научной библиотеки им. Добролюбова. В президиуме — мы с В. Ганичевым и руководителем Архангельской писательской организации Инель Яшиной. Открыл заседание Валерий Ганичев и много тёплых слов сказал об Архангельской писательской организации.

Выступали Владимир Костров, Владимир Личутин, Семён Шуртаков. Несколько слов сказал я:

— Большое спасибо вам, дорогие архангелогородцы, за вручённую мне два года назад высокую награду — литературную премию имени вашего знаменитого земляка Фёдора Александровича Абрамова. Рад, что наша встреча проходит в библиотеке. И мне хочется вручить её читателям и сотрудникам две мои только что вышедшие книги — «Мальчишка с того перекрёстка…», изданную в Минске, и питерское издание «Война была долгой», тема которой «война и дети». У меня, как, вероятно, у многих, особое отношение к библиотекарям. Из всех чужих людей в моей жизни лучше всех ко мне относились библиотекари. На моей родине в Минске, где прошло моё детство, мы, мальчишки, играя во дворе, часто «выкидывали» всякие фокусы. На замечания взрослых — ноль внимания. Но была одна женщина, Алла Константиновна, которую все мы уважали и только её могли послушать… Однажды, когда мне было лет десять-двенадцать, я сказал маме: «Ма, правда, Алла Константиновна — умная женщина?» — «Ещё бы! — ответила мама. — Ведь она — библиотекарь!»

15 июля. Приём у мэра Архангельска А. Донского. Речи. Тосты. Здравицы. А перед глазами — дорога в наш северный город. Тлен и разруха.

16 июля. Посетили музей деревянного зодчества и литературный музей, где нам рассказали об архангельской ветви потомков А.С. Пушкина.

Были гостями архангелогородского владыки о. Владислава. Говорили о детях, об унижающей человеческое достоинство бедности.

Познакомился с библиотекарем детской библиотеки Ириной Васильевной Пе- ревозниковой. Зарплата нищенская, но любит свою работу, как многие другие, и не собирается уходить. Одна

растит 12-летнюю дочку.

На следующий день рано утром отбыл из Архангельска.

17 июля. Петербург. Позвонил Д. Сивицкий — попросил приехать в Представительство посольства Беларуси. Встретились. Были учёные-профессора, кто- то из бизнесменов, журналисты. Продолжили разговор об учреждении Клуба (Общества) творческой и научной интеллигенции — друзей Союза России и Беларуси. Я сказал, что было бы разумным организовать ознакомительную поездку в Беларусь для части этой самой интеллигенции, человек 10–15. Она не только получила бы представление о жизни современной страны, но и составила бы актив будущей организации. Д. Сивицкий без восторга встретил моё предложение, заявив, что такая поездка потребует немалых средств, а со средствами есть определённые сложности.

Решили собрать инициативную группу в ближайшее время.

19 июля. Были с моим коллегой — руководителем Союза писателей Санкт- Петербурга Валерием Поповым — у юристки. Принесли документы на регистрацию Устава Ассоциации писательских организаций СПб. Цены грабительские, но делать нечего, будем платить 7,5 тыс. за подготовку документации и 7,5 тыс. за регистрацию Устава. К тому же у нас нет юридического адреса, так что и за это придётся заплатить 3 тыс. за полгода.

Почти шесть десятилетий в Северной столице действовала Ленинградская писательская организация Союза писателей РСФСР. В начале лихих 90-х из её состава выделилась группа писателей, которая организовала новый, ранее не существовавший Союз писателей Санкт-Петербурга. Разделились не по творческому принципу, что было бы нормально, а по политическому и по национальному, если учесть, что в новом Союзе оказались, в основном, писатели-евреи. Члены нового Союза, наряду с частью московских коллег, провозгласили себя активными борцами за идеалы перестройки, даже влились в политизированную организацию «Апрель». Тогда как мы, оставшиеся Ленинградской писательской организацией, не собирались никуда встраиваться, перестраиваться, а думали по-прежнему служить литературе и своему Отечеству. О том, что случилось дальше, я написал в романе «Открытый ринг», так что не буду повторяться. Но после того как сгорел Дом писателя, все мы оказались на пепелище. И вскоре нам, но особенно ИМ, стало ясно, что перестройка и новые власти оказались не в состоянии не только изменить что-либо к лучшему, но даже сохранить то хорошее, что было раньше. Полный крах потерпела творческая интеллигенция, которая, как выяснилось, теперь никому не нужна и никого не интересует. В прошлом остались большие тиражи,

достойная оплата писательского труда, многочисленные и хорошо оплачиваемые встречи с читателями, Дома творчества за символическую плату, творческие командировки, в том числе за рубеж. Уже не говоря о квартирах, которые писатели получали от города при долевом участии Литфонда в строительстве жилых домов. Отныне писатели, так же как церковь, отделены от государства — ни отпуска вам, ни оплаты больничного листа, ни статуса трудящегося человека. Рынок у нас — бог и царь, молитесь ему и подчиняйтесь!.. И если ныне церкви возвращается её имущество (хотя на самом деле со времён Петра I никакого своего имущества сама церковь не имела, а имели его прихожане), то у писателей разными способами отнимается то, что принадлежит им на законных основаниях: Дома творчества, поликлиники, помещения редакций и издательств и многое другое.

Время показало, что ждать милостей от такого государства писателям не приходится, и постепенно созрела мысль объединиться. Но не в смысле соединиться в одно целое, стать единой семьёй — это при нынешних властях невозможно, — а «дружить семьями». Хотя бы для видимости. Чтобы выбить из рук властей предержащих козырь: дескать, вы разделены, и мы не знаем, с кем из вас иметь дело.

Мы с Поповым долго рассуждали на эту тему, несколько раз встречались и думали, как быть. И поняли: выход один — идти не вместе, но параллельно.

В его организации возникло немало недовольных, которые тут же пригрозили выходом из Союза, если такое соединение произойдёт. Это при том, что мы какое- то помещение имели, а они — нет, просто их пустила к себе ВААП, выделив им две комнаты. Много было шума от предстоящего объединения — радио, телевидение, газеты. Мы с Поповым дали интервью для «ЛГ».

А вскоре провели в Доме актёра «объединительное» собрание, пригласили на него губернатора В. Матвиенко, и она заявила, что если произойдёт такое объединение, власти города тут же решат вопрос о достойном помещении для писателей.

После собрания был устроен торжественный ужин. Впервые за много лет писатели чокались бокалами и улыбались друг другу. Правда, не обошлось без «приятной» для меня неожиданности: в разгар вечера ко мне с рюмкой в руке подошёл поэт Олег Левитан и, глядя в глаза, проговорил: «Я бы тебя за межняков из твоего «Открытого ринга» убил!» — «А нож ты уже наточил?» — спросил я. Он опустил глаза и протянул рюмку, чтобы чокнуться со мной. Мы чекнулись и разошлись. Я

вспомнил, как почти полтора десятка лет назад вёз в Минск на 150-летие со дня рождения белорусского классика Франциска Богушевича питерских литераторов — главного редактора Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» Юрия Помпеева, 1-го зама главного редактора «Невы» Евгения Невя- кина и только что принятого в Союз Олега Левитана. Не успел тронуться поезд, как наш Левитан стал жаловаться на судьбу: вот он, в отличие от нас, еврей, ему плохо, все видят в нём только еврея и не видят поэта. А ему так это обидно, что и жить не хочется. Сначала мы его как-то успокаивали, шутили, но, когда он, что называется, достал, пригрозили ссадить с поезда на ближайшей станции. Помогло. Он посидел молча, а потом стал читать вполне приличные, немного даже простецкие стихи…

Однако к делу.

Юристка Оксана Бородина, услышав фамилию Попов, да ещё Валерий, подозрительно взглянула на него и спросила:

— Это ваш рассказ я читала в «Огоньке»? А почему такой конец?

— Не знаю, такой получился, — смутился Попов.

— Надо же, — сказал я, — не перевелись ещё люди, которые читают!

— Да, я читаю с самого детства, — сказал Попов.

— Я не про тебя, — сказал я.

— И я — с детства, — сказала Оксана Петровна. — Я много болела, и потому было время читать.

— Нет худа без добра, — сказал Попов. А я подумал, что Оксана Петровна, увидев понравившегося ей автора, на радостях снизит нам расценки. Не снизила. Да ещё предупредила, что если мы вовремя не соберём необходимые документы, то и эти деньги пропадут. А Попов сказал, что когда получит гонорар из «Огонька», придёт к ней как будто официально, а на самом деле пригласит её по-дружески отметить публикацию рассказа. На том и расстались — пошли готовить недостающие документы.

20 июля. Был в собесе — получал ветеранское удостоверение. Пока ожидал своей очереди, слушал разговор двух тугоухих долгожителей:

— В Старой Руссе — грязи природные. Приехал почти хромой, на палку опирался. Две процедуры прошёл — палку бросил.

— Вишь как. А я свою похоронил. Отвёз на кладбище и просидел возле её могилы всю ночь.

— И хорошо, и не езди. Теперь везде лжецы. Особенно в правительстве. От них любую сказку услышишь.

— Про Кисловодск? Ты хочешь в Кисловодск?

— Да, брат, я теперь всё больше о смерти думаю.

— А что про неё думать? Пускай она про тебя думает. А тебе не про смерть думать надо, а про болезнь. Лично я не смерти боюсь, а болезни.

— Ты прав, народ больной. Испортился народ при Горбачёве и Ельцине. И нет лекарства, чтобы на поправку пойти. Нет такой таблетки для страны.

26 июля. В зале фундаментальной библиотеки имени императрицы Марии Фёдоровны Педагогического университета имени Герцена собралась инициативная группа по созданию Общества творческой и научной интеллигенции — друзей России и Беларуси. Пришло более 30 человек — профессора, писатели, журналисты. Я выразил сомнение, что такое Общество необходимо. Потому что и в Беларуси, и в России вряд ли можно отыскать здравомыслящего человека, который против сближения наших народов, против дружбы и сотрудничества между нашими государствами. Но с моим утверждением не согласились и предложили мне возглавить новую общественную организацию. Я не стал возражать, хотя понимал, что у неё нет ни малейших перспектив уже хотя бы потому, что слишком скудна материальная подоплёка. Сложно быть тимуровцами на седьмом-восьмом десятке лет. А на одном энтузиазме в наши дни далеко не уедешь.

4-6 августа. Из Минска приехал писатель Сергей Трахимёнок — рослый, с открытым лицом и широкой улыбкой. Остановился у меня. Собирается в Питере выпустить свой новый роман. Попросил меня написать предисловие. Лёгкий в разговоре полковник, он возглавляет кафедру какого-то минского высшего военного учебного заведения. Раньше я прочитал его рассказы, просто и хорошо написанные, трогающие душу.

Утром позвонил Алексей Васильевич Воронцов, приглашает на дачу. Я сказал, что у меня гость. Воронцов обрадовался:

— Зовите и его. Будет Дмитрий Сивицкий, кое-кто ещё, так что поговорим.

Поехали на двух машинах. С нами друг Трахимёнка — Сергей, управляющий банком. С Сивицким — Анатолий Чеботков, гендиректор Мегапрома, и Игорь Руденков, директор ЗАО «Беларусь — МТЗ». Игорь — сын бывшего руководителя представительства Посольства Республики Беларусь в Петербурге Владимира Михайловича Руденкова, с которым я хорошо знаком и который вместе с женой был на представлении моей книги «Открытый ринг» в Доме журналиста.

Дача Воронцова — на Средневыборгском шоссе, рядом с Медным озером. Большой дом из силикатного кирпича,

прекрасно оснащён и обустроен, всё из дерева, отличная мебель.

Во дворе беседка. В ней мы повели наше застолье и разговоры — сплошные анекдоты. Нет, не умеем мы собираться в неформальной обстановке для дела. Казалось бы, встретились известные, состоятельные люди, порешайте что-нибудь, о чём-нибудь договоритесь. Так нет же — анекдоты! Когда солнечный, ветреный день стал клониться к вечеру, я предложил поддержать издание газеты «Литературный Петербург». Пообещал, что газета будет публиковать самые разные материалы на тему экономических связей Беларуси и России и строительства Союзного государства. Ответа не получил.

На обратном пути заехали ко мне. Я поставил чайник. Сивицкий увидел на стеллаже толстенный роман Жолта Харшаньи «Грёзы любви» — о Ференце Листе, подаренный мне поэтом и переводчиком книги Сергеем Вольским, и взял почитать. Сказал, что его дочка занимается музыкой, ей будет интересно.

7 августа. Был на даче, у своих. Прикатил Саша из Москвы и внучатая племянница моей жены Маша с дочкой Лилей — из Чернигова. После обеда у меня на руках сидит Мария. Увидела, что бабушка Галя взяла на руки полуторагодовалую Лилю, и вдруг захныкала, затрепетала у меня на руках, устремилась к бабушке — ревнует. Чудеса на веранде: всего-то четыре с половиной месяца, а надо же!

Позвонил С.В.Червонюк — отец Олега и Сергея Червонюков — трагических героев моего романа «До выстрела». Сказал, что роман напечатали и привезли из Москвы. Книга ему нравится, договорились встретиться в среду, 10-го, в писательской организации.

8 августа. Утром приехал в Дом творчества «Комарово», больше чем наполовину пустой — писатели не способны оплачивать в нём своё проживание. Больно смотреть, в какую лачугу превратился некогда вполне пригодный для работы и отдыха дом. И немудрено: директора тут меняются как перчатки. Даже чаще. Совсем недавно была Тереза Владимировна, после неё Валентина Павловна, потом Степан Васильевич, потом Конышев, теперь Князев… Кто следующий? И каждый что-то брал с несчастного Дома, ничего не давая взамен.

Такое чувство, что зря приехал, что можно было работать и дома, где никто не мешает. Соблазнился тем, что отсюда, из Комарова, до моей дачи — всего четыре остановки на электричке.

Определился на 15 дней, но смогу ли выдержать?

9 августа. Написал рассказ, которому дал название «Варвары» (или, может быть, «Цена»?): муж и жена вынуждены продать отличную дачу с домом, баней, времянкой и сараем в Комарово

по высокой, как им кажется, цене. Дачу они возводили много лет и весьма ценят то, что было создано. У них покупают не торгуясь. Потом муж вспомнил, что забыл на даче лыжи. Приезжает, чтобы забрать их, и, к своему ужасу, видит, как бульдозер сметает все дачные строения в пух и прах. Оказывается, покупателям нужна только земля, и ничего больше. Один из них говорит: «Нам история ни к чему, нас интересует лишь география».

10 августа. В писательскую организацию приехал Степан Васильевич Чер- вонюк и привёз мне 150 экземпляров моего романа «До выстрела». Хорошо издан, в красивой суперобложке, 350 страниц, тысячный тираж. Пришёл Николай Коняев. Мы вчетвером, вместе с женой Степана Васильевича, отметили выход книги армянским коньяком. Первую рюмку подняли в память о сыновьях Степана Васильевича. Вскоре Коняев ушёл. Мы поехали к вдове Олега Червонюка — Ие, на Свечной переулок. Купили арбуз, хризантемы, коньяк, куру-гриль, что-то к чаю. Пришли в квартиру, которую когда-то купил и отремонтировал Олег. Красиво, уютно, ничего лишнего. Посреди комнаты — огромный диван — «углом». Лера — дочка Ии и Олега — сейчас с бабушкой в Крыму. Говорили об Олеге, Серёже, о книге и особенностях её написания. Прежде всего, о скудости материалов-воспоминаний. Бывшие коллеги, друзья Олега, по неизвестным мне причинам оказались крайне скупы на информацию. Будто что-то скрывали, а может, глуповаты, не могут воедино связать прошлые события и своё понимание сути того, что происходило. Многое пришлось додумывать, а точнее, писать «из себя». Но, кажется, Степан Васильевич и Евдокия Андреевна довольны книгой. Доволен и я. Сколько раз хотелось бросить работу над нею, потому как постоянно чувствовал, как она сопротивляется, не хочет «писаться». Однако чувство преодоления и спортивный азарт взяли верх — дописал. И сам подивился, сколь точна поговорка «Дорогу осилит идущий».

Домой вернулся около полуночи. А тут сюрприз: мои вернулись с дачи. Приехали принять ванну и передохнуть от дачной жизни.

11 августа. Утром, не успел явиться в Комарово, как позвонила Галина и сказала, что разговаривала с вдовой Радия Погодина Маргаритой Николаевной и та напомнила, что через пять дней Погодину исполнилось бы 80 лет. Попросила меня связаться с директором Областной детской библиотеки Майей Сергеевной Куракиной, которая готовит радиопередачу о Погодине, и 16-го числа принять в ней участие.

Читал свой роман «До выстрела». Написано плотно, связно и — в целом — о жизни. И смерти. Всё ведём разговоры, как в наше

новое время бедствуют старики. Но в ещё более бедственном положении молодые…

12 августа. С утра Дом творчества заселили подростками — от 12 до 17 лет. Нормальные дети: прилетели с магнитофонами, гитарами, с какими-то особенно звучными трещотками. Сказали, что на 3 дня. В коридорах вопли, хохот и грохот. Невозможно выдержать, и я отправился домой. Вовсе не из протеста или обиды на детей. Просто нет настроения.

16 августа. Сегодня Радию Погодину исполнилось бы 80. Его и Фёдора Абрамова я считаю лучшими прозаиками всего ленинградского периода. Художники. Погодин до своей неизлечимой болезни был отдан детям, а когда заболел, писал повести для взрослых, но и в них было что-то от детскости, от изначального узнавания мира. Рядом с Погодиным и Абрамовым я бы ещё поставил Алексея Толстого, Ольгу Форш и Юрия Германа. А дальше нужно думать. Дальше Михаил Пришвин, но он не ленинградец. К сожалению, эти светлые литературные имена всё реже звучат в скудной на таланты постперестроечной жизни.

В середине 90-х наша писательская организация предложила администрации Санкт-Петербурга установить мемориальную доску на доме, где жил выдающийся русский писатель, герой Великой Отечественной войны, полковой разведчик, кавалер двух орденов Славы, двух орденов Красной Звезды, ордена «Знак Почёта», ордена Отечественной войны, обладатель Международного диплома имени Г.Х. Андерсена, лауреат Государственной премии РСФСР Радий Петрович Погодин. Нам тут же ответили, что установить мемориальную доску не позволяет положение, по которому такая акция проводится не ранее чем по истечении 25-летнего срока после смерти героя. Хотя мы знаем немало примеров, когда не только этот простой знак, но даже памятники устанавливались лицам, заслуги которых значительно скромнее, и не дожидались 25-летнего срока. Ещё хорошо, что писательская общественность Санкт-Петербурга и сотрудники Ленинградской Областной библиотеки добились присвоения ей имени Радия Погодина.

Недавно мы в нашем издательстве «Дума» выпустили новую книгу писателя «Река» на средства, выделенные Издательским советом Санкт-Петербурга. Три десятка экземпляров и небольшую сумму денег передали Маргарите Николаевне, вдове Радия Петровича. За несколько дней до этого, пока она ходила в магазин, грабители взломали дверь её квартиры, унесли что смогли, теперь дверь нужно было менять, и деньги ей пришлись как нельзя кстати.

Позвонил ей — болеет, теряет слух и зрение, один глаз ей зашили, другим плохо видит. Но обрадовалась звонку, пригласила нас с Галиной в гости, и мы приехали к ней на Васильевский остров, привезли с собой угощение и вино. Подивились ухоженности и чистоте квартиры, увешанной живописными картинами Погодина. На одной — две черепахи возле горы арбузов, некоторые из них расколоты и обнажили свою внутреннюю красную суть. На другой картине — жираф, пытающийся войти под низкую городскую арку. Примитивизм, но красочный, тёплый. То же самое и на других картинах.

Года через два-три нужно вернуться к вопросу о мемориальной доске.

26 августа. Минск. Приехал к маме. Разговаривать трудно, она плохо слышит. Меня узнала, но не верит, что мне шестьдесят пять. Сказала, что я старик.

— Нет, мама, пока я твой сын, стариком быть не могу, не имею права.

— Ну да, я же старше тебя на двадцать шесть лет. Это я старуха. Загостилась я, пора домой.

Я сказал, что она дома: ухоженная, досмотренная. А что касается «дома», то там мы все окажемся, не надо торопиться.

— Ай, сынок, человек живёт, пока чем-то занят. А какая у меня жизнь, если я ничего не делаю? Не дай бог никому. Скорее бы попрощаться со всеми и в путь- дороженьку.

Меня, как, наверное, всех, смущают слова о смерти, особенно когда их произносит кто-то близкий. Стараюсь найти другую тему, и часто удаётся «поменять пластинку».

— Да, мам, чуть не забыл. Ты раньше умела толковать сновидения, может, и теперь объяснишь, что значит мой сон. Приблизительно, раз в три-четыре года во сне я оказываюсь голым на улице. Мне стыдно, неловко, закрываюсь руками, бегу дворами и даже еду в троллейбусе, представляешь! Люди смотрят на меня, иные отворачиваются, кто-то посмеивается, а я просыпаюсь и долго переживаю своё состояние. К чему бы такое?

— Живёшь не по правде, может быть, что-то скрываешь от жены. Живи так, чтобы нечего было скрывать.

— Но не может же душа быть нараспашку? Что-то должно оставаться личным, до чего никому нет дела?

— Тогда не удивляйся и не гадай, что тебе такое снится.

Дома у Аврутина встретился с Алесем Мартиновичем, Сергеем Трахимёнком, Александром Соколовым. Говорили о Президенте Лукашенко. У моих белорусских друзей есть понимание, что он сохраняет в стране всё лучшее, что было при советской власти.

Одно из отличий советской страны от нынешней России в том, что наша прежняя страна была страной коллективов, с коллективной идеологией, моралью и строгим отношением к труду как мерилу всех вещей. И гениальным по своей простоте и доступности лозунгом: «Кто не работает, тот не ест». Нынешняя Россия — страна групп и группировок, в которых мерилом являются деньги. Совсем другие люди. Подменённые. Их неозвученный лозунг: «Деньги есть — можешь не работать».

11 ноября. Петербург. Должен был состояться очередной арбитражный суд, но заседание перенесли на 19 января. Это уже 4-й суд. Первые три окончились неудачей для КУГИ. Судья Дудина сказала мне: «Иван Иванович, делайте что-нибудь, подключайте журналистов, общественность. Что же Вы проблему с вашим помещением взвалили только на меня?!»

Я поблагодарил её, но не стал объяснять, что все свои возможности в отстаивании нашего помещения мы исчерпали. Вплоть до встречи с губернатором. И никакого толку. Есть неузаконенная линия на развал творческих союзов.

Вместе со мной были поэт, капитан первого ранга Борис Орлов и прозаик, бывший таможенный генерал Валентин Аноцкий. Генерал высказал предложение выкупить у города помещение по его номинальной (не рыночной) стоимости. Он ездил в Гос. Думу, разговаривал с депутатом Валерием Драгановым о наших проблемах. Тот обещал помочь, а для этого подыскать спонсора.

Если бы такое удалось, возможно, руководителем писательской организации мог бы стать Аноцкий.

Скоро отчётно-выборное собрание, а я всё ещё не вижу будущего руководителя. Те, кто могут, не хотят. А тех, кто рвутся возглавить писательскую организацию, близко подпускать нельзя.

От переизбытка забот и постоянных стрессов, кажется, сойду с ума. Живу один. Полная депрессия, не могу написать ни строчки. И эти записи поверхностные, без проникновения в суть происходящего. Ещё никогда я не принадлежал себе так мало, как сейчас.

Живу памятью. Когда не пишется, лучше всего вспоминать… Помню: около 30 лет назад, когда на Лентелевидении создали фильм-спектакль по моей повести «Пробуждение», после просмотра первой серии ко мне подошла француженка (Аннет или Жаннет, она стажировалась по переводу русских фильмов на французский) и с некоторым сожалением сказала: — «Иван, не кажется ли вам, что вы в своей стране, в своих книгах и кинофильмах придаёте слишком большое значение теме войны и военных событий?» — «А вы у себя?» — «Нет, — сказала она, —

мы во Франции если и показываем войну, то стараемся делать это легко, даже весело». — «Ну да, — сказал я, — как воевали, так и показываете».

Моя Аннет-Жаннет словно бы обиделась, а после второй серии сказала: «Я подумала и поняла: да, есть разница в нашей и вашей войне. У вас, наряду со взрослыми, воевали дети, а у нас нет. Поэтому ваши фильмы грустные». Тогда я назвал ей одного французского мальчика-воина — Гавроша! И она рассмеялась.

Мы потом с нею встретились ещё раз, когда фильм показали по телевидению. Она была одета в белую кофту с длинными рукавами и в чёрный костюм-комбинезон. Лицо без косметики, и, наверное, поэтому она казалась моложе своих 27 лет. Я думал, Аннет-Жаннет будет опять говорить о фильме, но она задала неожиданный вопрос: «Иван, вы женатый человек?» — «Ну да. А почему вы спросили?» — «Так, — сказала она. — Мне кажется, у вас в стране все мужчины женатые». — «А у вас?» — «Нет, у нас много холостых, и они не хотят жениться». — «Так заставьте», — сказал я. — «Но как это сделать?» — «Проще пареной репы: поманите пальцем понравившегося вам мужчину и спросите: «Родимый, у тебя паспорт с собой? Тогда пойдём распишемся!»

О, как она смеялась, эта симпатичная француженка! И сквозь смех пообещала так и сделать. Не знаю, сделала ли?

18 ноября. В Российской Национальной библиотеке (бывшей «Публичке») состоялось представление книги о Союзном государстве Беларуси и России. Огромный синий том, дорогое издание. Много выступающих, говорили о вечной и нерушимой дружбе двух народов, о взаимопроникновении и взаимообогащении культур. Мы сидели вместе с Аркадием Пинчуком, он и меня подталкивал выступить.

Перед традиционным на подобных встречах застольем я сказал, что хорошо бы в добавление к такому гигантскому тому, который возможно хранить лишь в кабинете или в читальном зале, выпускать малоформатные издания о Союзном государстве. Чтобы мальчик или девочка, заинтересовавшись этой темой, могли взять книжку и, прислонившись к стенке или присев на ступеньку школьной лестницы, перелистать её, а возможно, обнаружив в ней что-то интересное для себя, и почитать. А на такую неподъёмную книгу он просто не обратят внимания.

Кто-то кивнул, но уже внимание гостей было устремлено на столы, где призывно громоздились выпивка и закуска.

2 декабря. Мойка, 12. Отчётно-выборное собрание писательской организации. Прибыл из Москвы 1-й секретарь правления Союза писателей России Геннадий Иванов. Накануне он позвонил мне и попросил встретить его на вокзале с тем,

чтобы побывать у Глеба Горбовского. С Горбовским он договорился о встрече, тот обещал передать ему рукопись для публикации в каком-то поэтическом сборнике.

Утром с вокзала мы поехали к парку Победы — там, на улице Кузнецовской, живёт поэт. Увы, никто нам не открыл входную дверь, и мы отправились в писательскую организацию. Отсюда я позвонил Горбовскому, он сказал, что перепутал дни, и попросил прощения. На собрании его не будет — болен. Я пожелал ему поскорее поправиться, угостил Иванова чаем, и мы отправились на Мойку.

Кворум есть. Из 256 писателей, состоящих на учёте в нашей писательской организации, на собрание пришло 167. Я коротко рассказал о том, что нами сделано за отчётный период, и сразу перешёл к вопросу о выборах правления и его руководителя. При этом сказал:

— На протяжении двух лет я подыскивал себе замену, разговаривал с Коняевым, Скоковым, даже с бывшим таможенным генералом, прозаиком Аноцким, т. е. с теми, кто мог бы повести нашу писательскую организацию дальше. И, наконец, остановился на кандидатуре Бориса Орлова. Он поэт, морской офицер и, думаю, справится с трудностями. Больше некому. Те, кто могли бы руководить, не хотят, а те, кто рвутся к руководству, не смогут. Так что Орлов. Надеюсь, вы его поддержите.

Когда я закончил своё выступление, Иванов мне тихонько сказал, что я слишком явно предложил собранию Орлова, как бы не запротестовали.

— Не думаю, — сказал я. — Предлагая Орлова, я делаю не только его ответственным за руководство, но и себя. Значит, буду помогать. И все это понимают.

После недолгих дебатов собрание избрало председателем Орлова. Так завершился мой долгий путь руководителя одной из крупнейших в стране писательских организаций. Он длился с 13 мая 1993 года по нынешний день. Благодарю Бога, что помог мне выдержать этот марафон. Надеюсь, никогда больше не впрягусь в ярмо формального писательского лидера. А точнее, литературного функционера.

22 декабря. Низковицы, Ленинградская область. Был на дне рождения у своего друга Владимира Иванова, ему исполнилось 70. Почти 20 лет назад мы с ним познакомились в туристской поездке в Греции, потом перелетели в Болгарию и в софийской гостинице до самой ночи пили Слънчев бряг и Плиску за дружбу народов. Так что утром по пути в Рильский монастырь искали «поликлинику»… Бесконечной доброты мужик, бывший главный механик Ленинградской фабрики «Рабочий», а ныне следит за

паровыми котлами на каком-то питерском предприятии. Раньше с женой Галиной жил в Ленинграде, на Васильевском Острове. Смерть 18-летней дочки-студентки (во время молодёжной вечеринки упала с балкона восьмого этажа) и неудачный обмен квартиры привели к тому, что они потеряли жильё в Питере и оказались в Низковицах, что в 40 километрах от Питера. Сам построил кирпичный дом, привёл в порядок приусадебный участок и превратился в сельского жителя. Когда же неправильно заложенный при строительстве фундамент под моей дачной печкой покосился и печка повела в сторону весь дом, мы приехали с ним на дачу, два дня покопались и выправили.

В подвале его дома есть маленькая, только на двоих, сауна. Пока жена занималась столом, мы с ним попарились, повспоминали двух красавиц — Грецию и Болгарию — и даже не отказали себе в удовольствии помечтать о новой встрече с ними.

Приехали гости — весёлые, образованные ребята, многолетние друзья этой семьи. Главная тема разговора — о живой воде, о том, что воду для чая или кофе нельзя кипятить дважды, а тем более трижды или четырежды. От этого её молекулы летят вверх тормашками, и она перестаёт быть «живой». Его жена Галина Петровна — ленинградская финка, бывшая гребчиха, мастер спорта. Крупная, добродушная женщина, кумиром которой всю жизнь является её муж, Вовочка. Написала большую статью, где с болью говорила о том, что гребной спорт в России всё более приходит в упадок и, если не принять срочных мер, придётся «ставить вёсла на вечную просушку». Статью показала мне, я отредактировал и отослал в журнал «Спортивная жизнь России». Там её напечатали и даже прислали Галине Петровне хороший гонорар (это было в советское время).

31 декабря. Из Москвы встречать Новый год приехала вся моя семья. Галина и дочка с Машей — поездом, Саша — на только что купленной новенькой машине Опель (Астра). «Зимняя» Мария отличается от «летней». Долго вглядывалась в меня, но, кажется, узнала. Взял её на руки — она ищет глазами бабушку или маму — с ними спокойнее.

Новый год встречали при спящей Марии.

Жалко людей, в чьём доме нет ребёнка.

2006

6 января. Москва. Переехали в столицу. Мы с Сашей — на машине, Галина, дочка и Мария — на поезде. Когда мои знакомые в Москве и в других местах спрашивают, как я стал москвичом, вполне серьёзно говорю, что меня сюда привела любовь к юной красавице. На лицах — любопытство, но, когда узнают, кто она, улыбаются. А в целом, остаюсь минчанином по рождению, ленинградцем- питерцем по основному месту проживания и работы, а вот теперь москвичом — по семейным обстоятельствам. Говоря поэтическим языком, доверяю судьбе, преодолеваю препятствия и, оставаясь верным госпоже Литературе, следую за своей звездой.

15 января. Хоронили Сергея Артамоновича Лыкошина. Отпевали в церкви, в Хамовниках. Похороны — в Сходне.

Только за последние несколько лет ушли из жизни многие хорошие писатели. В Москве — близкие мне Эдуард Фёдорович Володин, Игорь Иванович Ляпин и вот сейчас — Сергей Артамонович Лыкошин.

На кладбище ко мне подошёл заместитель Михалкова, поэт Владимир Бояринов:

— Иван Иванович, вы — секретарь Исполкома МСПС, и все знают, что вы теперь в Москве. С вами хочет встретиться Сергей Владимирович. У него есть какое-то предложение.

— Какое?

— Я бы не хотел предварять ваш разговор. Прошу вас позвонить в МСПС помощнице Михалкова Людмиле Салтыковой и договориться о встрече.

— Ну, если я нужен, наверное, будет правильно, если она сама позвонит.

16 января. Петербург. Завтра очередной Арбитражный суд по иску КУГИ к писательской организации — о лишении нас помещения. Суд состоялся, но решение не принято — у КУГИ не хватает каких-то документов. Новое заседание назначено на конец марта. Вспоминается удивление губернатора В. Матвиенко: «Дожили! С писателями судимся…»

Однако судятся.

Покидал Питер в состоянии гнева.

22 января. Москва. Позвонил первый секретарь Союза писателей Беларуси Анатолий Аврутин и сказал, что в скором времени в Минске планируется встреча писателей России и Беларуси. Предложил и мне принять участие. Я дал согласие.

24 января. Позвонила Людмила Салтыкова. Попросила быть

на заседании секретариата.

Приехал. В повестке дня: «Дело Арсения Ларионова» и вопрос о приёме в МСПС новых членов. Председателя МСПС Сергея Михалкова на заседании не будет — болен.

Первый секретарь Исполкома Феликс Кузнецов, коснувшись «Дела Арсения Ларионова» (незаконная продажа одного из строений «Дома Ростовых»), сказал, что по этому делу ведётся следствие и скоро состоится суд.

Перейдя ко второму вопросу, он доложил, что заявление о вступлении в МСПС подали Союзы писателей Абхазии и Беларуси. Союз писателей Грузии, который является членом МСПС, против приёма абхазских писателей. А против приёма Союза писателей Беларуси — Союз белорусских писателей, также входящий в состав МСПС. После падения СССР столько расплодилось писательских союзов, что они уже как будто и не союзы, а ПОГи — противоборствующие организованные группы. Новый, образованный в ноябре прошлого года Союз писателей Беларуси тоже хочет стать членом МСПС. Это раскол писательских сил республики. Поэтому проблемы. Кузнецов сообщил, что в МСПС приезжал председатель СП Беларуси Николай Чергинец, объяснил обстановку и доказывал, что именно «его» Союз должен входить в состав МСПС.

Обсуждался вопрос вяло — никто не желает участвовать в дроблении творческих писательских сил в соседних странах.

Я сказал, что неплохо знаю обстановку в Беларуси. Фактически там писатели раскололись давно, и здесь мы решаем вопросы не столько этики, сколько политики. Основная причина раскола белорусских писателей — в отношении к ситуации с языком. Большинство белорусских писателей, а их более 600, когда А. Лукашенко стал Президентом, обратилось к нему с предложением ввести в Республике

Беларусь единый государственный язык — белорусский. Но Лукашенко заявил, что вынесет решение этого вопроса на референдум. И вынес. И 80 % граждан Беларуси проголосовали за два государственных языка — белорусский и русский. После этого писатели и большая часть интеллигенции Беларуси встали в оппозицию к президенту. В их среде сильны антироссийские настроения. Они не хотят признавать писателей Беларуси, пишущих на русском языке. Вот эти так называемые русскоязычные и создали свой Союз, куда, как известно, вошли и многие «беларускамоуные» литераторы.

— Спасибо за такое уточнение, — сказал Кузнецов. — Но каково должно быть наше решение?

— Полагаю, нам следует исходить из данности раскола, —

сказал я. — Не наша вина в том, что они расколоты. И не нам определять, кого принимать в МСПС, а кого нет. Принимать нужно и тех, и других. И выразить своё отношение таким образом: «Мы не раскалываем вас, за вами полное право воссоединиться, и тогда в МСПС вы будете представлены одной писательской организацией. Но пока организаций две, считаем, что каждая из них может быть членом МСПС».

Ф. Кузнецов после моего выступления рассказал, как ещё в советское время Нил Гилевич жаловался ему, что книги, издаваемые в Беларуси на белорусском языке, почти не пользуются спросом. «С этим нужно что-то делать, как-то исправлять такое положение», — говорил он. Но как исправлять, он не знает.

— А действительно, как исправлять? — спросил Кузнецов.

— Очень просто, — сказал я. — Писать по-белорусски так же хорошо, как писали в девятнадцатом веке русские писатели по-русски. Тогда весь просвещённый мир будет читать белорусских писателей не только в переводах, но и в подлиннике.

— Неплохой совет, — кивнул Кузнецов. — Стало быть, лишь советом он и останется.

С приёмом так и постановили и в тот же день наше решение объявили писателям Беларуси и Абхазии. И предложили им готовить документы на вступление в МСПС.

После секретариата В. Бояринов попросил меня зайти с ним в кабинет Кузнецова и там состоялся короткий, но важный для меня разговор. Кузнецов сказал:

— Когда Сергей Владимирович Михалков узнал, что вы в Москве, он попросил нас поговорить с вами. И предложить вам одну из руководящих должностей в МСПС, а именно — возглавить аппарат МСПС.

Бояринов добавил:

— От себя скажу, что сегодня в Москве мы не видим писателя, которого можно было бы рекомендовать на такую должность.

— Если вы согласны, — сказал Кузнецов, — мы поставим об этом в известность Сергея Владимировича и вопрос будет решён.

Лишь на мгновение вспомнил я данное самому себе обещание больше никогда не становиться литературным функционером, но мне это предлагали хороший русский поэт Владимир Бояринов и Феликс Кузнецов, которого я знал многие годы как талантливого учёного-литературоведа, исследователя творчества Михаила Шолохова. И не только они, но и Михалков.

— Ставьте, — сказал я.

Бояринов пошёл в бухгалтерию узнать, возможна ли моя

будущая зарплата. Пока его не было, мы с Кузнецовым говорили о Петербурге, о «Пушкинском Доме», о его директоре Николае Николаевиче Скатове, который совсем недавно по состоянию здоровья вынужден был уйти с этой должности. И там сейчас накаляются страсти в спорах о будущем руководителе этого всемирно известного Института.

Вернулся Бояринов, бухгалтерия сказала — да.

25 января. Встретился с Валерием Г аничевым. Показал ему копию протокола отчётно-выборного собрания СПб писательской организации, на котором вместо меня избран Борис Орлов. Ганичев болезненно поморщился — ему уже звонили «доброжелатели» и весьма негативно отзывались о личности Орлова.

— Не поторопились вы с ним? Нам звонят и пишут ваши писатели, что и груб он, и заносчив, и ни с кем не считается.

— Я не знаю, Валерий Николаевич, кто вам звонил и писал, но, при всех недостатках, у Орлова есть одно несомненное достоинство — он чистоплотен. Русский морской офицер-подводник, капитан первого ранга, хороший поэт и, я убеждён, справится. После флота на протяжении многих лет он был главным редактором «Морской газеты», и я не назову ни одного питерского писателя, который бы не печатался в ней.

— Да, но там военная дисциплина, там проще. А здесь каждый писатель — адмирал.

— Будем помогать. И вас лично прошу поддержать его.

Я рассказал о вчерашнем секретариате в МСПС, о предложении Кузнецова и Бояринова. Г аничев (несколько смущённо) стал говорить о том, что «мы тоже как-то планировали просить вас помочь нам здесь, в Союзе писателей России». Поинтересовался, какую зарплату мне собираются назначить. Я сказал — десять тысяч. «Да, — кивнул он. — У нас вы получали бы вдвое меньше».

Я вспомнил, что мне звонил первый секретарь СП Беларуси Аврутин, и спросил у Ганичева, известно ли, кто едет в Минск.

— Ещё не принято решение, так как у белорусских писателей много проблем, — сказал он. — Но если ехать, нужно точно знать, какую линию нам вести. И с кем разговаривать, чтобы не усугублять положение.

Я повторил то, что вчера сказал на секретариате в МСПС. Кажется, Ганичев разделяет мою точку зрения.

26 января. Позвонил В. Бояринов, сообщил, что Сергей Михалков рад моему согласию.

— Теперь нужно собрать секретариат, — сказал он, — и на нём утвердить ваше новое назначение.

«Когда же они соберут секретариат, если он только что прошёл?» — подумал я. А Бояринову сказал, что сегодня уеду в Петербург и, как только завершу дела, вернусь в Москву.

27 января. Петербург. Несмотря на то что я уже три недели не живу дома, звонки в питерскую квартиру следуют один за другим.

Звонил Юрий Красавин — благодарил (уже не в первый раз) за премию «Ладога» имени Александра Прокофьева. Эта премия по моей инициативе была учреждена Союзом писателей России и правительством Ленинградской области. В 1996 году в своём выступлении на выездном пленуме правления СП России в Омске я высказал предложение следующий пленум провести в Санкт-Петербурге, и пленум поддержал меня. Готовясь к нему, я в разговоре с Ганичевым и Лыкошиным обмолвился о том, что многие регионы имеют свои литературные премии, но их не имеют ни Питер, ни Ленинградская область. Учитывая, что знаменитый русский советский поэт Александр Прокофьев родился в Волховском районе, на Ладоге, следовало бы учредить премию его имени. И назвать: «Литературная премия «Ладога» имени Александра Прокофьева». Ганичев и Лыкошин обрадовались такой идее. Ганичев сказал, что посоветуется с В. Распутиным, В. Беловым и В. Крупиным и, возможно, осуществит с ними поездку в Петербург, где встретится с губернаторами Владимиром Яковлевым и Вадимом Густовым. Меня он попросил заранее переговорить с руководителями города и области и выяснить, готовы ли они принять писателей в ближайшее время.

Мне удалось довольно легко войти в контакт с обоими, и, к моей радости, Яковлев и Густов выразили заинтересованность в такой встрече. И вскоре мы с Глебом Горышиным встречали Ганичева, Распутина, Крупина и Белова в Питере, на Московском вокзале.

Обе встречи с губернаторами города и области состоялись в один день — благо здание областного правительства находится рядом со Смольным. Оба руководителя, словно сговорившись, подробно рассказывали нам о городских и областных делах, о планах на будущее и проблемах экономического порядка, которые приходится преодолевать с большим трудом. И тот и другой не забыли при этом сказать, что им хорошо известны имена посетивших Петербург писателей и они готовы пойти навстречу в решении возникших вопросов.

С Яковлевым договорились о проведении Пленума. Причём для его как формальной, так и неформальной части предоставить Смольный. И спустя три месяца на Пленум в Санкт-Петербург приехали более 150 русских и российских писателей, цвет

современной литературы. К сожалению, произошла досадная накладка. Сроки проведения Пленума по просьбе Председателя Верхней палаты Федерального Собрания России Егора Строева пришлось перенести, чтобы писатели могли участвовать в Международном экономическом форуме, который должен пройти у нас на две недели раньше. Г аничев не смог отказать Строеву, и Пленум приурочили к форуму. Но в связи с громадным наплывом участников форума мы лишились гостиницы в Питере и были вынуждены поселить писателей в оздоровительном профилактории «Ольгино», что хоть и недалеко от города, но не совсем удобно. К тому же участия писателей в работе форума тоже не случилось — там решались вопросы, не совсем близкие литературе. Некоторые писатели жалели об этом — не удалось послушать выступление Президента Беларуси Лукашенко. Как нам сказали, ему участники форума аплодировали почти четверть часа.

Писатели остались довольны работой Пленума, шутили: «Смольный взят! Теперь дела в стране пойдут на поправку.»

Звонила Г. Максименко — заручилась моей поддержкой издания журнала «Творчество юных».

Звонил Игорь Кравченко — у него проблемы с литфондовской дачей.

Звонил Владимир Скворцов — привезёт мне свой журнал «Невский альманах», чтобы я показал его в Москве. Сказал, что в субботу в выставочном зале правительства Ленинградской области состоится представление свежего номера «Невского альманаха». Собирается пригласить Анатолия Аврутина из Минска для вручения ему Диплома и подарка; просит, чтобы и я был.

Звонил из Минска Аврутин, спросил, буду ли я 5-го в Петербурге. Я сказал, едва ли, а ему посоветовал приехать за наградой. Он отказался, заявив, что без меня ему в Петербурге делать нечего.

В пятницу приехал в писательскую организацию и, официально уволившись, привёл в порядок трудовую книжку.

2 февраля. Переделкино. Вечером поселился в Старом корпусе. На улице — 18 мороза, а в номере, наверное, плюс 16, не больше. Я много раз останавливался в этом номере. Чисто, светло, удобная постель, диван, кресло, письменный стол, стул, ковровая дорожка, шкаф, тумба, телефон. В советское время наш телефон был связан со всей страной, со всем миром. Ныне же позвонить можно лишь администратору, бухгалтеру и в другие номера этого корпуса. Да, ещё раковина с холодной и горячей водой. А больше ничего и не нужно, живи, думай и работай.

Позвонил домой — там порядок. Читал присланный из Англии роман «Смутьян» Веры Калашниковой. Она живёт в Англии и пишет об Англии. Ужас что за страна, у неё нет будущего (судя по книге). Если в Англии демократия, то это бессовестная демократия. По крайней мере, так в книге.

3 февраля. После завтрака снова взялся за «Варваров». Название рассказа придётся поменять, м.б., назову его «Цена». И содержание так себе (один мой знакомый, прочитав его, сказал, что чеховский «Вишнёвый сад» лучше). Но пишу. Знаю по опыту, что почти всё, пока пишется, выглядит неважно. Не зря девиз всех портных: «Неготовую вещь дураку и клиенту не показывай!».

До завтрака сбегал на разминку. Мороз — 24 градуса. Дышать невозможно, дышал только носом и в шерстяную варежку.

На той стороне шоссе, где раньше летом росла кукуруза в полтора человеческих роста, возникла металлическая ограда, вырыт глубокий котлован. Наверное, возведут что-то многоэтажное. Жаль. С этих мест открывается широкое поле, кусты, мелкая речка Сетунь. А за речкой опять поле. А справа, на взгорке — резиденция Патриарха Русской православной церкви Алексия Второго — Храм Спаса Преображения. С Алексием Вторым у меня однажды состоялся короткий разговор, но о нём как-нибудь потом.

4 февраля. В № 12 «Нашего современника» прочитал письмо Татьяны Глушковой к Станиславу Куняеву. И отчего-то расстроился. Я с ней знаком, как-то рядом жили здесь, в Переделкине. Измученная тяжёлой болезнью, она уже не была столь привлекательна, как прежде. В своём номере на втором этаже Нового корпуса она часто курила, кашляла, расспрашивала меня о Петербурге. В газете «День литературы» прочитала статью Владимира Бондаренко о творчестве писателей Москвы и Ленинграда-Петербурга. В том числе обо мне, точнее, о моей книге «Приговор» и одном из её героев — Сергее Довлатове. Бондаренко назвал его прозу «плебейской».

Глушкова спросила, есть ли у меня с собой эта книга, и попросила почитать. Я подарил ей «Приговор». Через несколько дней она предложила зайти к ней и сказала, что всю книгу она ещё не прочитала, а прочитала только мемуарную повесть про Довлатова.

— Знаете, Ваня, — сказала она, — я думала, он хуже. А, если судить по вашим воспоминаниям, он не так плох. По крайней мере, я почувствовала в нём живое, но как будто давно устоявшееся. Только сейчас подумала, что плохо знаю ленинградских писателей. Хотя одного, кажется, знаю — Виктора

Максимова. Да, я прочитала его книгу стихов «Тавро». Нет, знаю двух ваших поэтов — Г орбовского и Максимова.

— Мои друзья! — не скрывая радости, кивнул я.

Теперь, читая письма Глушковой, я был поражён, сколь несвободна она в выборе знакомых и друзей. Я не мог думать, что письма написаны ради писем, — слишком угадывался якорь, который держал её в темноте, не давая сдвинуться в сторону света.

Куняев напечатал в этой же книжке журнала два своих письма к Татьяне. Но было в них некое отличие от письма Глушковой, нечто такое, что при чтении царапало.

5 февраля. Из «ЛГ» узнал, что в Литературном институте новым ректором избран «писатель и учёный Борис Тарасов». Вместо Сергея Есина, которого я знал с тех давних пор, когда прочитал его роман «Имитатор». Лет шесть-семь назад он вместе с председателем Международного союза книголюбов Сергеем Шуваловым приезжал в Петербург, где вручил Николаю Скатову, Глебу Горбовскому и мне дипломы и удостоверения Действительных членов Академии Российской словесности. Здесь же назначили меня руководителем Питерского отделения этой Академии.

Вечером в мой номер постучали. Открылась дверь — на пороге всё моё семейство, включая Марию. Приехали забрать меня.

Когда вернулись домой, позвонил Борис Орлов. Попросил, чтобы я приехал в Петербург, нужно завершить передачу дел (нотариус, договоры, личные дела писателей и проч.).

Звонила Галя Чернышёва. Она в Петербурге, у тяжелобольной двоюродной сестры.

9 февраля. Петербург. Мы с Борисом Орловым наконец выполнили все формальности по передаче дел. Никогда раньше я не общался с ним столь длительное время. И только сейчас увидел, сколь болезненно воспринимает он каждое твоё слово, в особенности слово критики.

Встретился с Г алей Чернышёвой, многое вспомнили: 39-ю среднюю школу, которой уже нет — при строительстве путепровода над Товарной станцией её снесли; директора Марию Адольфовну Войцеховскую, которой сейчас 83 года, но держится она молодцом. Наших одноклассников — Ларису Кривову, Раису Железную, Светлану Пушкину, Толика Ладутько. Г алочка Чернышёва — моя первая любовь, если наши тогдашние отношения можно назвать любовью, — была идейной комсомолкой и активисткой. Отличницей. Пианисткой. Из тех, кто души не чает в школе и учителях. Явная противоположность

бездельнику и безобразнику Сабило, который интересовался только теми предметами, которые ему нравились. И как такое могло случиться, что мы с нею стали друзьями?! Вместе ходили во Дворец пионеров. Она — в геологический кружок, я — в хореографический. Однажды она позвала меня в геологический. Руководитель кружка дал задание написать возможно большее число городов на букву «к». Я — благодаря тому, что постоянно играл в «города» (ты называешь город, а твой соперник должен назвать другой, начинающийся на последнюю букву названного тобой города), — назвал больше всех. Руководитель меня похвалил и пригласил в свой кружок.

В помещении, где они проводили занятия, была огромная клетка с орлом. Орла звали так же, как самые дешёвые сигареты, — Памир. Руководитель предупредил меня, чтобы не совал пальцы в клетку. Но я таки сунул, и Памир клюнул меня, поранив руку до крови. Руководитель строго посмотрел на меня и сказал: «Прощай! Больше мы тебя у нас не ждём».

Галина Ниловна Чернышёва — дочь полковника ГАИ, мать двоих сыновей и троих внуков. Выпускница Московского полиграфического института. С мужем давно развелась. Она той редкостной породы женщин, которые никогда никого не обвиняют и всегда строго относятся к самим себе: к своим словам, поступкам, чертам характера.

В нашу с нею встречу она подарила мне талантливо сотворённую ею картину из разноцветной кожи: ночь, звёзды, растущий месяц освещает занесённую искрящимся снегом, взбегающую на холм деревню, палисадник с низкой оградой, заснеженные деревья. На самой вершине холма — маленькая церковь с православным крестом. И столько в этой морозной деревушке с дымком из трубы и светящимися окнами тепла и уюта, что хочется оказаться там, в тишине и покое.

12 февраля. Открылась Зимняя Олимпиада в Турине. Теперь в течение двух недель можно включать телевизор.

13 февраля. Москва. Играю с внучкой. У неё масса желаний. Их нельзя подавлять. Желание ребёнка — желание божества. Она уже давно стоит, а сегодня сделала несколько шагов. Значит, пошла. Ей 10 месяцев и 17 дней. Постаралась к маминому дню рождения, к 16 февраля.

14 февраля. Позвонил Бояринов и сказал, что мне необходимо приехать в МСПС и написать заявление. К работе я должен приступить с 1 марта.

22 февраля. Юбилей Феликса Феодосьевича Кузнецова — 75 лет. Гостей — полный конференц-зал МСПС. Кузнецов подтянут, несуетлив. Рядом с ним за столом его жена Людмила Павловна и

дочка Мария. В своём коротком слове Феликс Феодосьевич сказал о своей родине — Вологодчине. О том, что в своих литературных трудах о писателях Рубцове, Абрамове, Белове и других вологжанах старался подчеркнуть главное — их любовь к Родине и неравнодушие к тому, что у нас происходит. Почти ничего не сказал о своём, по сути, главном деле — поисках рукописи «Тихого Дона» Михаила Шолохова как главного доказательства авторства романа великого русского писателя.

23 февраля. День Защитника Отечества. До недавнего времени — День Советской Армии и Военно-морского флота. С переименованием исчезла конкретика — что же мы празднуем? Нам с Сашей наши женщины надарили подарков — рубах и галстуков.

Праздник праздником, а Марию надо развлекать. И самим развлекаться. Собрались вчетвером и поехали в парк Горького. Ольга с Машей в коляске отправилась бродить по заснеженным аллеям, а мы с Сашей взяли коньки напрокат. Нас предупредили: коньки, в особенности ботинки, плохие, но мы взяли. Конечно, плохие, но чтобы настолько! Мой левый уже через полторы минуты стал натирать ногу выше голеностопа. Коньки хоккейные, игровые, очевидно, б.у. Я к таким не привык. Я когда-то носился на прогулочных, «хоккеях» старого образца и беговых. Даже был победителем Кагановичского района города Минска среди младших школьников. А на этих и устоять трудно. Пришлось освободиться досрочно.

27 февраля. По утрам в Крылатских холмах делаю пробежку — до полутора километров, потом зарядку, типа разминки, и упражнения с резиновым бинтом. Иногда беру с собой две восьмилитровых бутыли и набираю там воду из родника. Заповедное место, щедрый источник «Рудненская Божья Мать», о котором жива давняя молва, что он чудотворный, что воду из него пил царь Иван Грозный. Наверху, на высокой горе — храм Рождества Пресвятой Богородицы. Служители и прихожане храма заботятся о роднике, приводят в порядок подходы к нему. Есть иконка и молитва, нужно будет переписать.

Мария не желает одеваться, не даёт себя одевать. Вряд ли это каприз, скорее отстаивание своей независимости. Сейчас почти все хотят быть независимыми. Особенно это заметно по бывшим республикам Советского Союза. Жили в одной семье, а как только оставили её, завопили: «Мы — независимые!» От кого? От «старшей сестры» — России? Так вы же при ней жили лучше и богаче, нежели сейчас! И лучше и богаче, чем она сама! И не столь массово, как сейчас, покидали родную землю. Особенно прибалты. И какая же это у вас независимость, если вы в

полупоклоне и с протянутой рукой всё время что-то выпрашиваете у Запада? В том числе розги для наказания России.

1 марта. Первый мой рабочий день в так называемом «Доме Ростовых», описанном Львом Николаевичем Толстым в романе «Война и мир», начался в 11–00. В советское время здесь располагался Союз писателей СССР. Ныне его правопреемник, точнее, «продолжатель традиций» — Международное сообщество писательских союзов (МСПС). Кабинет невелик, на 2-м этаже, в смежной с отделом кадров комнате. В нём шкафы и полки с книгами, старыми законами СССР, РСФСР и личными делами писателей (эх, если бы тут оказался Коля Коняев!). Окно на Б. Никитскую, письменный стол, настольная лампа (зелёная), три стула, врезанный в окно кондиционер. А что ещё нужно! Не место красит человека. Сел к столу и хотел позвонить домой — сказать, что я уже на месте. Но тут с книжкой в руке пришла помощник Михалкова — Людмила Дмитриевна Салтыкова. Она порадовалась, что нам предстоит вместе работать, и стала высказывать своё мнение о некоторых сотрудниках: эта — бездельница, и если что-то делает, то, как правило, только для себя, этот — пьянчужка и бездельник, а тот — слишком большого о себе мнения.

Всех, о ком она говорила, я знал, но не знал, что они «такие». Я не перебивал её, ведь всё это она говорит не столько из «практики отношений», сколько для моего понимания, насколько она сама предана порученному ей делу — радеть за достойную работу МСПС.

— Исправим, — сказал я.

— Что исправим?

— Всё, что они не так сделают.

Она долго смотрела на меня, однако нужно было как-то продолжать разговор, и она сказала главное, зачем пришла:

— Сегодня Юрию Пахомову исполняется 70 лет. Послезавтра у нас в конференц-зале пройдёт его творческий вечер. Я принесла вам его книгу, постарайтесь прочесть, и будет хорошо, если на вечере вы скажете несколько слов. Ой, мне сейчас будут звонить, так что побежала.

Она ушла. Я раскрыл книгу Пахомова «К оружью, эскулапы!». Конечно, прочитаю. Он из тех писателей, о ком хочется говорить. У меня с ним давняя дружба. Полковник медицинской службы, врач, выпускник Военно-медицинской академии, он учился в Ленинграде. Мы с ним связаны не только литературой, но и одним городом. Он — шестью годами учёбы, я — почти полувековой жизнью.

В июне 1995 года, в Москве, когда мы собирались в Якутию

на Пленум правления Союза писателей России, я задумался, ехать ли мне ночевать в Переделкино или провести ночь в гостинице. Подошёл Юрий Николаевич и спросил, где я собираюсь быть до завтра. «Не знаю, — сказал я. — Нет у меня в Москве друга, который мог бы меня приютить». — «Уже есть, — сказал он. — Приглашаю тебя ко мне».

Я рассмеялся, и мы поехали к нему. Провели вместе весь оставшийся день. Пришла Юрина жена и не скрыла огорчения, что мы не удержались от выпивки. Мы оправдывались: мол, мы не только наливали, но и разговаривали. Не помогало. Оказывается, Юра был в «завязке», и вот. Но иного и быть не могло: встретились двое мужчин — не будут же они пить только чай или кефир. Правда, оба мгновенно протрезвели, когда вечером из новостей узнали, что чеченская банда из двухсот человек под водительством Басаева ворвалась в Будённовск, расстреливает людей и сгоняет в городскую больницу сотни заложников, среди которых дети и беременные женщины. Что-то предпримут наши власти — Ельцин и Черномырдин?

В Якутск мы отправились на самолёте президента Якутии Михаила Николаева. 154 писателя почти из всех регионов страны. И самолёт — ТУ-154. Многие писатели подавлены происходящим в Будённовске. Обстановка осложняется тем, что лётчики, ведущие воздушный корабль, поочерёдно появляются в пассажирском салоне и рисуют в чёрных тонах новую жизнь в Якутии. Там-де идут гонения на русских, снимают их с руководящих должностей, ставят малообразованных, не разбирающихся в тонкостях дела, но своих, якутов. И, слушая лётчиков, мы понимаем, что это действительно беда, которая может привести к непоправимому.

Хотя в меньшей степени мы сейчас заняты якутскими проблемами, больше говорим и думаем о том, что происходит в Будённовске. Банда Басаева засела в городской больнице, спрятавшись за спины беременных женщин, которых выставили в окна в качестве живого щита от пуль и гранат спецназовцев. Басаев выдвинул ультиматум — вывести все российские войска из Чечни, признать Дудаева главой Ичкерии и объявить о независимости самопровозглашённой республики. Требует на переговоры премьер-министра Черномырдина. Попытка нашего спецназа атаковать больницу закончилась провалом с многочисленными жертвами, хотя и удалось освободить несколько десятков человек. Это из полутора тысяч заложников, захваченных Басаевым.

В самолёте я сижу рядом с Глебом Горышиным. Оба строим догадки — что можно предпринять в сложившемся положении.

Горышин склоняется к тому, чтобы согласиться на условия Басаева. Я утверждаю, что, если это случится, чеченцы тут же перережут всех русских, живущих в Чечне. И говорю, что нужно наш самолёт перенаправить в Будённовск и предложить Басаеву отпустить детей и беременных женщин, а вместо них взять нас, писателей. Горышин против. Он считает, что власти должны найти другой способ освобождения заложников, а не менять одних на других. Кто-то справа, слушая нас, предлагает свой метод — захватить в заложники несколько тысяч чеченцев и поступать с ними так же, как Басаев. И будет порядок. Ещё кто-то бормочет:

— Сталина нету, он бы их успокоил!

В Якутске, точнее, в нескольких километрах от него, мы разместились в большом здании местного профилактория. Его сотрудники — кто серьёзно, кто с усмешкой — сообщили нам главную новость: Анатолий Чубайс привёз в их город алмазного короля Гарри Оппенгеймера. Но в Якутске тишина, покой и жара за тридцать.

На следующий день наш Пленум открылся в Якутском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук. Мне тоже предоставили слово. Я был готов к выступлению — как раз в начале июня в газете «Санкт-Петербургские ведомости» я опубликовал свою статью «Сберечь язык — сберечь народ». К моему удивлению и даже радости, Комитет по образованию Петербурга предложил её старшеклассникам как тему к написанию сочинений.

В Будённовске по-прежнему убивают людей, в заложниках остаются до полутора тысяч женщин и детей. По радио сообщили, что к переговорам с бандитами готовится премьер Черномырдин. Перед вечерним заседанием я снова предложил обмен заложников на нас, писателей. Горышин стал возражать ещё более рьяно, чем в самолёте.

— Если ты хочешь, ты и меняйся, — сказал он. — А я — старик, мне не до обменов.

— Конформист ты, Глебушка, — сказал я. — Не столько старик, сколько конформист. Впрочем, для меня это не новость. Я ведь помню, как мы с тобой возвращались из Москвы со съезда и везли пьяного Женю Кутузова. Он разбушевался в вагоне, его милиция собралась ссадить в Бологом, я не давал, объясняя, что у него больные ноги и что в Питере на вокзале его будет ждать жена. Тогда милиционеры приковали меня наручниками к дверной решётке в тамбуре и всё же ссадили его. А ты и пальцем не пошевелил, чтобы этому помешать. И потом, когда железнодорожная милиция на Московском вокзале повела меня в

кутузку, ты расстался со мной как с незнакомцем.

— Плевать мне на Женю Кутузова. Где он, там всегда пьяный скандал.

В наш разговор вмешался Валентин Сорокин.

— Ваня, — сказал он. — Не такой Басаев дурак, чтобы менять беременных женщин на каких-то писателей. Так что успокойся, обмена не будет.

До меня только сейчас дошёл весь абсурд моей затеи. Конечно, не будет, потому что Басаев со своей бандой понимает, насколько безопаснее для них самих держать в заложниках женщин и детей. После переговоров с Черномырдиным Басаеву предоставили транспорт, и под прикрытием части заложников вся его банда безнаказанно вернулась в Чечню. При этом они оставили в Будённовске более 160 трупов ни в чём не повинных людей.

Долго не мог успокоиться. В сознании вставал Будённовск, больница, гибнущие от пуль женщины и дети. Со времён моего военного детства, в котором я не знал слова «умерли», а знал слово «убиты», я не думал, что на мою землю снова придут убийцы. Но они пришли. И виной тому жалкое в своей беспомощности руководство страны, не способное ответить на вызов негодяев.

Но я здесь на работе. Необходимо взять себя в руки и переключиться на иной ход мыслей и чувств. Удивительными для меня оказались якутские белые ночи. Даже белее, чем в Питере, и это понятно: Якутск на два с половиной градуса севернее, чем Северная столица. Как-то поздним вечером я посмотрел в окно. И увидел во дворе двух милиционеров — они медленно прохаживались у нашего дома. Ясное дело, охраняют.

Наше пребывание в Якутии было омрачено не только событиями в Будённовске, но и запретом якутских властей встретиться с представителями местных общественных организаций, объединяющих русских людей. Когда мы выразили недоумение по этому поводу, нас — весь Пленум — посадили на теплоход и в течение суток возили по Лене. Якобы хотели показать нам Ленские столбы, но так и не показали. При этом спиртных напитков предоставили — море разливанное.

Но ещё большее огорчение мы испытали в день отлёта из Якутска. В аэропорту, когда мы поднялись по трапу в самолёт, нас долго не выпускали в небо. Зной, кондиционеры до взлёта не работают, мы томимся от жары и спёртого воздуха, а нам говорят, что аэропорт не готов отправить нас в полёт. Пришёл лётчик, сказал, что наш полёт задерживается из-за того, что никак не взлетит самолёт с Чубайсом и Оппенгеймером. А в это время

Чубайс и Оппенгеймер в аэропортовском ресторане продолжают беседу.

Узнав об этом, мы потребовали выпустить нас из самолёта. Тогда нас стали возить кругами по лётному полю — как будто готовят машину к взлёту, а на самом деле продолжают убивать время. И только когда мы по-настоящему возмутились и готовились поднять бунт, наш самолёт направили на взлётную полосу. Г оспо- ди, когда же ты образумишь нашу матушку Россию? Когда вразумишь нас, что негоже столь недостойно вести себя перед заезжими толстосумами?!

Весь свой первый трудовой день, отвлекаясь по каким-то пустякам, я читал «К оружью, эскулапы!»

Вечером меня пригласил в свой кабинет Феликс Кузнецов. Спросил, удобно ли мне «наверху». Я кивнул. Он полистал перекидной календарь и сказал, что скоро день рождения Михалкова, нужно будет его поздравить. И попросил меня сказать ему несколько слов.

2 марта. Второй день на службе. Вышел второй по счёту и первый за 2006 год номер газеты «Дом Ростовых». В нём — материалы Шестого съезда МСПС. Среди прочих выступлений делегатов и моё — самое короткое. На съезде много говорилось о жульнических делах Арсения Ларионова и Тимура Пулатова: один умудрился продать часть строений «Дома Ростовых», а другой, по слухам, продал принадлежавший писателям многоэтажный дом на Поварской. В своём выступлении я вспомнил, как несколько лет назад в составе небольшой группы писателей — Ганичев, Распутин и кто-то ещё — ездил в Таллин по приглашению руководителя эстонской писательской организации Владимира Илляшевича. Там на встрече с учителями русского языка и литературы Валентину Распутину задали вопрос: «Отчего сейчас некоторые писатели пишут столь жалкие, лишённые ума и совести книги? И не стесняются снабжать их матом?»

Распутин в ответ: «А что вы хотите, если настолько изменилось время и многие в нём. Если раньше образ Смердякова создавал гений, то теперь сами смердяковы хлынули в литературу».

Вот вам и ответ, почему так ведут себя ларионовы и пулатовы. И только чувство брезгливости вызовет, если в своих сочинениях они будут изображать «честных» героев. Или героев — борцов за справедливость.

3 марта. Как хорошо, что у меня такой простой, скромный по габаритам и обстановке кабинет. Писатель — не чиновник, у него не должно быть роскошных апартаментов. И вообще, глупое это

дело — обставлять себя роскошью.

Юбилейный творческий вечер к 70-летию Юрия Пахомова. Я тоже сказал несколько слов:

— Готовясь к выступлению, я собирался долго говорить о творчестве Юрия Николаевича. Но, когда подписал ему свою книгу, понял, что в своём автографе всё сказал: «Люблю глубокую, мужественную прозу Юрия Пахомова». Тем и ограничусь.

После вечера ко мне в кабинет поднялся Владимир Личутин. Сказал, что дела в Союзе писателей России плачевные — его руководство заботят только личные проблемы. И пригласил в гости, в Переделкино.

— В баньку пойдём? — спросил я.

— Там банька дорогая, нам с тобой не по карману — 400 рублей в час с человека.

— Найдём, — сказал я. — Только бы собраться.

6 марта. Ко мне пришёл Владимир Бояринов. Рассказывал о своих встречах с Юрием Кузнецовым. Надписал моей внучке Марии свою книжку про сказки и потешки. Я сказал, что в народных скороговорках и потешках много света, поэзии. Читаешь — и красочный, разнообразный мир перед тобой. Не то что иные стихи — одно пустозвонство.

Вспомнили строчку из Ю.Кузнецова: «Я пью из черепа отца.». Я сказал, что для меня эта строчка не столько языческая, сколько метафоричная: пить из черепа отца — значит жить отцовским опытом, его пониманием, его умом.

Владимир Георгиевич не согласился. Он сказал, что никакого отцовского опыта Юрий Кузнецов перенять не мог, так как его отец погиб в сорок четвёртом году, освобождая Севастополь, когда будущему поэту было всего три года. А строчку эту он понимает как скорбь сына или целого поколения детей, оставшихся без отцов, которых унесла война.

Я вспомнил, как в 2001 году в СП России ко мне подошёл Станислав Куняев и, узнав, что в Петербург я уезжаю поздно вечером, позвал в редакцию «Нашего современника». «А что у вас?» — спросил я. «Отметим юбилей Юрия Кузнецова. Мы уже отметили в ЦДЛ, а сегодня хотим продолжить в редакции, чтобы теплее.»

Поехали на его редакционной «Волге». Увидев Кузнецова, я пожал ему руку и похвалил: «Молодец, Поликарпыч, ты меня догнал!» — «Что значит — догнал? Я всегда был всех впереди!» — «Не переживай, я в том смысле, что мне 60 исполнилось в прошлом году, а тебе только сейчас». — «Ну, в этом смысле я бы тебя догнал лишь в том случае, если бы ты умер», — сказал он и

налил водки.

8 марта. Мы с Сашей поздравили наших женщин. Судя по солнечной, яркой, морозной погоде вчера и сегодня, наши женщины достойно прожили весь год. Иначе с чего бы такая благодать?!

К нам приехал родной дядя Саши — Александр Леонидович Чеблаков. К столу мы все нарядились, особенно Машенька: в розовом платье с цветочками, в белых колготках, с золотой диадемой в светлых волосах — глаз не отвести. Пришли с ней на кухню, где в это время был Александр Леонидович. Он с улыбкой к ней, а она — в рёв. Долго успокаивали. А когда он подарил ей нарядную куклу, то сразу же стал другом — Машенька даже улыбалась ему и кокетничала, как это могут только дети, непосредственно и дружелюбно.

10-12 марта. 10 марта — день рождения Галины, а 13-го — Сергея Михалкова. В субботу вечером ходили с Галиной в театр имени Ермоловой, на «Фотофиниш» Питера Устинова. Спектакль оригинальный: главный герой, которому 80 лет, здесь же 60-летний, 40-летний и 20-летний. И его жена этих же возрастов. Много забавного, даже смешного, но, к сожалению, жизнь героев и события весьма плоские, без «шестых» чувств. И вообще без чувств. Так, словеса.

В театре встретили Сергея Есина, до недавнего времени ректора Литературного института (был переизбран в связи с достижением 70-летнего возраста). Я представил Сергея Николаевича Галине — она обрадовалась.

— Я знаю вашего «Имитатора», — сказала она. — В своё время многие зачитывались этой книгой.

Есин кивнул и спросил у меня:

— Какими судьбами? Вы теперь в Москве?

— Да, любовь к одной юной особе привела меня в ваш город.

— Интересно. И что за особа?

— Внучка Мария. Её рождение многое изменило в наших судьбах.

— Где-то служите?

— Предложили возглавить аппарат Исполкома МСПС. Я возглавил.

— Тяжелое дело. После того что там было, трудно восстанавливать нормальную обстановку. Пулатов и Ларионов постарались.

— Да, — сказал я. — Только и разговоров, что о них.

— Я, пока был ректором, — сказал он, — не допускал ни разрушения, ни растаскивания Литературного института. Наоборот, укреплял его. А пулатовы и ларионовы всё только себе,

только под себя. Какое-то ущербное время, когда у многих атрофируется чувство собственного достоинства.

Я вспомнил один эпизод, который произошёл со мной в Крыму, и не удержался, чтобы не рассказать.

— Лет пять-шесть назад я в составе группы русских писателей ездил на конференцию в Ялту. Там мы встретились с коллегами из Беларуси, Украины и Крыма. Заседали в знаменитом Ливадийском дворце под председательством бывшего руководителя Крыма Леонида Грача. Киевляне слегка ёрничали, всячески старались показать свою «незалежность» и особую украинскую «державность». Наиболее активной была там некая «украинка» с не лишёнными привлекательности лицом и манерами. Но, в целом, получился хороший разговор.

Вечером мы с Владимиром Гусевым решили искупаться в Чёрном море. С нами отправился Пулатов. Мы поплыли, а Пулатов, войдя по колено, остался. Мы решили, что не умеет плавать. Когда вернулись на берег, он радостно показал нам массивное золотое кольцо с целым созвездием на нём бриллиантов: «Вот, только что поднял со дна». — «Ценная находка, — сказал Гусев. — Мне такие не попадаются». — «Жене подарите?» — спросил я. — «Ещё чего, — сказал Тимур Исхакович. — У меня есть кому подарить. А скорее всего, продам». — «Но вы можете поступить благородно, — сказал я. — Повесить объявление о найденном кольце и.» — «Глупости, — сказал Пулатов. — На такое кольцо найдутся желающие».

Уже потом, в поезде, мы с Гусевым предположили, что драгоценное колечко Пулатов привёз с собой, а здесь инсценировал находку, чтобы иметь свидетелей. Если что, Гусев и Сабило видели.

— Не исключено, — кивнул Сергей Николаевич. — В особенности, если судить по его деяниям в МСПС, когда он был председателем.

13 марта. День рождения Сергея Владимировича Михалкова.

Зашёл Бояринов. Продолжили с ним тему премии для переводчиков. Я предложил провести переговоры с писательскими организациями, входящими в МСПС.

— Только премия — этого мало, — сказал он. — Нужно осуществить многотомное издание книг лучших ныне живущих писателей — российских, белорусских, казахских и других. Подготовить Союзы писателей, разослать им письма. Заручиться их поддержкой, прежде всего материальной, — и вперёд на руководство республик!

— А им — как горох об стенку? — спросил я. — Скажут, есть на что — издавайте. А какие «на что» у Союзов писателей, когда

они еле сводят, а часто и не сводят концы с концами? У меня другое предложение. В 98-м году я в составе секретариата СП России был в Минске вместе с Ганичевым, Распутиным, Карповым, Крупиным, Юрием Кузнецовым, Володиным и другими. Было много встреч с деятелями культуры, со студентами белорусских вузов. И главное — с Президентом Лукашенко. Поделились с ним нашей заботой по изданию книг современных талантливых писателей. Он сказал: «Кладите мне на стол 100 рукописей, дайте гарантию, что это хорошие писатели, и я издам. И не только издам, но и распространю. У меня во многих государствах руководители — друзья. Они помогут».

— Да, такое не забывается, — сказал Бояринов. — Начнём собирать?

— Но начать нужно не с этого, а с более простого: предложить издать в рамках Союзного государства России и Беларуси 100-томную библиотеку лучших белорусских и российских писателей. По 50 томов с каждой стороны, для равноправия. Тех, чьё творчество проверено временем. Правда, легко подобрать не только 50, но и 500 томов русских писателей, а с белорусами сложнее.

— Это не наша проблема, пускай подбирают. А вам, как автору этого проекта, советую подготовить письмо на имя президента Лукашенко за подписью Михалкова. Пока только саму идею, без списка авторов. Отправить его и подождать отклика.

— Так и сделаем, — сказал я, понимая, что загораюсь этой идеей. И посмотрел на часы: — Без четверти двенадцать, жаль, до прихода Михалкова не успеть, а так бы он уже сегодня подписал письмо.

— Не беда, Люда Салтыкова сбегает к нему, подпишет.

В 12 часов пришли в кабинет Сергея Владимировича поздравить его с днём рождения. Увидев меня, он поднялся с кресла, мы пожали друг другу руки. Рядом с ним его жена, Юлия Валерьевна.

— Я рад, что мы будем вместе, — сказал Сергей Владимирович. — Много дел, много событий впереди. Вы знакомы с Юлей?

— Да, разговаривали по телефону.

— Когда возникали сложности, — улыбнулась она. — Это я вам по поручению Сергея Владимировича звонила и приглашала на съезд.

— Да, — кивнул я, — а Ларионов звонил и упрашивал не ехать.

— Но вы и большинство членов Исполкома приехали, и мы провели полноценный съезд, — сказал Михалков.

Началось торжество. Бояринов преподнёс букет роз, зачитал президентскую телеграмму. К поздравлениям присоединился Феликс Кузнецов, назвал Михалкова классиком детской литературы и выдающимся баснописцем. Пожелал здоровья. А я вспомнил, как на 90-летии Михалкова, которое мы отмечали в Большом Кремлёвском дворце, кто-то пожелал ему жить до 100 лет, на что Михалков с подчёркнутой серьёзностью ответил: «А д-для чего м-меня ограничивать?!»

Сейчас он, не вставая, сказал ответное слово:

— Спасибо, дорогие друзья, что пришли поздравить меня. Это большое счастье, что в свои 93 года я могу думать, мыслить, видеть всех вас. Что годы не отняли у меня главного — способности понимать и действовать. Я рад тёплым словам, которые вы сейчас произнесли, и тому, что все вы здесь. Особенно меня радует, что теперь с нами Иван Иванович Сабило. Я ждал его прихода, интересовался, когда он появится, и вот теперь он с нами.

Покидая «Дом Ростовых», я обратил внимание на памятник Толстому в крошечном дворовом скверике: Лев Николаевич сидит на стуле с подлокотниками, а на руках у него и на левом плече — снег — будто завёрнутый в белое ребёнок. Толстой его держит так, что можно не сомневаться — убережёт.

14 марта. Иду по Кудринской на Поварскую. Навстречу люди, в основном мусульмане, молодые, всегда озабоченные. Вот двое парней, доели мороженое, а бумажки от них не бросили на асфальт, как водится, а повернули к урне и аккуратно опустили туда. Я похвалил — молодцы, мол, что не насорили. Они рассмеялись — ничего удивительного, мы дворники!

Ночью была оттепель. «Ребёнок» Льва Николаевича превратился как будто в небольшой подарок, он держит его на коленях и словно не знает, что с ним делать.

В Беларуси через пять дней выборы Президента. Российские СМИ уже не так ёрничают, как в прошлые выборы. Впечатляют не только успехи Республики в экономике, но и последовательность действий руководства страны в решении социальных вопросов. Этого не скрыть и не извратить.

Подготовил письмо Александру Лукашенко об издании российско-белорусской 100-томной библиотеки. Начал составлять список будущих авторов, благо мне хорошо известны писатели России и Беларуси.

15 марта. Показал вариант письма помощнице Михалкова Людмиле Салтыковой — она испугалась цифры 100. Предложила не называть количества.

— Будет правильно, — сказала она, — если мы ещё до нашего

письма поздравим телеграммой Лукашенко с избранием его Президентом. Никто не сомневается в том, что изберут именно его.

Составил поздравительную телеграмму.

В. Бояринов попросил меня написать текст-поздравление С. Михалкова к юбилею Ф. Кузнецова — ему исполняется 75. Я согласился, но с условием, что Михалков прочитает его и подпишет.

Сделал, в текст поместил такие строки: «.Вы — крупнейший специалист по творчеству выдающегося писателя XX века, гения русской литературы М.А. Шолохова. Именно Вам принадлежит неоспоримая заслуга в том, что, наконец, умолкают споры вокруг его имени. Ваша столь своевременная и столь необходимая книга «“Тихий Дон”: судьба и правда великого романа» является незыблемым подтверждением того, что величайший роман XX века создан Михаилом Шолоховым. И отныне всяческие измышления о заимствованиях не только беспочвенны, но и преступны.»

Набрал на компьютере и принёс Л. Салтыковой — она единственная напрямую общается с Михалковым. Прочитала ему по телефону текст. Михалков спросил: кто писал? Она назвала моё имя. Подписываю, сказал Михалков.

Салтыкова достала из ящика стола готовый бланк МСПС с подписью Сергея Владимировича и понесла компьютерной наборщице Верочке — та подберёт красивый шрифт и правильно расположит поздравление на бланке.

18-00. Торжественный вечер в Большом зале ЦДЛ, посвящённый юбилею Феликса Кузнецова. Я сел с краю, должна прийти дочка. Обернувшись, увидел её.

В зале много свободных мест, зато на сцене вместе с юбиляром — «Хор Пятницкого». Все сгрудились в одном углу: Ганичев, Бояринов, Гусев, Карпов (пригласили из зала), Распутин.

Г аничев долго говорил о юбиляре. Потом юбиляр рассказал о своём детстве в Вологодской деревне, о родителях — сельских учителях, о первой встрече с Николаем Рубцовым. Хорошее выступление мудрого русского человека, мудрого не от «диплома», а от самой жизни, от самовоспитания и понимания своей Родины.

После нескольких выступлений я и Ольга покинули зал. За нами должен приехать Саша, но его пока нет, и я повёл дочку во дворик «Дома Ростовых». Подошли к Льву Николаевичу — он по-прежнему держит на коленях зимний «подарок», и у ног его снежная глыба — как будто свернулась кольцом большая белая собака.

Внутреннее чувство подсказывает мне, что здесь, возле памятника русскому гению, я должен сказать дочке нечто такое, что она запомнит. А слова не приходят, и я злюсь на себя. И всё же сказал:

— Хорошо, что в городе есть памятники, в них, в отличие от зданий и деревьев, запечатлён живой мир, и рядом с ними хочется думать о вечном.

— Думать о вечном вредно, — сказала Ольга. — Я, когда начинаю думать о вечном, чувствую себя совсем маленькой.

Саша позвонил и догнал нас на машине уже на подходе к Новому Арбату. А дома — внучка Мария и бабушка Галина!

17 марта. Середина марта, 0 градусов. Солнечное утро, на небе ни облачка.

На пробежке в Москворецком парке гоняю по Крылатским холмам. Снегу по пояс, синие тени от деревьев. Полно ворон. Раньше они каркали недовольно и даже как будто зло. А сегодня не каркают — разговаривают!

Московские погоды заметно отличаются от питерских. Больше света, воздуха, меньше влажности. И ветры вежливые: подуют-подуют и успокоятся. В Питере всё время дуют. Слева — Балтийское море, справа — Ладога: есть где разгуляться.

Московская погода напоминает мне минскую погоду моего детства и ранней юности. Воздух ощутимо объёмный, каждый вдох — радость.

Бегал в гору и под гору, потом зарядка типа разминки, но с резиновым бинтом — для общего развития. Уже много лет я пользуюсь бинтом на разминке в качестве эспандера. В завершение — три десятка глубоких приседаний и упражнения на перекладине во дворе школы, что рядом с домом.

Всё это хорошо, но ещё бы приспособиться писать.

18-19 марта. На основе дневников начал новую книгу «Крупным планом». Надеюсь, она в какой-то мере продолжит мой «Открытый ринг». Мало времени для работы. Всю жизнь у меня мало времени для литературной работы. Великую русскую литературу создавали дворяне, аристократы духа. Они были избавлены от лишней суеты, работали, в основном, над собой. И писали. У меня же всё урывками, от случая к случаю. Даже рад прервать работу, когда что-то отвлекает. То ли дело мой современник Николай Михайлович Коняев! Его на писательском пути ни ветер перемен не остановит, ни буря модернизаций не собьёт. Я сочинил про нас с ним анекдот:

Встретил Иван Сабило Николая Коняева:

— Николай Михайлович, вы чего такой грустный?

— А с чего радоваться, когда за эту неделю у меня всего три

книги вышло!

20 марта. На работе заведующая канцелярией Нина Константиновна вручила мне записку от Бояринова: «Иван Иванович, сочините, пожалуйста, поздравительную телеграмму для А. Лукашенко, который вновь избран Президентом. Подписи будут зависеть от разговора Салтыковой с Михалковым. Детали уточните с Салтыковой».

Сочинил: «Дорогой Александр Григорьевич! Исполком Международного Сообщества Писательских Союзов сердечно поздравляет Вас с убедительной победой на выборах Президента Республики Беларусь. Восхищены Вашим подвижническим трудом в противостоянии антибелорусским и антироссийским силам. Будем продолжать сотрудничество в деле развития культуры народов Беларуси и России, книгоиздания, поддержки наиболее талантливых писателей. Желаем здоровья и успехов в Вашей многотрудной деятельности. Счастья, процветания белорусскому народу. Сергей Михалков, Феликс Кузнецов, Владимир Бояринов, Иван Сабило, Валерий Ганичев, Владимир Гусев, Владимир Карпов, Михаил Алексеев, Валентин Распутин».

Телеграмму отправили вечером.

Моё отношение к новому президентскому сроку А. Лукашенко? Объясню. Бывая в Беларуси, в Минске, я вижу, сколь толково устроена там жизнь. Чистота, порядок, ухоженность земли и городов — это не только внешняя сторона, но и подтверждение, подкрепление внутреннего её устройства. Моя родина Беларусь ещё никогда не имела своего общенационального лидера. То князи, то короли, то цари, то генсеки, то бог знает кто во главе с Шушкевичем. И вот он пришёл — властный, умный, не терпящий разгильдяйства и антигосударственного подхода к жизнеустройству. Собственно, это свой, белорусский Пётр Первый, со схожими достоинствами, но и схожими ошибками и «начихательством» на авторитеты. Он сделал главное — не допустил во Всебелорусскую власть представителей пятой колонны, её вездесущих бойцов-грабителей. И за это они ему по-базарному мелко, злопыхательски мстят в СМИ, во всевозможных комиссиях «по правам человека». Они ему: о «правах человека», а он им: «Права человека вместе с правом народа». Есть разница? Ещё какая! И не они ли, харизматики разных времён — Грозный, Пётр, Сталин, Лукашенко — при всей своей «неинтеллигентности», выволакивали страну из могильной ямы и, блюдя государственную мораль, возвращали ей авторитет и достоинство? Вспомните, какой была Беларусь в первые годы после развала Советского Союза, и представьте, что было бы с

ней, не приди к руководству Лукашенко. Или кто-то другой, но только с той же ясностью поведения и требовательностью к себе и к другим.

Как-то, выступая по телевидению, он заявил: «Мы сейчас озабочены количеством нашего населения. При наших возможностях, у нас должно быть 30 миллионов человек, а не 10, как сейчас».

Разумно. Англию, которая по площади на треть меньше Беларуси, населяют более 50 миллионов. И ничего, не только помещаются, но и неплохо живут.

Несколько дней спустя нечто похожее произнёс Президент Путин насчёт увеличения населения России. Но как его увеличить, когда в России различными способами убивают людей больше, чем единственным способом их рожают?

Сегодня я вижу аристократизм белорусского руководства в том, что оно в своих деяниях повёрнуто лицом к народу. И все эти вопли о демократии. Демократия не может существовать без аристократии. Демократия без аристократии — бандитизм. Потому что зло всегда быстрее объединяется и лучше вооружается. И всегда противостоит добру. Большевики понимали, что им при аристократии не жить, и потому частично изгнали, а в большей степени истребили её. Большевики не любили и боялись аристократии, особенно национальной. Истребив её, а заодно и православное духовенство, они тут же кинулись занимать принадлежавшие им квартиры. Ныне же в России правят либералы и гоняются уже не столько за квартирами, сколько за должностями и за средствами производства. А также за нефтью, газом и пр. И весьма преуспели, не забывая при этом трубить о «правах человека». Чем отличаются российские либералы от других инородцев, попавших в Россию? Прежде всего тем, что родившись на земле, которая дала им жизнь, они не считают её своей Родиной. Немцы, итальянцы, греки, французы, родившись в России или просто попав в Россию, принимали её культуру, язык, жизненный уклад. То есть обретали «вторую» Родину, как мы обретаем крестную мать. И потому многие из них становились великими в зодчестве, скульптуре, военном деле, музыке, литературе. Российскому либералу это не дано. У него нет Родины-земли.

Как мне объяснили, в Минске сейчас проживает не так много либералов, но я не слышал, что их притесняют или требуют от них чего-то такого, чего не требуют от других. И к Лукашенко они относятся с пониманием его роли в объединении людей и нацеливании их на созидательный труд. Видят, что он не поощряет растаскивания общенародного добра. Могу лишь

представить себе, как взметнутся хищники, если вдруг поменяется власть, как бросятся кусать и откусывать то, что сегодня им не по зубам. Либерализация, материализация, примитивизация, коррупция, проституция — какие тяжёлые, бездушные слова — символы нашей жизни.

Для меня Лукашенко — сегодня один из самых интересных людей. Мне, литератору, любопытно, как будет строиться его дальнейшая жизнь. И что будут предпринимать «демократы» с большой дороги, прежде всего американцы? Хватит ли у них благоразумия уняться, или полетят наводить «порядок» на белорусской земле? В которой, не сомневаюсь, многие из них и останутся. В одном убеждён: покоя им не дождаться. В особенности, если Беларусь и дальше будет с Россией и продолжит развиваться такими же темпами.

Вечером в какой-то телепрограмме Лукашенко, перефразируя Ленина, сказал: «Революция, о которой так долго говорили в Беларуси, провалилась!»

И на память пришли строчки Анатолия Аврутина:

…А когда все дороженьки пройдены,
Всё, что мог, сотворил и изрек,
Посмотрите, что сделал для Родины,
И поймёте, какой человек.

21 марта. Во всех газетах — о выборах Президента РБ. В «Известиях», уже даже не со злостью, а с каким-то бессильным стоном: «Александру Лукашенко стало тесно в Белоруссии» (название статьи некоего А. Логвиновича). Ёрничая по поводу состоявшихся выборов и победы Лукашенко, автор «прозорливо» предрекает: «В планах Александра Григорьевича — президентский пост Союзного Государства. По крайней мере, введение такой должности он считает «вполне возможным». Равно как и создание единой армии, спецслужб и правоохранительных органов».

…Сегодня ночью, может быть, потому, что это последняя ночь, которая хотя бы на минуту, но всё ещё длиннее дня, увидел сразу два сна.

Первый:

Война. Я и со мной ещё двое вооружённых людей оказываемся в городе, в доме, занятом врагами. Ночуем в дальней комнате. Утром враги что-то заподозрили, ищут нас, видно, кто-то донёс. Когда они окружают дом и подступают к нам из коридора, мы стреляем. Но почему-то не торопимся уйти. У меня небольшой пистолет, который, однако, лупит пулемётными очередями. Кончаются патроны, я ищу запасную обойму, но не нахожу. И ругаю тех, кто снаряжал меня на задание, — почему не

положили?! Один из нас распахнул настежь окно с простреленными стёклами, и тут же в него заглянул враг с автоматом. Увидел меня, закричал голосом, похожим на пожарную сирену, и бросился бежать.

На этом сон обрывается.

Второй, под утро:

В Питере, у Марсова поля встречаю двоих писателей — Юрия Помпеева и Юрия Слащинина. Говорю Слащинину:

— Хорошо, что ты общаешься с Помпеевым, он умный. Задавай ему больше вопросов. Его нужно немного «завести», с чем-то не согласиться. К примеру, если он скажет, что в конфликте армян и азербайджанцев из-за Нагорного Карабаха не правы армяне, спросить: «Ну да, с чего бы это?»

Помпеев, слушая меня, улыбается. А я, показывая на прильнувший к набережной Невы университет культуры, говорю: «Вон там, на втором этаже, где окно углового эркера, бывший кабинет бывшего проректора по АХЧ Юрия Александровича Помпеева. В 90-е годы именно он перестраивал здание университета». — «Да, было дело, — соглашается Помпеев. — Хотите, я покажу вам кое-что интересное?» И ведёт нас к мостику через Лебяжью канавку. А там, хвостами в воде, толпятся русалки — простоволосые, в зелёных и голубых купальных костюмах и с луками в руках (откуда у русалок луки?). Увидев нашу компанию, подняли луки и целятся в нас. Мы испугались и убежали.

Два красивых, но каких-то незавершённых сновидения, причём оба с побегом. Спросил у Галины — к чему такие сны? Она, как всегда после некоторого молчания, ответила:

— Наверное, к тому, что сейчас утро, а потом наступит вечер.

Вечером вместе с Л. Салтыковой отправились в ЦДРИ. Туда Московский Пресс-клуб пригласил нас на встречу: «Восточные мотивы в русской литературе». Ведущие — Валерий Поволяев и бывший посол в Ливане, журналист и писатель Олег Пересыпкин.

Открыв вечер, Поволяев предоставил слово Пересыпкину. Олег Герасимович стал говорить об известных деятелях русской литературы и культуры, о тех, кто в своём творчестве уделял большое внимание арабскому миру. Прежде всего, о Николае Гумилеве, который многие стихи посвятил Африке и Востоку и который, живи он дольше, возможно, более, чем кто-либо другой, сблизил бы Россию с Востоком.

Поволяев говорил более пространно. Голос низкий, рокочущий. Запомнилось сказанное им, в дополнение к словам Пересыпкина, о гибели поэта: Гумилёва расстреляли не как одного из мятежников, а как автора листовки, в которой был выражен протест против большевиков и призыв к мятежу.

Гумилёв написал черновик листовки, затем переписал текст и уже «чистовик» отдал руководителям готовившегося мятежа. Черновик положил в одну из книг своей библиотеки. Когда к нему явились чекисты с обыском, он не смог найти, в какой из книг черновик. А чекисты нашли. Арестовали автора, ему грозил расстрел. Г орький, Луначарский и другие обратились к Ленину с просьбой сохранить жизнь русскому поэту. Ленин послал телеграмму, но кто-то из тогдашних деятелей — нечаянно или нарочно — положил её «под сукно». И достали её уже после того, как Гумилёва расстреляли.

— Такова легенда, — закончил своё выступление Поволяев. — И сейчас невозможно точно сказать, что там было на самом деле, а Гумилёва не стало.

Ну, легенда и легенда. Хотя современник Гумилёва и его ученик, знаменитый эмигрантский поэт Г еоргий Иванов, у которого есть такие строки: «Овеянный тускнеющею славой, в кольце святош, кретинов и пройдох, не изнемог в бою Орёл Двуглавый, а жутко, унизительно издох», — вот он в своих воспоминаниях говорит, что Гумилёв читал ему прокламацию, которую сам написал во время Кронштадтского мятежа. Она призывала рабочих оказать поддержку восставшим матросам и, попади к чекистам, стала бы смертельно опасным для поэта документом. Георгий Иванов посоветовал набрать текст на пишущей машинке, а рукопись уничтожить. Гумилёв попросил не беспокоиться, мол, рукопись размножат на ротаторе, а потом вернут её автору. И добавил: «У нас это дело хорошо налажено». В следующий свой приход к Гумилёву Иванов застал его весьма озабоченным — тот искал и не находил рукописный вариант своей прокламации. Но как будто всё-таки нашёл, потому что потом в следственном деле Гумилёва её не оказалось. Так что и главной улики, изобличающей вину поэта, выходит, не было.

После Поволяева выступил посол Йеменской Республики Абдель Ар-Раухани. На добротном русском языке он сказал:

— Мы гордимся хорошими отношениями России с арабскими странами. Стараемся развивать экономические и политические отношения. В 20-е годы прошлого столетия мы уже строили с вашей страной отношения на дружественной основе. Мы боролись за то, чтобы Россия стала членом Исламской организации, и в сентябре прошлого года это случилось. Это важно для России и для нас. Ваш великий поэт Александр Пушкин написал о Коране, об арабском языке и литературе. Писал и Лев Толстой. Мы всегда хотим больше знать, о чём они написали. Мы хотим больше знать о вас и поэтому готовы к ещё более тесным контактам.

Выступавшие вслед за ним писатели и общественные деятели говорили о том, что впервые в России на арабский Восток обратил внимание Петр Первый. Он приказал перевести Коран с французского языка на русский. А Пушкин написал статью «Влияние Корана на русскую поэзию» и девять стихотворений — «Подражание Корану», их отличительная черта — тонкость понимания Корана и Востока.

Иные выступающие напоминали: «Аллах удерживает небо от его падения на землю», «Аллах удерживает небеса, чтобы они не удалились от нас совсем.»

Часто мы даже не подозреваем, сколько арабских слов вошло в русский язык: алгебра, банан, алкоголь, кисет, адмирал, азарт, алмаз, капитан, караван, диван, бархат, кабала, бедуин, кандалы, казнь, кинжал, сундук, халат, мат, магазин, майдан, мечеть, мазут, химия, халат, шуба, юбка, шарф, лазурит.

В зале оказалось немало моих знакомых, в их числе Сергей Луконин, который неоднократно бывал у меня в Питере и который в приложении к «Литературной газете» «Лад» опубликовал интервью со мной, чуть ли не на полосу. Мы поздоровались и на «чаепитии» были вместе.

Л. Салтыкова познакомила меня с милой женщиной, Лидией Ивановной, вдовой писателя и литературного критика Александрова. Представила её как ответственного секретаря Союза литераторов Москвы. Мне было интересно, что это за Союз? Но поговорить не удалось — её всё время отвлекал улыбчивый, влажногубый человек в строгом коричневом костюме и светлых кроссовках. Это был Глан Онанян. Несколько дней назад он подарил мне свою книгу стихов «Над нами». Есть в ней такие:

«Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси мне хлеба,
Чёрного и белого,
Только не горелого…»
…Но вместо хлеба в той считалке детской
Мне камень чёрный небо отвалило,
немного перепутав счёт щедрот…

Трогательно и проникновенно. А что ещё нужно стихам!?

Хороший вечер, хороший разговор. Но вспомнил Марию — и ушёл раньше.

22 марта. Мой кабинет находится рядом с «кадрами», точнее, я попадаю в него через «кадры». В «кадрах» — две сотрудницы, примерно сорокалетнего возраста, блондинка Тамара Евгеньевна и брюнетка, руководитель Людмила Николаевна. Внешне весьма

привлекательные. Людмила Николаевна в прошлом библиотекарь, выпускница Московского института культуры. Пригласила выпить с нею чаю, я подарил ей свою книгу «До выстрела». Обо всём говорит со знанием дела. Начитанна, умна. Но всегда строга и как будто безрадостна. Однажды я спросил: «Грусть и скорбь — ваши лучшие подруги?» — «Ах, Иван Иванович, откуда возьмётся радость, если я живу со свекровью!» И перевела разговор на литературу. Она только что прочитала книгу о Дантесе. Даже подумала, что не так уж Дантес был плох, состоялся как личность, став пэром Франции, и все шесть лет, пока она была жива, оставался мужем Екатерины Николаевны — родной сестры Натальи Гончаровой.

— Пушкин сам был несдержанным, сколько раз он стрелялся на дуэлях! Это и привело его к гибели, — в сердцах сказала она.

Пришлось возразить: дело даже не в том, что один — Поэт, а другой — педераст и содержанец барона де Г еккерена. А в том, что Дантес был марионеткой в умелых и враждебных Поэту руках. И судьба жестоко наказала его: Леония, младшая дочь Дантеса, живя во Франции, самостоятельно выучила русский язык, прочитала всего Пушкина и, узнав о его смерти от руки отца, сошла с ума. А папочка, чтобы не видеть вечного дочкиного укора, отправил её в сумасшедший дом, где, проведя двадцать лет, она покончила с собой.

Людмила Николаевна опустила глаза:

— Я этого не знала.

— Теперь знаете. Как знаете и то, что пэров было великое множество, а Пушкин на весь мир один. Да и знаем мы этого пэра только потому, что он убийца.

Людмила Николаевна пожала плечиком, будто от холода, и отошла к своему столу. Боюсь, что теперь она будет переживать не только за Пушкина, но и за его племянницу.

Зашёл к Л. Салтыковой — узнать, придет ли на завтрашний секретариат Михалков. Да, он здоров, придёт. Ей при мне позвонили, что-то сказали о публикации в свежем номере «ЛГ». Оказалось, Ларионов и его сторонники, создающие параллельную организацию, призванную вытеснить МСПС, опубликовали в «Ладе» свою поздравительную телеграмму Александру Лукашенко.

Мы попросили принести газету. Прочитав телеграмму, я сказал:

— Незачем так волноваться. Дело частное, они поставили только свои фамилии, так что МСПС тут ни при чём.

23 марта. Утро. Разминка в Крылатских Холмах. Солнце. Синие густые тени. Нет ветра. Лепота! Холмы чем-то схожи с

широко раскинувшейся обнажённой женщиной — та же белизна, та же нежность, то же ожидание тепла. Комфортный морозец 5–7 градусов. Однажды в Ленинграде, в Книжной лавке писателей взял в руки книгу, кажется, француженки. Открыл первую страницу и прочитал: «Был январь. В Париже стоял страшный семиградусный мороз.» Теперь жалею, что не купил.

Заседание секретариата открыл Сергей Михалков:

— Есть группа наших противников: Бондарев, Ларионов, Облог, Орлов. Троих последних Московская городская писательская организация исключила из Союза писателей России за жульничество. Но они продолжают свою разрушительную деятельность. Им необходимо противостоять. Мы уже выиграли несколько судов, но этого мало. Нужно активнее заниматься проблемой сохранения и укрепления нашего Союза.

И попросил Феликса Кузнецова огласить повестку дня. В неё вошли вопросы: о форуме творческой и научной интеллигенции в Москве, который в апреле проводит Администрация Президента и Министерство культуры; о положении в издательстве «Советский писатель»; о судьбе Шолоховской премии.

Всё интересно, со страстями. Одно печально — писатели или не понимают, или, понимая, не говорят, что власти специально «опустили» нас, дали на растерзание бандитам, пока у нас остаётся хоть что-то от полученного и приумноженного в советские годы имущества. Без сомнения, всё это заберут и передадут «новым», своим. А когда обдерут как липку, потом что-нибудь дадут, но уже «своё», от себя. Облагодетельствуют.

Вспоминаю 94-й или 95-й год. Заседание Координационного совета творческих Союзов Петербурга в зале Ленинградского отделения Союза художников. Долго ждали приезда тогдашнего мэра А. Собчака — он задерживался с проводами какой-то делегации в Москву. Но вот приехал, привёз с собой двух вице-губернаторов: Владимира Петровича Яковлева — по культуре — и Михаила Владиславовича Маневича — по управлению городским имуществом. И с ходу решил обрадовать руководителей творческих союзов: дескать, мы передаём в ваше пользование помещения, которые вы занимаете. Прошелестели аплодисменты.

Я, быть может, потому, что Дом писателей сгорел, не выдержал:

— Анатолий Александрович, никаких наших помещений вы нам передать не можете. Вы можете их только отнять, как отняли у нас Дом писателя, отказавшись восстанавливать его после пожара.

— Почему? — спросил Собчак.

— Потому что все наши помещения, в том числе дворцы и

особняки, которые занимают творческие союзы, передала нам советская власть ещё в 30-е годы. То есть тогда, когда вы ещё не родились.

В зале раздались смешки.

— Да где ваша советская власть? — воскликнул Собчак. — И власть ли она, если мы её, как пыль, смахнули своею властною рукой? А мы власть, и мы передаём.

Раздались аплодисменты. Громче всех аплодировал вице-губернатор по культуре Яковлев. При этом Маневич словно бы не участвовал в разговоре, задумчиво разглядывал картину, на которой изображён зимний пейзаж. А после заседания подошёл ко мне.

— Я знаю вашу проблему. В ближайшее время покажем вам несколько помещений и, надеюсь, решим вопрос о Доме писателей. Хотя бы временном.

Так и случилось. Мы посмотрели то, что нам предлагали, и остановились на Большой Конюшенной, 29. (Мы — это Глеб Горышин, Александр Скоков и я). Всё ждал случая поблагодарить Михаила Маневича за эту помощь и не успел — в августе 97-года его застрелили у Невского, когда он ехал на работу.

Теперь же, при Валентине Ивановне Матвиенко, не вылезаем из судов — пытаются отнять.

24 марта. Утром на пробежке. Две вороны на снегу.

— Эй, вороны, чего не поёте, весна ведь?!

— В прятки играем, — говорят.

— Как же вы играете, когда при одном месте?

— А так. Я закрою глаза — её нет, она закроет — меня нет.

Весна идёт неторопливо. По ночам морозы до 14, днём — около ноля. Снег подтаивает только на асфальте и на косогорах. Холодно. Ветер. Но солнце уже высокое. Греет.

25 марта. Марии — 1 год. Всей семьёй ездили в магазин за детскими игрушками. Купили кубики с буквами, цифрами и картинками на них, книжку Чуковского «Муха-цокотуха». Увидев на картинке усатого таракана, Мария стала рычать — показывать, какой он страшный.

Вернулись поздно. Саша купил торт. Завтра в него поставим единственную свечку — Мария будет её гасить.

26 марта. Утром Мария гасила свечку, мы ей помогали. Мы торт ели, а ей не давали — рано ещё. Хотя она просила. Ей дали ломоть батона, оказалось, мало. Дали ещё. Теперь порядок, в каждой руке по полбатона.

Мария — это восторг, это воплощённая любовь. Но пора как-то приучать её к чтению. У книг есть особое свойство: они служат верой и правдой тому, кто их читает. И отвечают любовью. Не

знаю, проводилось ли исследование, насколько отличается умственное развитие детей, приобщённых к книге (даже если им читают взрослые, а сами они ещё не умеют читать), от детей, которые растут без книг. Убеждён, есть отличие.

29 марта. Позвонил первый секретарь Союза писателей Беларуси Анаталий Аврутин, приглашает в Минск на заседание Комиссии по культуре Исполкома Союзного Государства. Я сказал, переговорю тут со своими и дам ответ. Приглашу главного редактора газеты «Московский литератор» Ивана Голубничего. Если сможет, приедем с ним. Днём встретил его, сказал о звонке Аврутина — Иван Юрьевич с удовольствием принял приглашение.

Был в Московской писательской организации на заседании Совета по детской литературе. Представили 2-й и 3-й номера журнала «Подсолнушек». Полистал — живой, интересный журнал.

Говорили о понимании проблем подростковой литературы и нашем писательском противостоянии западной халтуре типа «Поттера».

Сейчас в рамках реформы образования на всевозможные «проекты» выделяются средства, гранты, и поворотливые люди уже побежали за ними. Надо бы знать, куда и зачем они бегут. Не вернутся ли они с деньгами, отпущенными не на созидание, а на разрушение?

В новой российской жизни, куда большинство из нас попало без нашего согласия, акцент с общественного, коллективного сместился к частно-собственническому. Всячески утверждается, что люди, в том числе дети, должны быть успешными. Но успешными ещё не значит внутренне состоятельными. И литературе необходимо учитывать это, в особенности литературе для детей.

Я был на Совете недолго, а когда почувствовал, что его члены подстраиваются под «жизненные реалии», задал только один вопрос — есть ли при правительстве Москвы издательский совет? Да, есть, но он почти не помогает писателям.

Я в течение десяти лет был членом Издательского совета при администрации Петербурга. И сказал, что, например, в прошлом году на книгоиздания он выделил 12 млн. рублей. Было поддержано около ста издательских проектов. Хорошо бы опытом Петербурга воспользоваться в Москве. И ушёл. Торопился в СП России, где состоялось представление только что вышедших в издательстве «Вече» четырёх книг под общим названием «В. Пикулю посвящается». Я один из авторов, мне наряду с другими предоставили слово:

— Здесь уже говорили об особой роли в жизни Валентина

Пикуля его жены, друга, ныне вдовы Антонины Ильиничны Пикуль (она присутствовала на вечере). Многие годы она занимается творчеством мужа, изданием и переизданием его произведений. И сама написала несколько книг о нём. За её литературный труд, за её вдовий подвиг мы в Петербурге приняли её в Союз писателей России. Это было 11 лет назад. А в 1996 году мы вместе с ней открывали мемориальную доску Валентину Саввичу Пикулю на доме № 16 по 4-й Красноармейской улице в Петербурге. После её выступления я сказал: «Есть редкая порода женщин, которые верны своим мужьям и после их смерти. К ней принадлежит Антонина Ильинична, вдова писателя. Сегодня я хочу назвать ещё нескольких женщин: прежде всего Анну Григорьевну Сниткину — жену Фёдора Достоевского, Людмилу Владимировну Крутикову — жену Фёдора Абрамова, жену Виктора Курочкина — Галину Ефимовну, жену Радия Погодина — Маргариту Николаевну, жену ГлебаГорышина — Эвелину Павловну Соловьёву. Это женщины, про которых уже сейчас можно писать книги».

После всех выступлений, когда открылись «кулуары», ко мне подошла Людмила Яковлевна Колоярцева — двоюродная сестра В. Пикуля. Попросила, чтобы я подписал один из томов, где помещено моё обращение к Антонине Ильиничне по случаю 50-летия творческой деятельности Пикуля, что я и сделал с большим удовольствием. А она — то же самое на моём томе.

Обменялись телефонами. Я любовался её светлым лицом, высокой причёской, всею дородной статью. На неё бы равнялись нынешние модницы, вместо того чтобы голодать до скелетоподобия.

По дороге домой думал о своей петербургской писательской организации — каково там моим коллегам под руководством Бориса Орлова? И пришла мысль — провести в Москве, в МСПС вечер питерских писателей. Пригласить одного-двух прозаиков и трёх-четырёх поэтов вместе с «Невским альманахом» и его главным редактором Владимиром Скворцовым. Заранее предложить московским критикам и писателям посмотреть книги приглашаемых писателей, ознакомиться с «Невским альманахом» и устроить творческий вечер. А потом напечатать в «ЛГ» отчёт о вечере. Затем через какое-то время — другую группу, чтобы у них был выход на Москву и чтобы литературная Москва знала, что происходит в литературном Петербурге.

Позвонил Борису Орлову, предложил показать питерских писателей москвичам. Он сразу согласился и даже заявил, что дорогу писателям может оплатить Владимир Скворцов. Решили с датой проведения пока не торопиться, но материалы для

прочтения москвичами готовить.

30 марта. Позвонил Аврутин, напомнил о важности планируемой встречи. Я ответил, что приеду вместе с Иваном Голубничим. Вскоре он снова позвонил — сказал, что разговаривал со статс-секретарём СП России Ларисой Барановой-Гонченко. Она настаивает на поездке от СП России трёх человек — Сергея Котькало, Владимира Силкина и её самой. И категорически против Голубничего.

— Она против, а я — за.

Вечером два события: в ЦДЛ — обсуждение новой книги Владимира Карпова «Танец единения душ». Название вычурное, а книга хорошая, сотканная из тонких чувств, с глубоким проникновением в суть жизни.

Затем в музее Маяковского — представление новых номеров журнала «Российский колокол». Читал в № 6/2GG5 «Из дневника» С. Есина. Пишет подробно. Видны характеры. События, которых он касается, вполне заурядные, но трогают своею какою-то ущербностью и необязательностью. Все они, как правило, либо от нашей бестолковости, либо от чьей-то глупой, злой воли. И никто никого не хочет понимать и слушать. Обречённый мы народ, если не возродим этику отношений.

Забавно С. Есин пишет о встрече во Франции наших литераторов с Президентами Шираком и Путиным. Забавно — об Александре Кушнере, который боялся, что ему Президенты не пожмут руку, как другим, и сам бросился для пожатия. Я живо представил себе Александра Семёновича — маленького, постукивающего дамскими каблуками. И чего суетиться? Ты же поэт!

В Малый зал ЦДЛ я вошёл первым и долгое время был один. Явился некто второй, близкий мне по возрасту, с красным лицом. Сел рядом. И сразу:

— Молодец Владимир Карпов: Герой Советского Союза, боксёр, разведчик, писатель. Вот ещё одну книгу написал. Жаль, я не достал её, не прочитал.

Он взял у меня книгу, чётко произнёс:

— «Танец единения душ». Странное для Карпова название. У него же «Взять живым», «Вечный бой», «Маршальский жезл». Про разведчиков.

— Здесь другой Карпов. Тот — Владимир Васильевич, а этот — Владимир Александрович.

— Ах, вот что! За всем не уследишь. Так много теперь писателей. Большое литературное хозяйство, а завхозов, то есть критиков, нет. А те, что есть, пишут за деньги, обслуживают бездарей. Да, критиков нет и уже не будет. Умирает критика.

Хорошо, что я не критик, а то бы тоже умер.

— А кто вы?

— Читатель. Я люблю читать. И следить за молодыми, как они развиваются и кем становятся. Есть у меня один молодой, так он за четыре года выпустил то ли тридцать, то ли сорок книг стихов. И каждую тиражом 50 экземпляров. И говорит, что не собирается делать книжки на продажу, а дарит их самому себе и своим близким. И вполне удовлетворён. Тем более что его близкие никогда не говорят ему дурных слов о его книгах.

— Логично, — сказал я, благодарный своему собеседнику за этот готовый характер.

Пришёл Владимир Карпов. Здороваясь с ним, я сказал, что мне нужно ещё в музей Маяковского, и попросил дать мне слово в «первых рядах».

Я начал с того, что Карпов, судя по его книге, принадлежит к немногочисленной породе писателей-пешеходов, которые могут заметить и росинку на траве, и раннюю морщинку на лице двадцатилетней девушки. Он сочувствует нашей бывшей стране, её людям, её жертвам и её героям. Он понимает, что отомстить истории невозможно, как невозможно свести счёты с прошлой жизнью. У истории можно только учиться, беря из неё хорошее и сожалея о том, что в ней не столь хорошо.

Сейчас в ходу литература не героев, не образов, не характеров, а функций. Этот — убийца, этот — следователь, этот — прокурор, эта — проститутка. Кто они, откуда родом, кто их родители, как и почему они пришли к жизни такой — нам, в силу авторского убожества, знать не дано.

В книге Карпова — именно характеры, живые люди. Они мыслят, переживают, любят, страдают точно так же, как мы с вами, как все люди. С одной существенной разницей: они избраны писателем героями его книги, а мы с вами пока ещё нет. Все описываемые в романе события и места точны не только по времени, не только географически, но даже этнографически. Я был вместе с автором в Якутии — он написал именно Якутию, да так, что открыл в ней многое из того, чего я не заметил. У него в романе — мой Ленинград, где я прожил почти полвека. И даже мой Минск, где я родился и рос. А также Алтай, откуда родом моя жена и где я неоднократно бывал. Читая Карпова, я невольно становлюсь участником описываемых в его романе и рассказах событий.

Из знакомых в зале я увидел только Владимира Личутина — мы молча поздоровались.

Приехал в музей Маяковского с большим опозданием. Зал полон. Я прошёл на сцену и сел на свободное место. Весь

разговор — о журнале «Российский колокол». Много молодёжи. Каждое выступление без «двойного дна». Приглашали остаться для общения в «неформальной обстановке», но я поблагодарил и отказался — хочу к Марии.

1-3 апреля. Переделкино. Прожил здесь три дня. Снег после зимы почти не тронут. Если придёт настоящее тепло, наводнения не миновать. Сыро, туман. Бегал лениво, обе ночи плохо спал — обычный для меня результат вхождения в работу.

На подоконнике второго этажа книжка — «Сонечка» Л. Улицкой. То ли случайно забытая, то ли специально оставленная. Прочитал. Её Сонечка — слабая копия Душечки с отдельными чертами Сонечки Мармеладовой. Вяло и неискренне. Душечка и Сонечка Мармеладова вызывают чувство уважения за их преданность и жертвенность, а героиня Улицкой — брезгливость. Впрочем, нельзя отказать автору в способностях. Подражательских.

Писал на компьютере. Самому не верится, что постепенно овладеваю этой действительно полезной техникой. Несколько дней назад попросил дочку взять из Интернета информацию о Билле Г ейтсе. Прочитал. Вспомнил пушкинское: «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещенья дух!..». Когда человеком, хотя бы и подростком, овладевает страсть созидания, ждите чуда. Как в случае с Биллом и его индивидуальным компьютером. И по заслугам ему его состояние.

Набросал черновик статьи «Кто спасёт красоту?» в защиту читателя-под- ростка. Толчком для неё стал разговор на Совете по детской литературе и статья Н. Шевцовой в «ЛГ».

Работал над романом — сразу на компьютере. Получается медленно, всё время хочется перечитывать, исправлять, убеждаться, что всё написанное — литература. Кажется, придётся вернуться к ручке и бумаге. А с неё — на компьютер.

4 апреля. Сегодня начинает свою работу X Всемирный Русский Народный Собор. Я его участник. Но вместо Храма Христа Спасителя приехал в МСПС. В полдень должен быть на открытии памятника Абаю на Чистых Прудах.

Отправились с Ф. Кузнецовым на машине. Из-за бесконечных пробок думали, что опоздаем. Открывали памятник Президенты Путин и Назарбаев. Народу много, казахи и русские. Полно милиции в форме, а можно себе представить, сколько её в гражданском одеянии.

С Чистых Прудов приехал в Храм Христа Спасителя. Утром с приветственным словом к соборянам обратился Патриарх Алексий II. Вслед за ним главный доклад представил митрополит Кирилл. Основная тема обсуждения Собора — права человека в

российском обществе.

«В какой степени это видение прав человека, — сказал митрополит, — позволяет православному народу жить в соответствии с исповедуемой им верой? Не стоим ли мы на грани нового исторического ренессанса, при котором твёрдое стояние на камне веры предков будет повсеместно признаваться нежелательным?»

Дальше в докладе говорилось о серьёзных опасностях, которые подстерегают верующего человека в обществе, где господствует несбалансированный нравственными нормами подход. «Абсолютно ложным является претендующий на универсальность либеральный тезис, по которому права человека превалируют над интересами общества, так как при нормальном общественном устройстве права и свободы должны быть сбалансированы с общественной солидарностью».

Особо в выступлении Кирилла подчёркнуто отрицание православными людьми узаконенных во многих странах Западной Европы однополых браков и прочих безнравственных деяний в рамках так называемых «прав человека».

На эту тему лично мне лень думать и говорить, хотя иногда приходится. Случилось как-то общаться с приехавшей из Штатов по финансовым делам нашей бывшей гражданкой. Она сама затронула тему гомосексуализма и с удивительным для женщины-матери рвением стала доказывать, будто бы «на то и существует демократия и плюрализм, чтобы люди могли жить как им удобно». При этом было видно, как она волнуется, защищая извращенцев, будто её саму обвинили в чём- то незаконном и осуждаемом. Ясно, что не до конца разобралась в этом вопросе, и я решил ей помочь:

— Лиля, не буду вам напоминать, что сделал Господь с двумя библейскими городами за разврат и как наказал их жителей. Напомню только, что Ева в переводе на русский — Жизнь, тогда как Адам — всего лишь Человек. От Евы и Адама — всё человечество и мы с вами, тогда как от двух Адамов — кучка экскрементов и больше ничего. Так вправе ли мы оставить Еву в одиночестве?

Моя собеседница то улыбалась, то хмурилась, но так и не нашлась что ответить.

На соборе встретился с Борисом Орловым, он вручил мне свежий, 55-й номер газеты «Литературный Петербург». Я их выпустил 54. Поздравил Борю, но потом, когда ознакомился с содержанием возобновлённого издания, огорчился. Большинство материалов случайных и плоских — без героев, без событий, без «гвоздей».

Буду ждать следующего номера.

5 апреля. В ЦДЛ — Пленум правления СП России. Много выступлений. О судьбе книгоизданий, о плачевном состоянии знаменитых литературных журналов, об оскорбительной для понимающих жизнь людей обстановке в стране. Но слышат эти слова только те немногие, которым и так всё ясно.

Телевидение на дух не переносит подобных речей. Оно гонит «попсу», предоставляя экран русофобам. И по-геббельсовски на пять процентов правды наворачивает девяносто пять процентов лжи.

Что же главное в выступлениях участников Пленума? Как всегда, одно и то же: разрушается, гибнет русская деревня; по миллиону в год убывает население России; сокращаются сельские библиотеки, школы, медицинские учреждения. Люди спиваются. Литература, культура требуют поддержки.

Такое ощущение, что умных, совестливых людей России загнали в резервации, разрешая им на их же собраниях плакаться друг другу в жилетку. И больше ничего.

А в это время пируют те, кто с гордостью говорят о себе, что они сделались богатыми, потому что «оказались в нужное время в нужном месте». Но ведь так может сказать о себе любой удачливый вор.

6 апреля. Поэт, комендант МСПС Павел Косяков купил нам с Голубничим билеты в Минск и обратно.

Я подготовил письмо Президенту А. Лукашенко:

«Дорогой Александр Григорьевич!

Международное Сообщество Писательских Союзов — правопреемник бывшего Союза писателей СССР — ещё раз поздравляет Вас с победой на выборах Президента Беларуси. Ваш успех свидетельствует о поддержке белорусским народом государственной линии, которую Вы ведёте уже многие годы. Убеждены в том, что нынешний период Вашего руководства страной принесёт Беларуси новые достижения в экономике и культуре.

В этой связи мы готовы к наиболее тесному сотрудничеству в такой важной сфере, как литература и книгоиздание. Действительность ныне такова, что всё меньше белорусских писателей переводится на русский язык, а российских — издаётся в Беларуси (а то, что издаётся, к сожалению, далеко не лучшее). Восстановить прежние творческие связи — вот наше желание, а по большому счёту — настоятельная необходимость.

Нам помнится, на встрече с писателями Беларуси и России, которая проходила в Минске в конце 90-х гг. (на ней присутствовали И. Шамякин, В. Зуёнок, Т. Бондарь, В. Ганичев, В.

Распутин, В. Карпов и др.), Вы предложили представить Вам 100 рукописей наиболее талантливых современных писателей. И выразили готовность помочь в их издании и распространении. Это вдохновляющие слова. И, вероятно, пришла пора, когда мы в рамках Союзного Государства можем повести разговор о планах создания белорусско-российской библиотеки (а если шире — библиотеки славянских народов). Для начала речь может идти о проекте 50-томного издания книг белорусских и русских авторов.

Уверен в том, что подобное уникальное издание обогатит культуру наших стран, даст толчок к более тесному сближению писателей. Потому что книга — это не только литература, это и кино, и театр, и просвещение, и многое другое, без чего немыслим современный человек.

Мы хорошо знаем о возведении в Минске величественной, одной из крупнейших в мире Национальной библиотеки Беларуси. Её многочисленные фонды могут быть пополнены нашими новыми книгами.

Если остаётся в силе Ваше предложение, мы вместе с нашими белорусскими коллегами готовы в короткие сроки разработать и представить проект.

Доброго здоровья и удачи Вам и всему белорусскому народу.

Искренне, Сергей Михалков, председатель Исполкома МСПС, Герой Социалистического труда, лауреат Ленинской и Государственных премий, академик Российской академии образования».

Дал прочитать Ф. Кузнецову и В. Бояринову — они одобрили.

Пришёл С. Михалков. Я не торопясь прочитал ему — он долго молчал и не скрыл скептического отношения:

— Зароют. Как только попадёт наше предложение российской чиновничьей орде, зароют.

— Не будем передавать? — спросил я.

— Почему не передать? Предложение хорошее, но утопическое.

И подписал.

Везу в Минск. Голубничий везёт награды нашим белорусским коллегам: юбилейные шолоховские медали и юбилейные медали — к 100-летию со дня рождения Мусы Джалиля. Кроме того, везём Почётные грамоты МСПС, памятуя слова песни: «Мне не дорог твой подарок, дорога твоя любовь».

10,11 апреля. Молодечно — город недалеку от Минска, здесь у нас встреча с руководством района. Они о себе:

— В нашем городе родился Янка Купала, жили и работали Якуб Колас, Максим Богданович, Михаил Огинский, писатель и историк Николай Ермолович. Отсюда родом эстрадный певец Юрий Антонов. А потерпевший сокрушительное поражение Наполеон впопыхах оставил тут письмо своим разбитым войскам и бежал в Париж.

Теперь о том, для чего мы собрались. Мы приглашены на заседание Комиссии Парламентского собрания Союзного Государства Беларуси и России по вопросам внешней политики. Познакомился с её председателем, он же — руководитель недавно образованного Союза писателей Беларуси Николай Иванович

Чергинец. Невысокого роста, полноватый, с хорошим славянским лицом, традиционными для белоруса усами и внимательными, словно чего-то ждущими глазами. В прошлом способный футболист, играл за минский «Спартак» и другие команды высшей лиги СССР. Военный человек, генерал-лейтенант внутренней службы. Дал свою визитную карточку, а в ней такое, что вызывает глубокий вздох. Представляю, каково ему будет, когда по объективным причинам придётся расстаться хотя бы с частью этих должностей. Но это в будущем, а сейчас послушаем, что он говорит:

— Наш парламент имеет прочные связи с парламентами более чем 150 стран. У нас на учёте каждая неблагополучная семья. За ними закреплены специалисты. Есть центры, где старики и дети могут жить до переселения их в интернаты и детские дома. Когда были морозы, мы поместили детей и стариков-одиночек в эти центры. В 2004 году у нас не было ни одного преступления, связанного с правонарушениями в отношении детей. По окончании средней школы до 90 % выпускников поступают в вузы. Наши дети учатся как в Беларуси, так и в России. В параолимпийских играх наши спортсмены в составе сборной Беларуси завоевали львиную долю медалей. Мы идём своим путём к процветанию нашей страны и не особенно обращаем внимание на крики наших недругов и злопыхателей. Мы помним поговорку боксёров: не смотри по сторонам, а то пропустишь самое главное!..

Николаю Ивановичу я вручил обращение, подписанное Михалковым, для передачи Президенту Лукашенко.

Вслед за ним начал своё выступление первый секретарь СП Беларуси Анатолий Юрьевич Аврутин. Волнуется, несколько рассеян. Но сказал о необходимости расширения связей писателей России и Беларуси, предложил наладить более тесное сотрудничество в журнально-издательском деле. Хотя он, являясь главным редактором популярного журнала «Новая Немига литературная», как раз немало делает в этом плане.

Потом началось знакомство с городом. В музыкальном училище имени Огин- ского мы пришли в восторг от обилия юных одухотворённых лиц. Слушали вокалистов, хор, симфонический оркестр. После детского концерта возложили цветы к памятнику композитору Огинскому (по-белорусски — М!хал Клеофас Агшсю). Директор училища Григорий Сорока рассказал о родовом имении белорусских князей-графов Огинских здесь, под Молодечно. Европейски образованный, от природы умный граф Михал Огинский рано проявил себя на дипломатической и государственной службе. А музыкальное дарование и занятия

музыкой под руководством талантливого композитора Осипа Козловского, написавшего российский гимн «Гром победы, раздавайся!», привели к тому, что он стал сочинителем многих музыкальных произведений — более двадцати полонезов и оперы о Наполеоне «Зелида и Валькур, или Бонапарт в Каире». Огинский был сенатором, дипломатом, участником белорусско-польского восстания, которым руководил другой выдающийся белорус — Тадеуш Костюшко. Встречался с Наполеоном, вёл переговоры с ним о восстановлении Великого Княжества Литовского, но безуспешно. На дело восстания он потратил состояние не только своё, но и жены Изабеллы, чего она ему простить не смогла. После тяжёлого ранения Тадеуша Костюшко восстание провалилось.

В 18G1 году Огинский принимает присягу на верность Российскому императору и занимает высокие государственные должности. Но вскоре возвращается в Беларусь. Около двадцати лет он прожил в родном имении в Залесье, возле Сморгони, где выстроил изумительный по архитектурным достоинствам дворец, куда приезжали именитые гости из Петербурга, Витебска, Гродно и других городов. Здесь он давал концерты, здесь написал свой самый знаменитый полонез «Прощание с родиной». Казалось бы, живи и радуйся жизни, успешному музыкальному творчеству. Однако тяжёлая болезнь вынудила его переехать в Италию, где он и скончался в 1833 году в окружении жены-итальянки и четверых детей. Одна из «правд» о его смерти гласит, что родные, войдя к нему в спальню, увидели торчавший из его груди кинжал.

В Беларуси — куда ни пойди — наряду с новым и современным увидишь древнее, наряду с весёлым и жизнерадостным встретишь трагическое.

После памятника Огинскому — мемориальный комплекс «Шталаг 342» — фашистский концентрационный лагерь, здесь погибло более тридцати тысяч узников. У каменной стены с выступающими из неё концами деревянных балок и колючей проволокой в бетонных нишах состоялся городской митинг, посвящённый Международному дню освобождения узников фашистских концлагерей. Выступают бывшие узники, дети войны. Не скрывают слёз. Пошёл снег пополам с дождём. Предоставили слово мне. Я говорил коротко, только то, что моя тётя, родная сестра моей мамы Любовь Николаевна Бортник, тоже погибла в концлагере, в Освенциме, в 43-м году. Ей было двадцать лет. Много пожилых людей, но ещё больше детей. Не расходятся.

Мы посетили также мебельную фабрику и восхитились не только культурой производства, но и красотой продукции, которую она производит: это уже не только мебель, это искусство.

На обратном пути в Минск, на вокзал, нам показали грандиозный памятный комплекс — «Линию Сталина», возведённую ещё в тридцатые годы на тогдашней границе с буржуазной Польшей. Граница была настолько близко к Минску, что столицей Беларуси хотели сделать Могилёв. «Линия» протянулась на несколько тысяч километров с севера на юг, и большая, наиболее укреплённая часть её проходила по белорусской земле. Но возвращение Беларуси и Украине отнятых ранее Польшей западных земель привело к тому, что Могилёв не стал столицей (хотя ох как украсил бы столицу Днепр!) и «Линия Сталина», в отличие, скажем, от «Линии Маннергейма», которую финны использовали на всю мощь в войне против Советского Союза, нам не пригодилась.

Нынешняя «Линия» восстановлена несколько лет назад по предложению Президента Лукашенко и воинов-афганцев. Мы увидели могучую для той поры оборонительную систему с брустверами, ломаными траншеями, бетонированными дотами с пушками и пулемётами под бронированными колпаками, напоминающими башни танков. В дотах — макеты советских воинов, одетых по форме: заряжающие, наводчики, стрелки. Взгляд их устремлён за амбразуру — не появился ли враг? Особый интерес вызвала у нас экспозиция современной военной техники — самолёты, вертолёты, самоходные орудия и прочий стальной арсенал.

Ходим мы не группой, а по одному, лишь изредка собираясь вместе. Николай Чергинец — впереди, что-то поясняет сотруднику «Линии», Иван Голубничий — справа, фотографирует амбразуру. Анатолий Аврутин как поршень продвигается по траншее, и на лице его полное удовлетворение оттого, что он помещается в ней, — значит, примерился, как бы он здесь отражал атаки фашистов. Рядом со мной большой, грузный человек в бархатной куртке и узкополой серой шляпе. Я почему-то назвал его мысленно Мэром. Что-то бормочет себе под нос, чем-то недоволен. Наш экскурсовод Наденька одета по-военному: шинель, пилотка, гимнастёрка, сапоги — всё ладно пригнанное по её стройной фигуре. Я спросил у неё, возможно ли сейчас применение этой техники в случае необходимости.

— Ну, если только для партизан, то почему бы и нет! — сказала она, и было непонятно, всерьёз она это говорит или шутит.

— Как бы не пришлось отдавать полякам то, что у них оторвали, — негромко и будто возражая ей, произнёс Мэр.

— Что Вы имеете в виду? — спросила Наденька.

— Ну, воспользовались тем, что Г итлер напал на Польшу, он

с той стороны стал рвать её, а мы — с этой.

— Вы — поляк? — спросила Наденька.

— В какой-то степени, — кивнул он.

— Тогда я Вам сочувствую, — сказала она, и я не понял, сочувствует она тому, что он только частично поляк, или тому, что у него неправильное представление о тех исторических событиях.

12 апреля. Москва. Проснулся утром в хорошем настроении — с чувством Родины в душе. К тому же вспомнил, что в этот день ровно 45 лет назад красивого русского человека Юрия Алексеевича Гагарина поместили в космический корабль и отправили в такие выси, где до него ещё никто не бывал. Меня это известие застало в ЗАГСе Петроградского района Ленинграда, куда мы пришли с девушкой

Тамарой, чтобы подать заявление на вступление в брак. Там было несколько пар, мы заняли очередь. Инициатива предстоящего события исходила от Тамары, она же активно принялась готовить меня к свадьбе — возила к портнихе, где шилось её свадебное платье, знакомила со своими родственниками, представляя меня своим женихом, предлагала уже сейчас переселиться к ней, чтобы вместе ждать торжественного дня. Она намеревалась попросить служащих ЗАГСа назначить регистрацию на 22 апреля — день моего рождения — и была убеждена, что так и будет.

Я не возражал, хотя изредка доставал свой паспорт, открывал страничку «семейное положение» и, любуясь её девственной чистотой, представлял себе, как энергичная женская рука сотрудницы ЗАГСа привычно бахнет на неё фиолетовый брачный штамп. И понимал, что дело не в штампе, а в моих недостаточно сильных чувствах к Тамаре. Она мне нравилась — улыбкой, стройной фигурой, порывистым и независимым характером, но она была старше меня на четыре года, и мне казалось, что это очень много — мне ещё только двадцать, а ей уже двадцать пятый. Познакомились мы с нею во Дворце культуры связи, на поэтическом вечере. Я тогда писал стихи, и в тот день наше литературное объединение «Голос юности» выступало перед читателями именно там. Народу в зале было немного, и я со сцены видел черноволосую хрупкую девушку, сидевшую отдельно от всех и энергично хлопавшую в ладоши после каждого стихотворения.

Дошла очередь до меня. Я читал своего давно написанного «Воробья»: «Когда гранит дробился на песок, когда плакаты призывали: «Бей!», умчались птицы дальше, на Восток, но в городе остался воробей…»

После встречи с читателями спустились в гардероб, здесь ко мне подошла эта девушка, протянула своё пальто и попросила:

— Помогите, пожалуйста.

Я стал помогать, но она одевалась как-то медленно, несколько раз не попадала в рукав и поглядывала на моих друзей, которые, уже одетые, покидали Дворец, махая мне руками от дверей.

— Вы не торопитесь? — спросила она. — Вы могли бы меня проводить?

— Вообще-то можно, если такая необходимость, — кивнул я, и мы вышли вдвоём. Долго шли пешком по Адмиралтейской набережной. Потом по Дворцовой. Потом через Кировский мост, пока не очутились на Петроградской стороне, на Малой Посадской.

Она сказала, что работает в почтовом отделении оператором, работа ей нравится — всегда с людьми, интересно. Ещё сказала, что больше других ей понравилось моё стихотворение, поэтому для знакомства она выбрала меня.

— Ещё бы! — поддакивал я, понимая, что она шутит и я понадобился только для того, чтобы ей не в одиночестве гулять по красивому городу.

— Я вас приглашаю на чай, — сказала она. — Представлю вас моим родителям, они добрые и весёлые. Нет, нет, не стесняйтесь, пойдёмте.

Я не стеснялся, хотя со мной такого ещё не было. Поднялись по лестнице на третий этаж, она открыла ключом дверь.

— А вот и дочка! — сказал отец, выйдя нам навстречу и помогая Тамаре снять пальто. — И не одна, а с гостем, да ещё с каким молоденьким!

— Ладно, па, ставь чай. Мама дома?

— А как же! Сейчас ужинать будем. Пора, девятый час.

С этого вечера начались наши чисто дружеские отношения и, возможно, продолжались бы долго, если бы не ЗАГС, а точнее, если бы не полёт Юрия Гагарина.

В помещении ЗАГСа работало радио, но вот оно затихло, раздались позывные, диктор объявил, что через несколько минут мы услышим важное правительственное сообщение. И вот оно — советский человек в космосе!

Нас всех, будто взметнувшимся вихрем, вынесло на улицу, а здесь бегут люди, радуются, обнимают друг друга, кричат ура! Я тоже кричал, и нам с Тамарой уже в голову не приходило вернуться в ЗАГС. Потом я не раз благодарил Юрия Алексеевича за его полёт. А когда вскоре взял в руки написанную им после полёта книгу «Дорога в космос», не согласился с его

утверждением (и не только его), что в мировом пространстве есть планеты, схожие с нашей Землёй и населённые разумными существами. Но даже если он прав, нам с ними никогда не встретиться и даже не войти в контакт. Уж если Бог наделил народы нашей Земли разными языками, чтобы они не перемешались друг с другом и таким образом сохранили себя, то уж Он точно позаботится о том, чтобы никогда не вошли в контакт между собой инопланетяне.

15 апреля. Заседание Исполкома МСПС, посвящённое прошедшему в Москве Форуму творческой и научной интеллигенции.

После заседания ко мне пришёл Владимир Личутин. Сказал, что тяжело болен Василий Иванович Белов. Мы ему позвонили. Его здоровье действительно неважное, но ведь пришла весна. А весна, сказал Василий Иванович, даёт силы и надежды.

16 апреля. Дочка с мужем купили нам с Галиной путёвки в Гелиос-парк. Так что 22 апреля буду встречать не дома. Раньше я только однажды отмечал свой день рождения «в гостях». Случилось это в 1990 году, когда мне исполнилось 50, в городе Ульяновске. Туда на 120-летний юбилей Владимира Ильича Ленина пригласили из Москвы поэта Николая Старшинова, а из Ленинграда — меня. Были встречи со студентами, с трудовыми коллективами. Тогда ещё Ленин для нашей страны был Лениным, а изначальные перестройщики во главе с Горбачёвым призывали вернуться к ленинским методам руководства и вообще жить «по-ленински». Чуть погодя они же назовут Владимира Ильича главным врагом России.

Широка в Ульяновске Волга, далеко видна, если стоишь на высоком берегу — Венце. Красивы женщины-волжанки, но почему-то редко улыбаются, даже когда здороваются. Весел и обаятелен «Ротный запевала» — Николай Старшинов. Узнав, что у меня день рождения, сказал, что соберёт народ и мы отметим это событие. Я попросил никого не собирать, а просто посидеть вдвоём в ресторане гостиницы «Венец». Так и сделали. Не знаю, как Николай Константинович поёт, но анекдоты рассказывает мастерски. Его с полным правом можно назвать чемпионом мира по анекдотам. В тот вечер он мне их рассказал штук сто. Один — про Ленина: «Вбегает Косыгин поздно ночью в кабинет к Брежневу и с ходу: «Леонид Ильич, беда: из мавзолея исчез Ленин. — Может, недалеко ушёл? Давай, Лёша, беги налево вокруг Кремля, а я — направо. Вдруг, ещё перехватим?

Выбежали они на Москву-реку, видят — ходит Владимир Ильич по набережной, заложив руки за спину, смотрит на воду и что-то бормочет. Прислушались, а он: — Жаль, Москва-гека узка,

узка! «Авгога», пожалуй, не пгойдёт, не пгойдёт!..»

18 апреля. У меня был ответственный секретарь журнала «Юность» поэт и прозаик Борис Рябухин. Я рассказал ему о творчестве белорусского поэта Валерия Морякова, расстрелянного в 1937-м, когда ему было 28 лет. Мне удалось перевести на русский его книгу лирики «Я жить хотел» и выпустить её в питерском издательстве «Дума» (средства на издание сборника выделила его внучатая племянница, врач Инесса Владимировна Морякова; предисловие к ней написала её дочка Людмила Николаевна Герасимёнок).

Борис Константинович попросил дать ему сборник — возможно, «Юность» из него что-то напечатает на своих страницах.

22 апреля, суббота. Москва. Мой день рождения. Утром с заместителем главного редактора журнала «Дом Ростовых» Денисом Устиновым прилетели из Томска. В аэропорту нас встретил Саша. Я просил Галину, чтобы не встречали, сам доберусь, а он встретил и — вот сюрприз — повёз не домой, а к ней, в Гелиос- парк. Отвезли Дениса домой, в Одинцово — это по пути. И вот мы в парке.

— Здравствуй, жена! Тебе скучно?

— Уже нет. Как доехали?

Весна вот-вот обрадует зелёным миром. А сейчас она словно в некоторой задумчивости, словно в нерешительности — входить или не входить. Её можно понять: после суровых морозов и глубоких снегов кажется, что зима ещё не сдалась, что лишь недалеко отступила и вот-вот вернётся со своими ветрами и метелями.

Нет, голубушка, не выйдет. Мы уже в апреле!

Весной сильнее любовь ко всему живому. Весну ждёшь, как любимую девушку, и радуешься, когда видишь, как она превращается в зрелую женщину — лето. Земля — мать весны, а солнце — заботливая бабушка. Всё могут черти и дьявол, не могут одного — запретить весну. Им не по силам справиться с бабушкой и мамой. Весна — это цветы и листья. А птицы разговаривают о мире. Весной особенно чувствуешь, что жизнь земная — рай. Иного рая нет и не будет.

Хорошо здесь. И обед, и номер, и сауна, и турецкая баня, и маленький удобный бассейн. И жена — всё к месту.

К вечеру, чтобы отметить мой день рождения, приехали Ольга, Саша и наша самая главная — Маша. Мне радостно видеть их. Мне в моей семье никогда в жизни не приходилось возвышать себя, меня понимали и принимали таким, каков я есть. И за это спасибо вам, мои самые близкие, моя семья.

Часто, глядя на какого-то человека, вдруг подумаю, счастлив ли он. Есть ли какая-то определённая «масса» счастья, которая должна быть разделена на всех людей? И если да, почему её мало, почему не хватает на всех? Можно ли сказать, что мы живём в стране, где счастья не хватает для всех? Тихо, потерянно переживаем затянувшееся оцепенение после перестройки. Нужно вернуться к труду, страна станет неизмеримо счастливее, если каждый из нас будет видеть плоды своего труда. В несчастной стране не может быть счастливых людей. А если есть такие, что чувствуют себя счастливыми, то они просто заблуждаются.

Сегодня, как никогда раньше, видна неуправляемость, бесхозяйственность нашего государства, его неповоротливость и топтание на месте. Говорят о застое и стагнации в СССР. А назовите страну, в которой периодически не возникали бы застой, стагнация и даже кризис. И хотя ловкие на готовую фразу критики скажут мне, что история не имеет сослагательного наклонения, всё же я утверждаю, что если бы не сломали крылья Советскому Союзу и дали ему ещё 20–25 лет, он сейчас в разы был бы экономически сильнее и Японии, и Китая, и Штатов.

25 апреля. Заседание секретариата Исполкома, посвященное выходу в свет первого номера журнала «Дом Ростовых». Его главный редактор Феликс Кузнецов начал с того, что прочитал присланное по факсу письмо из Томской писательской организации, в котором нам с Денисом Устиновым выражалась благодарность за участие в «Днях Маркова» на его родине.

Стали говорить о журнале. Среди присутствующих не только его создатели, но и авторы: Евгений Юшин, Владимир Личутин, Евгений Колесников и др.

Я тоже сказал несколько слов, в частности, о «Путешествии в Париж» Владимира Личутина: «Такое ощущение, что до Парижа — автор Личутин, а в Париже — не обязательно он».

Журнал, на мой взгляд, удачный. Хороша и легенда Евгения Колесникова «Железный хромец». Она о том, к чему часто приводит слово, сказанное человеком в минуту прозрения. Поэт написал: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся». Поэтому писатель должен быть особенно осторожен. В начале 90-х, когда многие республики бывшего Союза в нетерпении заявляли, что они готовы выйти из СССР, Валентин Распутин задал угрожающий вопрос: а что скажут они, если сама Россия заявит о своём выходе?!

И вышла. И что стало с СССР?

Николай Рубцов пророчески написал: «Я умру в крещенские морозы». И смерть явилась к нему в эту пору.

Питерский поэт Вячеслав Кузнецов задолго до своей смерти

написал стихи, где была такая строчка: «Я умер в последний день лета». Так и случилось, его сердце остановилось 31 августа 2004 года.

Но вот у поэта Иосифа Бродского пророчества не случилось: «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать, на Васильевский остров я приду умирать». И не пришёл.

— В целом, — сказал я, — первый номер получился. Отрадно, что каждого из авторов опубликованных произведений отличает понимание себя как созидателя и чувство Родины. В отличие от участников телепередач типа «Культурной революции», где тусуется этакая, по выражению Николая Николаевича Скатова, «аристократия помойки».

После секретариата Бояринов попросил меня зайти с ним к Кузнецову и стал говорить о том, что журнал «Дружба народов», за копейки арендующий у нас помещение, не выполняет договорённостей и почти не публикует на своих страницах рекомендуемых нами писателей. И спросил:

— Может, попросим их отсюда?

— А что собой представляет журнал? — спросил я.

— Да что бы ни представлял, но если нарушаются обязательства, мы имеем полное право расстаться с ним. И сдать помещение кому-то другому.

— Давайте так, — сказал Кузнецов, — предложим Ивану Ивановичу ознакомиться с несколькими номерами «Дружбы народов» и проведём их обсуждение. А там посмотрим.

28 апреля — 9 мая. Переделкино. Осваивал подаренный мне Галиной ноутбук. Вдруг увидел, что лишился текста, который написал в свой прежний приезд сюда. Впервые рявкнул на компьютер: «Злодей, что ты себе позволяешь?!» Он в ответ: «Молчи, безграмотный, если пользоваться не умеешь!» Да, пишущая машинка такого себе не позволяла. Но, может быть, частично что-нибудь верну по памяти?

В один из дней ко мне приехали жена, Саша, Мария и обе дочки — Ольга и Вера. То-то обрадовали. Вера сейчас в Москве, вместе с подругой Татьяной Александровой. Обе устраиваются на канал «Россия». Александрова — телеведущей, Вера — визажистом.

Вере в августе исполнится 36 лет. По-прежнему хороша собой, но сделались резче черты лица, наверное, от глубоких размышлений. Многословна, рассказывает интересно и даже с некоторым сочувствием к тому, о ком речь. Раньше она высмеивала всё, что ни попадётся под руку. Но, прежде всего, собеседника.

Саша, Вера и Ольга уехали, а бабушка и внучка остались. Мы

с Галиной по очереди пообедали, накормили Марию и повели гулять. Она в восторге от детской площадки с качелями и от детей, среди которых она самая младшая. Ходит только сама, падает, но руку не даёт. Поднимает с земли всё, что найдёт, — и в рот.

В Переделкине огородили бывшее поле, где когда-то росли морковь, свёкла и трёхметровой высоты кукуруза. Начинается большое строительство, возможно, новой Рублёвки.

Прочитал шесть последних номеров журнала «Дружба народов»: 11, 12 за 2005-й и 1–4 за 2006-й. Думал, «ДН» — это какое-то приложение к либеральной библиотеке. Или библиотека крайне либеральных авторов. Оказалось, вполне самостоятельный и во многом состоятельный журнал: с прозой, стихами, публицистикой, литературоведческими статьями. И нет погони за «шумными» именами, за литературными авторитетами.

Интересен и необычен роман вдовы знаменитого писателя Юрия Трифонова Ольги Трифоновой «Сны накануне» — о жене выдающегося советского скульптора Сергея Конёнкова Маргарите Ивановне, которая была шпионкой и заодно любовницей Альберта Эйнштейна. Её задача — выведать секреты создания атомной бомбы. Эйнштейн лично не участвовал в осуществлении этого проекта, но глубокие знания проблемы и дружба с Оппенгеймером делали его носителем ценной информации о том, как ЕЁ делать.

Получился цельный, хотя и сложно построенный роман, ретроспективно изображающий довоенную, военную и, частично, послевоенную эпоху. С большой симпатией описывающий светлую, уютную жизнь в Штатах и с презрением — тьму и мрак советской действительности.

Не удивлюсь, если когда-нибудь появится фильм по этому роману. Может получиться прелюбопытная вещица, которая в очередной раз пнёт дамским каблучком по жизни советских людей. Без сожаления, без сочувствия.

Прочитав шесть номеров «ДН», позвонил главному редактору Александру Эбаноидзе и сказал ему о своём положительном впечатлении.

— Да, — отреагировал он, — сейчас это лучший литературно-художественный журнал в России.

— Я, к сожалению, пока что не могу согласиться с вами, хотя бы потому, что не столь хорошо знаю другие журналы.

Договорились в конце мая провести обсуждение «Дружбы народов» в МСПС.

16 мая. Были с Галиной и Сашей на кладбище, где похоронены его мама Людмила Леонидовна и отец Николай

Иванович. Привели в порядок могилы, посадили цветы. Мама умерла 5 ноября 2002 года, а папа — 7 января 2003. Маме было 49 лет, отцу только-только исполнилось 50. Они родились на Вятской земле, в городском посёлке Аркуль. Вместе росли, учились в одном классе. Красивые люди. Мама — инженер, отец — военный полковник, в последние годы заместитель главного редактора Воениздата.

Мы с Галиной радовались такому родству, но вот не случилось быть вместе.

19 мая. Мы, мальчишки, в моём минском детстве называли пятницу малой субботой, хотя тогда суббота была рабочим днём, правда, на два часа укороченным. Теперь уже много лет суббота — выходной, но название пятницы как «малой субботы» во мне сохранилось.

У меня никогда не было прозвища. Только в четвёртом классе пытались дать — то Сабля, то Зубило. Но не прижились, хотя я не имел ничего против обеих.

20 мая. Мария уже давно говорит «мама», «папа», а сегодня впервые произнесла «ба-ба». А «деда» у неё ещё не получается, зато когда ей что-нибудь нужно, кричит: «гай-гай-гай»!

Ходили с нею на холмы. Слушали соловья. Маленькая, чуть заметная среди ветвей птичка, но как поёт! И щёлкает, и посвистывает, и террикокает, и тюрлю- люкает, и чуфыркает, и. даже нет слов, чтобы выразить весь спектр, всю гамму звуков, издаваемых крошечным горлышком-зобом этого крылатого совершенства.

Май. Светит солнце. По небу медленно-медленно, почти незаметно плывут облака. Цветёт одуванчик. Мария спит в своей коляске. Поёт соловей. Жизнь!

Постоянно только солнце, его свет, его тепло, благодаря которому живёт земля и всё, что на ней. Из всех вообразимых и невообразимых чудес самое чудесное — солнце. Его тепло, его щедрость.

23 мая. В разговоре с Кузнецовым и Бояриновым решил вопрос об отпуске — с 1-го июня до 1 сентября. «Без содержания». Они сказали:

— Пишите всё лето, Иван Иванович. Но 1-го сентября надо быть на работе.

Позвонил дочке — пусть заказывает билеты в Петербург.

Переговорил с А. Эбаноидзе — назначили разговор по журналу на 29 мая. Здесь, в конференц-зале.

24 мая. В «ЛГ» вышла моя статья «Кто спасёт красоту?» в продолжение дискуссии о воспитании подростков. Предваряет статью моя вводка: «Литературная газета вовремя повела

разговор о судьбе литературы для подростков, начатый С. Михалковым. Однако нам не решить эту проблему (и не только эту) без выработки на общероссийском уровне концепции противостояния всему бесчеловечному и несправедливому, чем сейчас переполнена наша страна. Необходимо противостоять бездеятельности и лукавству российского руководства, которое до сих пор не осознало своей ответственности перед народом. Прежде всего, перед российскими детьми».

26 мая. Я не был в отпуске весь свой срок работы руководителем Санкт- Петербургской писательской организации — 12 лет.

4 года назад, назначив вместо себя прозаика, бывшего генерала таможенной службы Валентина Аноцкого, я уехал в отпуск, в Минск. Буквально через два дня звонит Галина: возвращайся, И.О. не справляется, паникует.

Приехал. Спрашиваю, почему паника? Валентин Романович отвечает, что была комиссия из КУГИ, составила акт о наличии у нас субарендаторов и пригрозила выселить. Он испугался и позвонил моей жене.

— Кто испугался? — спрашиваю. — Писатель испугался? Русский генерал испугался?!

— Иван Иванович, здесь не просто русский генерал нужен, здесь нужен литературный генерал. А я им не являюсь.

— Какие-нибудь документы подписывали?

— Ну да. Они составили акт о субарендаторах, я подписал.

— Вот это напрасно. Следовало им объяснить, что никто вас не наделял полномочиями что-либо подписывать. Ладно, когда-нибудь должно было такое случиться. Похоже, мы попадаем в полосу арбитражных судов. Нужно готовиться. Продолжайте работать, а я.

— Нет, Иван Иванович, не могу. Извините, сразу не понял, на что иду, но теперь стало ясно. Подыскивайте, пожалуйста, другого, а меня увольте.

Но, кажется, не только в комиссии было дело. Потом рассказали, что он, прочитав какие-то стихи, нелестно отозвался о них самому автору. Поэт долго смотрел на Валентина Романовича и вдруг взорвался:

— Кто это мне говорит! Да тебя самого нужно долго под микроскопом рассматривать — есть там писатель или нет. А ты мне такие слова!

В нашей писательской среде каждый — генерал. Сергей Владимирович Михалков как-то сказал: «Построй писателей в одну шеренгу и скомандуй: на первый- второй рассчитайсь! — вторых номеров не будет».

И вот — мой отпуск. На всё лето!

27-28 мая. Два дня у нас провела Вера. Её приняли на телеканал «Россия». Подругу, Татьяну Александрову — телеведущей «Вестей», в паре с Михаилом Антоновым, а Веру — визажистом. Снимают двухкомнатную квартиру на проспекте Мира. Вся в сомнениях — как они будут жить. У Тани — шестимесячный ребёнок. Вера у неё за подругу и за няньку. Работать будут по очереди: неделю одна, неделю другая. Не уверена, что подобная жизнь может длиться долго.

С Верой у меня отношения «чуть теплятся». Выросла без меня. Окончила училище при объединении «Русские самоцветы», получила специальность камнереза. Но ни дня камнерезом не работала. Хорошо рисует, и её сразу взяли в отдел рекламы. Потом телевидение — рисует лица для телеэкрана, чтобы они выглядели, как она говорит, человечнее. Замужем за телекорреспондентом В. Фенёвым, но собирается разводиться. Детей нет.

Несколько лет назад, прочитав мой роман «Открытый ринг», упрекнула меня, что я не так написал о наших отношениях с её мамой — моей бывшей женой Агриппиной Фёдоровной. Я сказал, что написалось так, как я запомнил. Мама ей объяснила: «Твой папа не мог сказать неправду. А если сказал так, значит, он думает, что так и было».

29 мая. Утром на машине в Питер уехал Саша. Мы с Галиной и Машенькой отправимся на поезде вечером. Дочка остаётся дома, она приедет 9-го.

Конференц-зал МСПС. Обсуждение шести последних номеров журнала «Дружба народов».

Начал разговор Бояринов, что называется, с места в карьер. В жёсткой, атакующей форме он сообщил, что они с главным редактором Александром Эбаноидзе уже обсуждали проблемы взаимоотношений («ДН» за символическую цену арендует помещение у МСПС), и потребовал, чтобы журнал уделял больше внимания авторам писательских организаций, входящих в МСПС.

Эбаноидзе не столь напористо, но не менее жёстко сказал, что у «ДН» нет особой необходимости делать упор на авторах МСПС, так как почти все авторы журнала представляют творческие союзы не только России, но и стран СНГ, и Прибалтики, и Кавказа. А принцип в отборе произведений для печати: талант и профессионализм.

Когда он закончил, Бояринов ушёл.

Я коротко сказал о материалах последних номеров. Отметил, что наша нынешняя жизнь поставляет для литературных произведений сюжеты, часто оскорбляющие нас, унижающие

наше человеческое достоинство. Но, по-видимому, оттого, что мы живём в «интересное время», у нас снова рождается большая литература. Как говорится, нет худа без добра, только почему-то худа всегда больше. Обнадёживает, что журнал главное внимание уделяет авторам реалистических произведений, не поддаваясь таким нынче распространённым веяниям, как постмодернизм и откровенная халтура.

— Только жаль, — сказал я, — что в «Дружбу народов» проникает скабрёзность. Читая Азольского, я подрывался на мате, как на минном поле. Но в целом «Дружба народов» отвечает своему названию, и я собираюсь и дальше открывать её страницы.

В целом разговор получился. И это понятно: легко говорить, коль есть о чём.

31 мая. Ездили с Сашей на дачу. Установили на крыльце перила — для Маши. Купили электрическую газонокосилку. Работает хорошо. Даже удивительно: пластмассовая палка с крошечным мотором, который на больших оборотах крутит два куска обыкновенной лески, — и легко срезает траву.

Вернулись поздно и в хорошем настроении.

Да, первый раз в этом году слушали кукушку.

9 июня. Из Москвы приехала дочка. Общая радость. Особенно рада Мария — не наглядятся друг на друга.

Стал перечитывать «Преступление и наказание». Даже не знаю почему. Возможно, от тревоги, что у меня сейчас какая-то слишком благополучная жизнь, я к такой не привык. Из такой жизни ничего путного не выходит. Вот когда я руководил писательской организацией, там что ни день — рана. И жменя соли на неё.

Тяжёлая вещь этот роман. Раздражает Раскольников: как будто не один в нём человек, а несколько. И почти все ужасны. Мне ближе герои Пушкина, Лермонтова, Толстого.

В Германии открылся очередной чемпионат мира по футболу. Ни России, ни Беларуси там нет. Мы с дочкой болеем за Италию и за Украину в надежде, что они добьются хороших результатов. Много говорят о бразильской сборной, но, кажется, она уже совсем не та, что в свои лучшие годы. Хотя кто знает.

11 июня. Уехали на дачу. Солнечный, жаркий день. Начало лета, дурманящий запах трав и цветов — кружится голова.

Позавчера Польша проиграла Эквадору 0–2, а Германия выиграла у Коста- Рики 4–2. Забить костариканцам четыре гола — это норма, но два пропустить?! По-моему, многовато для команды, которая претендует на самое высокое место.

28 июня. Был на последнем в этом полугодии заседании правления нашей писательской организации. К сожалению,

вопросы, которые Орлов представил на обсуждение, не совсем внятные. В особенности, вопрос о замене руководителя, когда он отсутствует. Он собирается бывать в писательской организации только два дня в неделю. Этого мало, потому что никто не может заменить руководителя. Никто!

Борис Александрович сообщил, что в нашу писательскую организацию из Союза писателей Санкт-Петербурга переходят двое писателей — Александр Образцов и Людмила Разумовская, драматурги. Они присоединятся к Валерию Зимину, что позволит создать у нас секцию драматургии.

4 июля. Прочитал Сафоклова «Царя Эдипа». Написано 2,5 тысячи лет назад, а свежо, как будто родилось недавно. Миф сложный, замысловатый: царь Лай женат, но не имеет детей. Бог Аполлон, к которому он обратился за помощью, говорит, что даст ему счастье отцовства. Но предупреждает: сын, когда вырастет, убьёт отца.

Лай становится отцом. А родившегося сына Эдипа отдаёт своему рабу, чтобы тот умертвил его. Но раб не сделал этого, а передал его другому рабу. Эдип вырос и однажды на дороге, встретив группу людей, поссорился с ними и всех убил. Среди них был и его отец.

Эдип пришёл в Фивы, освободил жителей от женщины-львицы и женился на царице Фив Иокасте. И вдруг узнаёт, что он убил отца и женился на родной матери, от которой у него уже четверо детей. В ужасе от свалившегося на него несчастья он выкалывает себе глаза.

Схожий, а возможно, и заимствованный сюжет в романе Т. Манна «Избранник», созданный слегка пошатнувшимся от изучения Фрейда писателем. Хотя, мне кажется, Фрейд здесь тоже что-то напутал, говоря о половом влечении Эдипа к своей матери: Эдип не знал, что она его мать. И тем более не ревновал её к своему отцу, которого тоже не знал. И не мог знать.

Понимаю так, что любое произведение, написанное по мифу, не может быть лучше самого мифа. Как если бы взяться за анекдот и по нему написать рассказ или повесть.

Впрочем, литературоведы это знают лучше меня, нужно с ними поговорить.

Поздним вечером, включив радиоприёмник, услышал, что в полуфинале чемпионата мира Германия проиграла Италии 0:2, а Португалия — Франции 0:1. Мы с дочкой — я здесь, она в Москве — радуемся за Италию как за будущего победителя.

5 июля. Накупил детского питания и памперсов в магазине «Здоровый малыш» и поехал на дачу. Мне без Галины и Марии не по себе, хочется их видеть постоянно. Всё кажется, что я им

нужен. Особенно Марии.

Завтра с утра Галина уедет в город. Мы с Машей останемся вдвоём.

В финале чемпионата мира встретятся сборные Италии и Франции. Мы с дочкой убеждены, что победят итальянцы. Теперь уже ясно почему: французская команда более чем наполовину состоит из афрофранцузов. Они хорошо играют, этого не отнять. Но без чувства родины. Тогда как в итальянской команде сплошь итальянцы, что говорит о духе команды, её особой мотивации на победу. Мы так понимаем.

6 июля. Галина в городе. Мы с Машей — она в белых трусиках, голубой футболке и светло-зелёной, в белый горошек, панамке — гуляем. Поём песни, поливаем клубнику. Спелую моем и едим. От клубники она не в восторге. Кажется, немало удивлена, что поднятое с земли можно есть. Ведь ей всё, что с земли, запрещено. Морщится, но две ягоды съела.

Много пчёл. Машу никогда ещё пчела не кусала, и она их не боится. Пчелиный гул — это наполненный радостью труда звук жизни. С ним может сравниться только детское пение. И ещё плеск дождя, которого долго ждёшь.

Подошли к пожарному водоёму. Я бросил в воду камешек — возникли и стали шириться дрожащие круги. И Маша хочет, но бросать не умеет, я помог. Думал, ещё станет искать камешек, чтобы снова запустить в воду, но нет, не захотела. Долго наблюдали за тремя стрекозами, что резвились над водой, играя друг с другом. Маша хотела полетать с ними, но не удалось — я удержал её, а то свалилась бы в воду. Потом, уже возле дома, следили за шмелём, что пил нектар из жёлтого цветка — не знаю, как он называется.

Маша присела, протянула руку к шмелю, чтобы взять его или погладить.

— Не делай этого, — сказал я. — Он может сделать больно.

Вышла на границу участка и кричит: ме-не, ме-не, — зовёт соседей: драматурга Гастона Горбовицкого и его жену Зою Васильевну. Те подходят, улыбаются. Гастон Самуилович мой формальный оппонент, он — из Союза писателей Санкт-Петербурга.

На самом деле мы с ним во многом единомышленники: в понимании советской истории, жизни советской державы, деятельности её руководителей и эпохи, когда они принимали те или иные решения. И не злорадствуем, зная, сколь сложной как внутри страны, так и вовне была обстановка. Сколько сил, ума, таланта нужно было приложить, чтобы поставить на ноги рухнувшую Российскую Империю и преодолеть напасти, которые

принесли нам фактическое поражение в Первой мировой войне, потом Революция, потом Гражданская война. Разруха, голод, нищета. И приближение к очередному испытанию на прочность — к новой, самой страшной в истории человечества бойне. Легко теперь, сидя в уютных сталинских квартирах, зубоскалить и критиковать ту эпоху, причём самыми свирепыми критиками являются почему-то москвичи. Бывая в различных городах России, я нигде не встречал людей, которые, засев с микрофоном перед телекамерой, с такою злобою, как они, относились бы к нашему прошлому. Ну, столичные ли это люди? Скорее всего, одичавшие провинциалы, утверждающие дух смятения и разлада.

Да, сложилось так, что мы с Гастоном Самуиловичем в разных Союзах, но это нас не разделяет. К тому же мы добрые соседи. Его жена — дородная, красивая женщина, глядя на которую, понимаешь: ни ссориться, ни грубить она не способна.

Не так давно Гастон Самуилович издал книгу «Приказ номер один», в которую вошли его пьесы. К сожалению, я не имел чести получить её. Расходимся мы с ним только в одном: он говорит, что России совершенно ни к чему утверждаться как великой державе. А я — что ей или быть великой, или она рассыплется на части и уже никто её потом не соберёт. И чтобы он уж совсем понял меня, сказал: «Вот вы, Гастон Самуилович, высокого роста. Нельзя из вас сделать маленького, не получится. Это ваша данность. Иное — смерть. Так и Россия». Сказал я это при его жене. Зоя Васильевна строго посмотрела на меня и пошла полоть огород.

Несколько лет назад, когда у нас не было своих дач, а жили мы в «будках» (выражение Анны Ахматовой) в небольшой дачной писательской колонии в Комаро- во, его «будку» обокрали. Он никому не жаловался, никуда не заявлял. Но вдруг ему позвонили из милиции и пригласили для опознания вещей. Оказалось, милиция поймала какого-то бомжистого Шурика на другом воровстве и увидела, что он «не по статусу» одет, а главное, на нём дорогое французское бельё. Спросили, откуда? Он признался, что «нечаянно царапнул дачку Горбовицкого». Милиция предлагала забрать бельё, но Гастон Самуилович отказался.

Теперь, глядя на Машу, он восхитился:

— Какой прелестный ребёнок!

— Да, как все дети, — умерил я его восторг. Мама в моём детстве поясняла, что это не совсем хорошо, когда кто-то восхищается внешностью моих маленьких сестёр. И, приведя домой, умывала им лицо.

Маше надоело стоять возле нас, и она, заинтересовавшись ярким, чёрно-красным мотыльком, усевшимся на малиновый

листок, пошла к нему. Слежу за ней и слушаю соседа.

Гастон Самуилович сказал, что в Союзе писателей Санкт-Петербурга говорят о неравной замене Сабило на Орлова. Я не согласился: пройдёт совсем немного времени, и Орлов станет сильным руководителем. Данные у него есть. Но понял, что говорю это по инерции — негоже мне теперь поддакивать критикам предложенного мной и поддержанного собранием Бориса. И, чтобы уйти от этой темы, сообщил ему, что к нам от них перешли драматурги Людмила Разумовская и Александр Образцов.

Г астон Самуилович, который после отъезда Владимира Арро на ПМЖ в Г ер- манию возглавляет секцию драматургии в Союзе писателей Санкт-Петербурга, не огорчился. Похвалил Разумовскую и Образцова, назвав их «крепкими драматургами». Сказал, что в их переходе не видит ничего плохого, и выразил убеждение, что они могут быть «как в вашей писательской организации, так и в нашей».

— Но я вот о чём подумал, — сказал он. — Вы написали интересную вещь о Довлатове «Человек, которого не было». Вы сейчас в Москве и напрямую связаны с Сергеем Михалковым. А не стоит ли вам через него предложить его сыну Никите сделать фильм? Может получиться очень заметная вещь. Это я вам говорю как драматург.

— Громоздко, — сказал я. — Для меня это громоздко. А для Никиты Сергеевича, думаю, неосуществимо — не увлечёт.

— Вы всё-таки попробуйте. И сохраните это отличное название. Если что, с вас «Хеннесси».

— «Хеннесси» мы с вами и так можем выпить. А название, к сожалению, сохранить нельзя. Много лет назад я прочитал рассказ Довлатова о циркаче «Человек, которого не было». Рассказ так себе, а название понравилось, и я назвал так свою мемуарную повесть о Довлатове в книге «Приговор», а позже и главу в романе «Открытый ринг». И полагал, что если я пишу о Довлатове, то вполне могу дать материалу о нём его же название. А вскоре, прочитав мой роман, доктор филологических наук Валентина Евгеньевна Ветловская подарила мне книгу англичанина Ивена Монтегю, вышедшую у нас более полувека назад. Называлась она «Человек, которого не было».

— Тоже о цирке?

— Нет, о войне. Точнее, о том, как союзники во время Второй мировой использовали труп, начинили его дезой о своих военных планах вторжения в Италию и сбросили в море так, чтобы он попал к гитлеровскому командованию. Те клюнули. И вместо того чтобы усилить оборону Сицилии, стали укреплять её в другом

месте. Операция удалась и спасла тысячи жизней солдат и офицеров союзников.

— Интересная история. И вы полагаете, Довлатов взял это название для своего рассказа?

— Боюсь, что да, как сказал бы он сам.

— Ну и ничего такого. Название, которое копирует название другого произведения, не считается плагиатом. К примеру, Александр Твардовский дал название своей поэме «Василий Тёркин», хотя ещё в конце позапрошлого века Пётр Боборыкин так назвал свой роман. Поэт объяснил, что не знал ни Петра Боборыкина, ни его романа. И не услышал ни одного упрёка. Правда, в советское время этот роман был отнесён к «вредоносным» и не переиздавался. Впрочем, он не столько вредоносный, сколько слабый.

В это время Мария подняла голову и стала энергично пробираться в колючий малинник. Я удержал её от неразумных шагов, поблагодарил Гастона Самуиловича за совет, и мы отошли от границы.

Я вспомнил, что в последние годы из «их» Союза к нам перешло немало писателей: прозаик Борис Алмазов, поэты Виктор Брюховецкий (он не просто перешёл, а вступил в наш, пройдя всю приёмную процедуру), Виктор Максимов (ныне покойный), Александр Комаров, переводчики Майя Рыжова и Сергей Вольский (Зуккау). И вот сейчас Разумовская и Образцов. Есть основание полагать, что далеко не вся творческая интеллигенция смирилась с новой жизнью, навязанной вопреки её воле. Сегодня как никогда ранее актуален вопрос: «С кем вы, мастера культуры?»

Актуально и то, что русская творческая интеллигенция раздроблена как никогда. Проникшие во власть либералы сделали всё от них зависящее, чтобы подтвердить правоту ленинских слов, что интеллигенция — «говно». У неё всё отнято: издательства, телевидение, кино, театр. Всё, что формирует человеческое сознание, нравственность, ответственность за собственную судьбу и судьбу Отечества, схвачено либералами. Творческая интеллигенция не имеет права даже на профессию. До сих пор нет закона о творческих союзах и творческих работниках. Вор — и тот в «законе», а писатель, художник, композитор — нет. Ни больничного листа тебе, если болеешь, ни оплачиваемого отпуска, если устал, ни социального статуса, чтоб хотя бы твои близкие не считали тебя сумасшедшим. А дело твоей жизни и судьбы — так, самодеятельность, и твоя профессия не что иное, как хобби. За что же вы, господин Президент, вручаете нам государственные награды, в том числе и высшие?! За труд? Но за

какой, если не существует узаконенного понятия «труд писателя, художника, композитора»? Ох, сдаётся мне, число критиков вашей деятельности будет возрастать.

Радуюсь за Марию, она растёт в хорошей семье.

Дни стоят жаркие — под 30. Обещают даже выше. Мария поправилась, подросла.

Вечером приехала бабушка Галя. Доложили ей, что у нас — единение душ и полный порядок. Но она это видела и без нашего доклада.

После ужина я вернулся в Петербург, чтобы смотреть финал.

9 июля. День начался с трагедии — в Иркутском аэропорту (уже не впервые) разбился аэробус А-310 авиакомпании «Сибирь». 130 погибших. В их числе дочь Валентина Григорьевича Распутина Мария.

Показали катастрофу по ТВ. Поразительно: А-310 в конце взлётно-посадочной полосы врезался в бетонное ограждение аэропорта и воспламенился. У меня, у наивного, вопрос: неужели нельзя было предвидеть такую случайность и отодвинуть бетонную стену вместе с гаражами, в которых стоят автомобили с полными баками бензина? Теперь, конечно, стену уберут или отнесут её дальше. Но для того чтобы это сделать, понадобилось столько жертв?!

Показали растерянного, убитого горем Валентина Григорьевича. В сером пальто, без головного убора, он, кажется, ещё на что-то надеется, чего-то ждёт — а вдруг жива?!

Дай Бог, чтобы так было.

Думал про Бога, про то, что он всегда молчит, не говорит ни слова. Как можно молчать, когда столько нелепостей, дурости и злости среди людей? Сказал бы что-нибудь, вмешался, что-то поправил. Нет, молчит и всё. А если бы стал поправлять, скольких бы он наказал, страшно подумать.

Весь день мучило это горе. Думал, на финале чемпионата мира по футболу Франция — Италия немного отпустит, нет, не отпустило. Выключил, хотел уснуть, но не смог — в сознании картины катастрофы. Снова включил. Игра получилась странная, к концу основного и дополнительного времени — 1:1. Капитан французов Зидан за что-то ударил итальянского игрока головой в грудь, тот упал. Судья удалил Зидана. Но и это итальянцам не помогло. И лишь в серии пенальти они одержали победу.

Позвонила дочка, она тоже видела крушение авиалайнера. Переживает. Спросила о дочери Валентина Григорьевича. Я сказал, что ей, наверное, лет за тридцать, она музыкант, окончила Московскую консерваторию по классу органа. Больше я ничего не знаю.

10 июля. В стране траур по жертвам авиакатастрофы. Из уважения к погибшим запретили рекламу по радио и ТВ. Горькая, но передышка. Впрочем, реклама — не самое худшее, что показывает у нас ТВ. Часто кажется, что именно тут скопились все недалёкие, ограниченные люди России.

Бывают, правда, исключения. По ТВ шёл фильм «Марш-бросок» — о наших ребятах, воюющих в Чечне. Хотел выключить, но интонация ведущего остановила. И понял, что это один из немногих фильмов, созданных в традиции добротного советского кино. Во время демонстрации фильма бегущая строка объявила, что в перерыве будет важное сообщение. И вот оно: «В Ингушетии уничтожен один из главных бандитских вождей — Шамиль Басаев». Показали, как директор ФСБ Патрушев докладывает об этом Путину. Президент назвал это возмездием и рекомендовал Патрушеву представить участников операции к Государственным наградам.

А было так: бандитский КАМАЗ, гружённый взрывчаткой, в сопровождении двух легковых машин, мчался по дороге в Ингушетии. Возможно, к месту будущего теракта (15 июля в Петербурге должен открыться саммит Большой восьмёрки). Колонна остановилась якобы для перегрузки взрывчатки. И в это время КАМАЗ взорвался. Вместе с Басаевым убиты ещё трое боевиков. Бегло сообщили, что это был удар ракеты.

В конце января 2000 года, во время очередной чеченской войны, я участвовал в работе Пленума правления Союза писателей России, который проходил в Чечне. Решено было захватить с собой подарки для наших воинов и чеченских детей. Я уложил в сумку два блока сигарет, тёплый свитер, две пары носков из собачьей шерсти (у нас тогда была чёрная пудель Дуняша), а также книги и конфеты для школьников.

С аэродрома имени Чкалова, что в Подмосковье, более ста писателей прилетели на военном самолёте в Моздок, оттуда на гигантском вертолёте — в Гудермес. Здесь мы разделились на несколько групп. Две из них отправились в Урус-Мартан и в Шали. Нашей целью было встретиться с чеченской интеллигенцией и обсудить вопросы дальнейшего сотрудничества, чтобы внести свой вклад в установление мира в этой несчастной республике.

Мы, оставшиеся в Гудермесе, покинули вертолёт и отправились в школу для проведения встречи. У школы нас встречает детвора, ко мне подбегает смуглолицый пацан лет 12-13-ти, хватает за руку:

— Привёз что-нибудь? Нам, если приезжают, всегда что-нибудь привозят.

Я угощаю его шоколадом, он разворачивает фольгу, с хрустом ест.

— В каком классе учишься?

— Уже в третьем.

— А сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— Надо бы в шестом или в седьмом?

— А, когда такое творится, не до книжек.

— О чём же ты мечтаешь?

Несколько шагов идёт молча. И вдруг со страстью:

— Чтобы поскорее исполнилось 16. Тогда возьму автомат и пойду убивать русских!

И отбежал от меня.

О своём разговоре с подростком я поведал учительнице этой школы, когда вместе с нею направлялись в актовый зал. Она не удивилась, сказала, что такое поведение мальчиков-чеченцев у них в порядке вещей. Им вбили в головы, что каждый из них должен быть защитником родины — такова воля Аллаха. Они даже смерти не боятся и рады отдать жизнь за высокое звание шахида.

Не успели собраться с учителями, врачами, творческой интеллигенцией в актовом зале, только начали разговор, как распахнулась дверь и перед нами предстал военный комендант Гудермеса генерал Бабич. Окинув пристальным взглядом собравшихся, приказал срочно освободить школу.

Потом мы узнали, что боевики между школой и комендатурой поставили ЗИЛ- бензовоз с 5-ю тоннами бензина, к тому же начинённый мощной взрывчаткой, и собирались взорвать. От школы и комендатуры остались бы рожки да ножки, а от нас и того меньше.

Вечером летели низко над землёй в Моздок на том же вертолёте с погашенными огнями. В иллюминатор я видел, как внизу, на земле, там-сям полыхает пламя — как будто горят кроны огромных деревьев. Спросил у сопровождавшего нас полковника — что это? Подумав, он ответил:

— Костры. Наверное, бойцы греются.

Однако наш разговор услышал ещё один сопровождающий, генерал-майор. И уточнил:

— Полковник шутит. На самом деле горят незаконно задействованные буровые, а также минизаводы, перерабатывающие нефть. Наши сами подожгли, чтобы не допустить незаконного разбазаривания нефти и не дать возможности боевикам реализовать её для своих преступных целей.

В салоне вертолёта стояла тревожная тишина. Каждый понимал — достаточно одной «иглы», чтобы все мы оказались на том свете.

В Моздоке, в одной из воинских казарм, где не менее чем на роту коек, встретились с командующим российской группировкой войск в Чечне — генералом Виктором Германовичем Казанцевым. Только с ним. Ни солдат, ни офицеров не пригласили. Узнав, что среди прибывших писателей есть питерцы, Казанцев обрадовался — он в юности учился в Ленинградском командном училище имени Кирова. Он ответил на множество вопросов, главным из которых был — когда кончится война в Чечне?

— Скоро, — сказал он. — У нас такие бойцы и офицеры, что скоро.

За небогатым «полевым» ужином мы сообщили, что привезли подарки, и спросили, как их вручить.

— Оставьте здесь, — сказал генерал. — Завтра мы с благодарностью передадим их от вашего имени.

Внешне он был похож на мужа моей родной тётки Нади. Прямо вылитый Семён Родионович. Позже я узнал, что генерал армии Казанцев и в самом деле белорус, родился и вырос в Брестской области.

Писатели, принимавшие участие в выездном Пленуме в Чечне, были награждены медалью Министерства обороны РФ «За боевое содружество». Это моя самая почётная награда.

Узнав, что «бригадный генерал» Шамиль Басаев, наконец, угомонился, я пожалел его и подумал о том, как он предстанет пред очи Аллаха. Простит ли Всевышний этому мяснику сотни убитых им женщин и детей Будённовска, Волгодонска, Беслана, Театрального центра на Дубровке?..

12 июля. В Санкт-Петербургскую писательскую организацию пришёл факс из МСПС. В нём просьба подписать заявление (для суда), что 13 марта 2003 года в Москве не было заседания Исполкома МСПС, на котором принималось бы решение о продаже части строений «Дома Ростовых».

Конечно, не было. 13 марта мы, сначала в конференц-зале МСПС, а затем в Большом Кремлёвском Дворце, праздновали 90-летие Сергея Владимировича Михалкова.

Его первый зам Арсений Ларионов сляпал дело о якобы состоявшемся в этот день заседании Исполкома, на котором было принято решение о продаже нескольких строений. Подделал подписи его членов, в том числе мою, и продал их по баснословно низкой цене, но и она составила немалую сумму — около 5 миллионов рублей. Фирма, купившая строения, тут же перепродала их. Сейчас ведётся следствие по этой афере, а

значит, нужно участвовать в его работе, чтобы вернуть похищенное.

Я подписал, отправил документ в Москву и пошёл на свидание со старшей дочкой Верой. Отвёл её к нотариусу — здесь она оформила документы на совместную с мамочкой приватизацию их двухкомнатной квартиры. Двинулись в поисках кафе-мороженого и вскоре пришли на угол Невского и Караванной, что напротив Дворца пионеров. Вошли в кондитерскую, а здесь и народу немного — жара! — и всё есть: мороженое, кофе, вода. Сели у окна за столик. Она стала рассказывать о своей работе на телевидении в Москве, о сомнениях, о проблемах с жильём и зарплатой, о взаимоотношениях с ведущей «Вестей» Татьяной Александровой, с которой они живут в одной квартире. Всё зыбко, неуравновешенно, правда, обо всём с юмором и едкой иронией. Сказала, что прочитала в «ЛГ» мою дискуссионную статью «Кто спасёт красоту?». Со многим она не согласна, в особенности с тем, что я написал про обделённых вниманием государства детей. Мол, далеко не все дети такие.

— Я разговаривала со своей сестрой Олей и с Танькой Александровой: они тоже прочитали твою статью и вполне согласны со мной.

И так далее, в том же духе: мол, кроме обделённых детей, есть у нас и другие.

— Что я могу тебе сказать? — ответил я. — В своей статье я привёл тебя в квартиру, показал её устройство, убранство, мебель, а ты мне сейчас — не про то, что есть в квартире, а про то, чего в ней нет.

— Да, но я говорю, что в твоей квартире нет стульев.

— Они и не нужны. Их заменяют диваны, кресла, кушетки, банкетки, табуретки и пр. Можно бы заметить их, а также другую мебель, а ты всё о том, чего нет.

— Я говорю о том, что мне ближе, — сказала она смеясь.

Но вот лицо её снова сделалось серьёзным и даже как будто обиженным. Сказала, что ей сложно с матерью. Кроме кучи болезней, одолевающих её, в ней поселилась какая-то мнительность — боится открыть форточку в квартире, день и ночь сидит взаперти.

— Ну, такова жизнь, люди боятся, — сказал я. — Тем более что квартира ваша на первом этаже.

— Теперь я понимаю, почему ты не мог с нею жить, — не обратила она внимания на мои слова. — И понимаю, что именно Галина Фёдоровна смогла тебе стать женой и бабушкой вашей внучки. Мне кажется, ты без должного внимания относишься к

ней. Я уважаю Галину Фёдоровну, она настоящая женщина.

— Она тебя тоже уважает, — кивнул я.

После мороженого прошлись до Гостиного Двора. Дочка утомилась меня критиковать. Расстались тепло, как подобает близким людям. Теперь увидимся только в Москве.

Купил билет в Минск и обратно. Поеду к маме.

15 июля. Из Москвы на машине приехал Саша. И сразу на дачу — заберёт бабушку и внучку, и вечером приедут ко мне.

17 июля. О деньгах. Моя пенсия — 3000 рублей. На них сегодня можно купить 30 бутылок водки. Или 18 кг масла. Или 210 батонов. Или проехать 200 раз в метро в Москве, 240 — в Питере. Много это или мало? Для сравнения, в советское время на среднюю пенсию в 70 рублей можно было проехать 1400 раз.

Моей пенсии еле-еле хватит, чтобы выжить, а чтобы жить — смехотворно мало. Кроме пенсии есть кое-какие литературные гонорары. В прошлом году «Неман» за небольшую повесть «Товарная станция» (3 а.л.) прислал 7,5 тыс. российских рублей. Ещё журнал «Белорусская мысль» за статью и несколько коротких рассказов прислал 2,5 тыс. Да, ещё за роман «До выстрела» получил 120 тыс.

В этом году с 1 марта работаю в МСПС — ежемесячно 12 тыс.

Помог зятю купить машину. В банке на моём счёте 65 тыс. Как говорится, «на чёрный день».

Неплохо зарабатывают дети и, что для меня привлекательно, не особенно держатся за деньги. Хотя сказать, что они тратят их на пустяки, нельзя. Страна у нас теперь такая, что честным, а главное, полезным для общества трудом много не заработаешь. И где тут, скажите, «права человека»! Думаю, при таком отношении к людям государство ждут большие проблемы.

В нашей московской квартире предстоит ремонт — тоже обойдётся недёшево. Нужно подумать, что делать с питерской квартирой, ведь мы в ней не живём.

19 июля. Пора увидеться с мамой. Завтра еду в Минск. Позвонил Валентине — Мишки дома нет, он в отпуске. Отлично, с вокзала пойду пешком.

В своих бумагах нашёл Ольгино стихотворение, написанное весной, в мае:

Красивого лица немая власть
Даёт его владельцу мало преимуществ, -
Ведь чтоб красивым человеком стать,
Необходимо красоту искать в других.
Своя же красота бывает только отражённой
Бездушным зеркалом.
Давайте ж будем все

Друг другу зеркалами,

Тогда и красота останется меж нами.

Стихотворение, как мне кажется, получилось. Хотя бы потому, что в нём есть авторская позиция.

21 июля. Минск. Вокзал. 5 утра. Вышел из вагона поезда «Пецярбург- Брэст». Направился к подземному переходу, чтобы в столь ранний час пройтись по улицам родного города и оказаться на Товарной станции, где «милый дом в родном переулке, строгий ряд тополей». И мама.

И вдруг слышу:

— Иван!

Оборачиваюсь — меня догоняет Мишка, муж моей младшей сестры Валентины. Вышли на улицу Дружную, сели в Мишкин «Фольксваген», и повёз нас немецкий дедушка по ещё пустынным улицам.

Вот и дом в родном переулке — двухэтажный, построенный для железнодорожников ещё в 1896 году — об этом говорит табличка на стене. Много раз перестраивался и обновлялся, но по-прежнему сохраняет свою «архитектонику» и количество квартир — 16.

Входим. Встречает меня сестра Валечка, заметно похудевшая, сонная, а глаза улыбаются — рада приезду брата. Обнялись. Иду в комнату к маме — спит ещё. Но стоило мне войти, как тут же открыла глаза.

— Сынок приехал, я ждала тебя.

Маме девяносто третий год. Улыбается:

— Всё, сынок, скоро мне домой. Ты на мои похороны приедешь? Тебе телеграмму дать, что я умерла, или по телефону позвонить?

— Кто будет звонить?

— Валя, наверное, или Мишка. Я же, ты знаешь, плохо слышу.

— А если бы хорошо слышала, то сама бы позвонила?

— Ну да, а как же?

— Вот, мама, твои слова — подтверждение того, что про смерть тебе не стоит говорить. Твоя смерть о тебе ещё и не думает. У неё заботы важнее — прийти к тому, кому труднее, чем тебе. Или забрать того, кто ещё не готов к её приходу. Смерть же слепая, ты разве этого не знала?

— Вот и хорошо: она слепая, я глухая, интересный разговор получится.

Я взял мамину руку, стал слушать пульс — удивительно: ударов 65–66 в минуту. Ей ли, моей милой, красивой маме, думать о смерти!

— Она уже однажды приходила, — сказала мама. — Разве я

тебе не говорила?

— А ты помнишь, что я сам тебе говорил?

Мама не расслышала и продолжала:

— Она приходила, звонила в дверь, стучала в окно, а мы не пустили.

— Правильно сделали, — кивнул я. — Если снова придёт, тоже не пускайте.

Половина шестого. Напротив маминой кровати широкий диван. Ложусь и засыпаю.

Будит сестра, подаёт телефонную трубку — звонит Анатолий Аврутин. Поздравляет с приездом. Договариваемся о встрече у «танка», что вписался в треугольник: Дом офицеров — резиденция Президента страны — театр имени Янки Купалы. Пойдём к Чергинцу.

Завтракали втроём — мама, сестра и я. Мишка уехал на работу, Андрей после ночных гуляний спал. В конце нашего завтрака вышел к нам, поздоровался. Красивый парень, наголо остриженный, с ироничным, осмысленным взглядом, голубоглазый, светлокожий.

— Как жизнь? Мама тобой довольна?

— Всякое бывает, — ответил он и пошёл досыпать.

Мама поела, стала икать.

— Она так почти всегда после еды, — сказала Валечка. — Даже не знаю, что это.

— Диафрагмальный нерв слишком чувствительный.

— А как лечить?

— Никак. Икоту почти не лечат, потому что она не опасна.

— А каково слушать?

— Ничего не поделаешь, надо потерпеть.

У нашей мамы трое детей: я, Алла — на шесть лет младше меня — и Валечка — на шесть лет младше Аллы. А живёт мама только с Валечкой.

Много раз я звал маму жить у меня в Ленинграде, и всё напрасно. Мне было непонятно её упорство, но однажды она объяснила: «Ну, кто я там у тебя, сынок? Вот смотри: у меня там ни родственников, ни знакомых. А если умру, как меня хоронить? И где? Я же хочу, чтобы похоронили здесь, где лежат мои мама, папа, мой маленький сын Женя. И чтобы не сжигали, я боюсь огня, мне и неживой будет больно».

По жизни выходит так, что чаще всего заботы о престарелых родителях ложатся на плечи самых младших из детей. У нас — на Валечку. Значит, по возможности, надо помогать. Что я и делаю всякий раз, когда приезжаю.

Пенсия у мамы 300 тысяч белорусских рублей, или около 4

тысяч российских. По здешним ценам это значительно больше, чем в Питере, а тем более, в Москве. Мама довольна пенсией, рада, что помогает дочке содержать дом.

В полдень встретился с Аврутиным, пошли с ним к Чергинцу, кабинет которого находится в здании Парламентского Собрания Беларуси. Почему здесь? Потому что, во-первых, Николай Иванович не только руководитель большой общественной организации, но и важное государственное лицо. Во-вторых, в своё время Лукашенко изъял у писателей Дом литераторов, так как они не столько повели в нём организационно-творческую деятельность, сколько занялись политикой: стали проводить встречи с борцами за «права человека» — литовцами, поляками и прочими «доброжелателями». А те, не стесняясь, научали их, как и чем «трэба будаваць дэмакратыю на Беларуст. И Лукашенко сказал — хватит! Если вы используете Дом не по назначению, освобождайте его.

Светлая, уютная приёмная с красавицей-секретарём, большой, великолепный кабинет со столом Т-образной формы. Хозяин кабинета встречает нас в дверях. С марта месяца слегка пополнел, светло-голубая рубашка с короткими рукавами, короткие серо-стальные усы. Рад нашему приходу, просит присаживаться. И сразу о делах, прежде всего о политике.

В Беларусь приезжает Президент Венесуэлы Уго Чавес, известный своими яркими речами, в которых он нередко осуждает политику США. В Беларуси с интересом ждут его визита. Здесь так же негативно относятся к попыткам США навязывать свою волю, а заодно и свою, выгодную только себе, «демократию». Особый вопрос — отношения Беларуси и Венесуэлы в экономике. Беларусь может поставлять тракторы, БЕЛАЗы, высокоточные приборы и другие промышленные товары. Венесуэла — энергоносители и сельскохозяйственную продукцию.

Когда покончили с Венесуэлой, я спросил, насколько правдивы слухи о предполагаемом строительстве АЭС в Беларуси. Неужели не страшно иметь такую опасную игрушку после Чернобыля? Да, АЭС построят, так как в Беларуси ограничены энергоресурсы. Что же касается безопасности, то её сделают такой, чтобы трагедия не повторилась.

Чергинец неисчерпаем в своих знаниях. Но не всё же говорить о политике и экономике. Я вспомнил, что прочитал его книгу «Вам — задание», которую он мне подарил в марте, в Молодечно. Сказал, что роман написан без языковых изысков. Но в нём вполне состоялись многие образы, видны события военного времени, повествование напряжённо, часто ощущуешь себя одним из действующих лиц. Хотя, к сожалению, нет своего,

художнического взгляда на такую сложную и противоречивую эпоху, как война.

Чергинец встал, раскрыл один из шкафов своего кабинета и выложил на стол сразу три довольно объёмистых книги. На корешке одной из них я прочитал: «Тайна овального кабинета».

— Вот, Иван Иванович, хочу подарить вам. — И, подвинув их к Аврутину, попросил: — Напиши, пожалуйста, от меня, а то у меня сегодня правая рука не работает. А я подпишу.

— Как это? — удивился Аврутин. — Так не делается.

— Да, — сказал я. — Нужно подождать, когда рука снова заработает, и тогда.

— Хорошо, — сказал Чергинец. — У нас в следующий понедельник заседание Президиума, мы на него пригласим Ивана Ивановича, к тому времени я подпишу.

А теперь главное, из-за чего я пришёл.

В мае я отправил Аврутину Устав МСПС для ознакомления и решения вопроса о вступлении Союза писателей Беларуси в МСПС. У Аврутина и Чергинца возникло сомнение — имеет ли смысл их Союзу вступать в МСПС, если туда уже вступил Союз белорусских писателей? И не поставить ли вопрос ребром: либо мы, либо они? А значит, пока они там, мы туда не пойдём.

— Мне кажется, это было бы неправильно, — сказал я. — Прежде всего, с точки зрения укрепления ваших творческих связей с другими писательскими союзами, которые входят в МСПС. А это и Казахстан, и Грузия, и Россия, и некоторые регионы Украины. Кроме того, в рамках МСПС можно проводить встречи писателей, сотрудничать с журналами, издательствами, выпускать книги, в том числе переводные.

— Да, но Союз белорусских писателей утверждает, что мы у себя собрали одних бездарей, что у нас нет ни одного сколько-нибудь талантливого писателя, — сказал Чергинец. — Я вам сейчас покажу список только одних лауреатов.

— Спасибо, не надо, — сказал я. — Время покажет, чья писательская позиция предпочтительнее. Возможно, в будущем исчезнут ваши нынешние разногласия и вы снова окажетесь вместе.

— Хорошо, вносим в повестку дня заседания Президиума вопрос о вхождении нашего Союза в состав МСПС, — сказал Чергинец. И вдруг прикрыл глаза и пожаловался на здоровье — сердце. Сказал, что на следующей неделе пройдёт курс обследований. Что врачи скажут? Возможно, придётся прибегнуть к шунтированию.

Я что-то говорил о способах поправить здоровье при помощи ходьбы и физических упражнений, но Чергинец не особенно

слушал.

После разговора с ним отправились к Анатолию Юрьевичу домой. Он предпочитает коньяк, а я — однолюб: если пить, то водку. По дороге зашли в магазин, потом за цветами. Когда я покупал цветы, мимо прошли две женщины. Одна из них сказала другой:

— Вот и к нему пришла смерть.

Я подумал: «Музы приходят к избранным, а смерть более демократична — раньше или позже она является ко всем.» Хотел поделиться этой мыслью с Аврути- ным, но промолчал — зачем в чудесный летний день о смерти?

Дома была его жена, Зоя Григорьевна. Она накрыла стол к нашему приходу, и мы сели втроём, чтобы поговорить, послушать стихи минского поэта и вспомнить нашу с ним жизнь в Автодоровском переулке.

— А помнишь? — спрашивал я и наливал ему коньяк.

— А помнишь? — спрашивал он и наливал мне водку.

— Конечно, помню! — отвечал каждый из нас и рассказывал что-нибудь такое, чего, кроме нас с ним, не мог рассказать никто. И сначала рассказы наши были весёлыми и смешными, а после трёх или четырёх рюмок вспомнили Г алю Цветкову — десятилетнюю девочку, что жила рядом с нами. В школу она ходила по железной дороге и однажды, в свой день рождения, попала под поезд и лишилась обеих ног. Сначала из школы, где мы учились, к ней на дом приходили учителя. Потом папа возил её в коляске в школу. А зимой — на саночках.

— Жива ли она? — спросил я.

— Да, окончила университет, стала журналисткой и служит в газете «Вечерний Минск». Пишет о театрах, о людях искусства, о балете.

— Слава богу, — выдохнул я. — Давай — за неё!..

После разговоров-воспоминаний мне захотелось одному прогуляться по Минску. Я миновал станцию метро и пошёл от площади Якуба Коласа к площади Победы. Сразу после войны недалеко отсюда, на Комаровке жили мои двоюродные братья — Серёжа, Петя и Толик Сабило. В детстве я часто бывал у них. Носились по окрестностям, забегали на Золотую Г орку, где стоял сожжённый в войну, полуразрушенный костёл Пресвятой Троицы или святого Роха. Вспомнил его, зашёл сейчас дворами и остановился, поражённый красотой и ухоженностью этого места. Костёл возвышался во всём своём великолепии. И тут же в голову ударила горячая волна возмущения — во дворике на широко расставленных ногах стоит маленький сутулый брюнет с курчавой бородкой и держит на поводке овчарку, которая оправляется у

входа в костёл.

— Не стыдно? — не выдержал я.

— Что не стыдно?

— Гадить в таком месте?

— А пошёл ты! Завтра валю из этой дыры. И тебе советую.

Овчарка сделала своё дело и принялась рьяно грести землю задними лапами.

— Тебя за это Бог накажет.

— Ещё слово, и я натравлю на тебя пса!

Я могу этого ублюдка уложить одним ударом, несмотря на его собаку. Но я нетрезв, и всё, что случится потом, будет ему на пользу. Сжал зубы и кулаки и пошёл. Кипела душа, хотелось вернуться, но преодолел себя — нельзя!

22 июля. Разговаривал с мамой. Она печалится о прошлом, о том, что утрачивает интерес к жизни. Ведь уже никого не осталось из её ровесников, и ей самой пора собираться в дорогу. И так загостилась.

Я что-то говорил о её сестре — моей тётке Наде, которая на четыре года старше мамы, но она по-прежнему живёт и не думает об уходе.

— Ай, сынок, я знаю, какая у неё жизнь. Мучится, бедная, всё ей болит, ходить не может, почти не встаёт. Мы с нею живём лишнее, и обе горюем. Есть же таблетки от такой жизни, где бы их достать?

Я постарался поменять тему нашего разговора, спросил, что она может сказать о моём отце, Иване Яковлевиче. Одним словом, каким он был?

— Добрым был, — сказала она. — Его главная черта — был добрым. Хотя выпивал, конечно, но никогда не напивался, как некоторые. Не позволял водке владеть им. — Помолчала. И вдруг: — Спасибо, сынок, что ты к нам приезжаешь. Я иначе жить начинаю, когда ты у нас. А когда умру, тебе уже в Минск не приехать.

Вот слова, до которых не додумается никто, кроме матери. В каком бы состоянии она ни находилась, она смотрит за черту, отделяющую жизнь от смерти. И тревожится за своё дитя.

— Во-первых, не думай о смерти, — сказал я. — А главное, не зови её, она сама знает, когда и к кому ей надо. Во-вторых, у меня в Минске полно родственников, среди которых две родные сестры. Уже не говоря о друзьях.

— Ну, хорошо, сынок, раз ты так понимаешь. И мне теперь спокойнее будет. Береги свою семью. Мне кажется, люди сейчас перестали придавать значение семье и заботиться о близких.

23 июля. Поехал на метро в новую, только что открывшуюся

Национальную библиотеку Беларуси. Колоссальное здание необычной формы — «ромбокубоэк- таэдр» — искрящейся глыбой возвышается над зелёным простором. У входа в библиотеку, широко распахнув руки, меня встречает бронзовый Франциск Лукич Скорина (скарына, скарынка — по-белорусски горбушка) в академической мантии и со Священным Писанием в левой руке. Вхожу, вижу экскурсионную группу и сразу примыкаю к ней. Знакомлюсь с внутренними помещениями — просторными залами для работы, электронной системой подачи книг прямо на столы, коридорами, на стенах которых красуются художественные произведения белорусских мастеров искусств.

В лифте поднялись на смотровую площадку выше 23-го этажа — солнечно, жарко. Отсюда открывается живописный вид на ещё незавершённый парк вокруг здания библиотеки. Я воочию не видел семи знаменитых чудес света, но убеждён в том, что здание Национальной библиотеки — одно из них. В особенности, учитывая его полезность.

Переговариваясь с экскурсоводом и задавая ей вопросы, я, вероятно, вызвал в ней ко мне интерес.

— Кто вы? — спросила она.

Я назвал себя.

— Мне знакомо ваше имя, — сказала она. — Не так давно в журнале «Нёман» я прочитала вашу «Товарную станцию». И фотографию вашу припомнила. Стали разговаривать. Она попеняла мне, что я сразу не назвал себя, — можно было провести экскурсию только для меня.

Я пообещал приехать завтра и привезти в дар библиотеке свои книги.

24 июля. Утром, едва проснувшись, разговаривал с мамой. Она вся в работе — штопает мою футболку (вчера, снимая с неё «кусачую» фирменную бирку, я ножницами разрезал материал). И не штопка у неё получается, а настоящая вышивка.

Я поблагодарил её, похвалил работу. Мама сказала, что теперь ей сложно что- либо делать — подводит зрение.

— Ещё недавно книги читала, а теперь не могу. Кружится голова, глаза устают. И памяти нет. Ты, случайно, не знаешь, как развивать память?

— Есть много способов, но, мне кажется, самым простым из них является пение. Ты знаешь много песен, ты их всегда пела. И сейчас пой. Вспоминай слова, мелодию и пой.

— Да? — обрадовалась она. — Я попробую. А с какой начать?

— Начни с этой: «Гвоздики пряные, багряно-алые вдыхал я вечером — дарила ты…» Раньше ты часто пела её, с неё и начни.

И мы с нею спели «Гвоздики». Точнее, только первый куплет. Дальше не помнили ни она, ни я. Но и этого хватило, чтобы у неё поднялось настроение.

— Какой ты развитой, сынок, как ты всё понимаешь, — сказала она.

— Весь в тебя! — ответил я, и мы сели завтракать.

Ах, какой умелой, во всём ловкой (по-белорусски — спрытной) ещё совсем недавно была моя мама. Как она хорошо и красиво делала любую работу, за что бы ни взялась. И как это неотвратимо покидает её сейчас.

После завтрака я собрался помыть посуду, но мама не позволила, принялась сама. И получалось это у неё так же ловко,

как в былые годы. Или почти так же.

Отвёз в библиотеку, в отдел комплектации, четыре свои книги. Порадовались, что я не требую за них деньги. При мне какая-то женщина привезла несколько книг, интересуется, сколько ей могут за них заплатить.

После библиотеки поехал на заседание Президиума Союза писателей Беларуси. Здесь я был в прошлую пятницу. А сейчас на подходе — оцепление, стражи порядка — милиционеры. Оказывается, Лукашенко в своей резиденции принимает Уго Чавеса.

Миновав кордон, вошёл в здание Парламентского Собрания. Парадная лестница, ковровая дорожка, чистота, порядок.

Собрались в просторном помещении. Здесь много моих знакомых. Кроме Ав- рутина и Чергинца, С. Трахимёнок, Р. Боровикова, Н. Гальперович, Г. Марчук, В. Мачульский.

Вопрос, из-за которого меня позвали, решили быстро — единогласно проголосовали за вхождение Союза писателей Беларуси в МСПС. Были ещё вопросы — о выступлениях писателей на телевидении и радио (Н. Г альперович), о планах издательства «Мастацкая лггаратура» (В. Мачульский). И всё решалось в полном согласии, что называется, без сучка, без задоринки. Писатели убеждены: если что- то предлагает Чергинец, значит, проверено: мин нет.

25 июля. Уехал из Минска.

Мама, прощаясь, заплакала:

— Приезжай, сынок, я буду ждать.

На вокзале меня провожали Мишка, племянник Андрей со своим другом Ваней, Анатолий Аврутин с женой Зоей и внуком Данькой. У Аврутина вышла книга на белорусском языке «Духаспляценне» (Духосплетение) — он подарил мне её с автографом: «Дорогому Ивану Ивановичу Сабило — рад преподнести тебе первый экземпляр моей первой книги на белорусском языке, да ещё когда ты здесь, на белорусской земле. Ну, а духом и душой мы «сплелись» давно и навсегда.»

30 июля — 30 августа. Петербург. Месяц прошёл быстро: дача, внучка, детское питание из «Здорового малыша».

Когда-то, после публикации моей повести «Портфель для Настеньки» в «Костре», Радий Погодин сказал, что она требует продолжения. Тогда я с ним не согласился, но сейчас, когда у меня появилась Мария, понял — он прав. И дописал. И дал ей новое название «День первой встречи». Дописывал с надеждой, что её когда-нибудь прочитает Мария.

За три летних месяца она заметно подросла, общение с нею требует осторожности, ответственности и, особенно, желания

понять её прежде, чем она расплачется.

Вчера, гуляя с нею на Долгооозёрном бульваре, увидел безобразную сцену. Недалеко от нас мамаша везла в коляске малыша. Он сначала захныкал, потом заплакал — может быть, что-то приснилось. Она выхватила его из коляски, надавала шлепков. Он совсем расплакался, раскричался. Тогда она стала его бить с каким-то не женским, не материнским остервенением. И мальчик замолчал, только всхлипывал, тихо и жалостливо.

И что за страсть — бить того, кто не только не отвечает на побои, но даже не защищается?

Позавчера приехала Машенькина мама. Побыли день на даче и переехали в Питер. Приехал и Саша — на машине.

Ольга ходила в кафе «Ёксель-моксель» на юбилейную — 10 лет — встречу с одноклассниками. Не в восторге. Можно было и ещё 10 лет не встречаться: шум, гам, никто никого не слушает — как на телевидении. Одним словом, ёксель-мок- сель у Владимирской площади.

Полагаю, бич большой части современной молодёжи — необязательность и ненадёжность. Этакие мышки без тяги к созиданию. Растения, упавшие на землю. Без корней, без прошлого, без судьбы. Без желания выявлять и взращивать в себе достоинство. Потерянно выглядит человек без смысла. Стихия пены, стихия затхлого болота. Благо не все такие, сужу по своим Ольге и Саше.

31 августа. Москва. Мы с Сашей приехали на машине. Хорошая дорога, с дождиком и солнышком, с чаем на дороге и блинами в придорожном кафе.

Вечером Саша встретил с поезда на Ленинградском вокзале Галину, Ольгу и Машеньку. Снова семья в полном составе.

Мария, укладываясь в свою кроватку, раскричалась — кровать качается. Пришлось в ножки срочно вставить колёса, и только тогда она угомонилась. Отвыкла за лето в Питере от московской зыбкой жизни.

1 сентября. Вышел на работу. Л. Салтыкова протянула мне книгу Анатолия Салуцкого «Из России, с любовью» и попросила ознакомиться с нею, чтобы иметь возможность выступить на её представлении 6-го числа на ВВЦ. А затем передала письмо из Министерства информации Республики Беларусь, подписанное заместителем Министра И.Н. Лаптёнком:

«Михалкову С.В.

Копия: Федеральное Агентство по печати

и Массовым коммуникациям РФ.

Уважаемый Сергей Владимимирович!

В связи с Вашим письмом о совместном российско-

белорусском проекте по изданию произведений белорусских и русских авторов сообщаем следующее:

Полностью разделяем Вашу точку зрения о необходимости восстановления сотрудничества Беларуси и России в области литературы и книгоиздания. На наш взгляд, инициируемый проект 50-томного издания книг белорусских и русских авторов целесообразно предложить к реализации в рамках программы Союзного государства.

С белорусской стороны государственным заказчиком предлагается определить Министерство информации Республики Беларусь. В работе над проектом издания произведений белорусских писателей предложено участвовать общественному объединению «Союз писателей Беларуси» и государственному издательству «Мастацкая лггаратура».

В соответствии с утверждённым порядком разработки и реализации программ Союзного государства основанием для принятия Советом Министров Союзного государства решения о разработке программы является предложение инициаторов постановки проблемы с соответствующими обоснованиями, согласованное с заинтересованными министерствами и ведомствами государств-участников и одобренные правительствами РФ и РБ.

В связи с тем что инициатором проекта 50-томного издания книг белорусских и русских авторов является российская сторона, полагаем, что Федеральное Агентство по печати и массовым коммуникациям РФ может выступить разработчиком и государственным заказчиком программы Союзного государства с российской стороны.

В связи с вышеизложенным, просим Исполком Международного сообщества писательских союзов сообщить о принятом решении в Министерство информации Республики Беларусь.

С уважением, Заместитель Министра И.Н. Лаптёнок». И подпись.

Обнадёживающее письмо. Теперь вопрос в том, как отнесётся российская сторона — Федеральное Агентство по печати во главе с Михилом Сеславинским. Неужели поддержит? И на каких условиях? Может быть, постарается взять инициативу в свои руки, назначит своё издательство и подготовит список своих авторов?

Жаль, обсудить не с кем и в отпуске Кузнецов.

Позвонил из Минска Аврутин. Сказал, что нам отправлены документы о вступлении СП Беларуси в МСПС.

— Будем ждать, — ответил я. — Что ещё?

— Президент Лукашенко подписал Указ «О некоторых мерах

поддержки ОО «Союз писателей Беларуси». В результате наш Союз получает 5 оплачиваемых штатных единиц и бесплатное пользование помещениями для оргработы.

— Поздравляю! — сказал я. — А что Союзу белорусских писателей?

— Ничего.

— Что ж, теперь, как говорил классик, за работу, товарищи!

— В этом успехе есть и твоя доля участия.

— Самая малая, — сказал я. — Мне бы не хотелось участвовать в вашем расколе. Я это пережил в Ленинграде-Петербурге.

Положив трубку, задумался. Уже давно я неважно себя чувствую, когда с кем- то говорю или даже просто думаю о положении белорусских писателей. Мне известно, что там произошло — ничего нового — вульгарное разделение не по творческим, а по идейно-политическим принципам. Мне по душе книги Василя Быкова, Виктора Козько, Василя Зуёнка, Рыгора Бородулина, Сергея Законникова, Нила Гилевича и многих других, оставшихся «там». Но я не знаю истинной причины их неприятия сближения Беларуси и России.

Три с половиной года назад, когда чествовали Сергея Михалкова с 90-летием, мы с председателем Союза белорусских писателей Алесем Пашкевичем жили в одном номере гостиницы при Литературном институте. Молодой человек, с благообразной внешностью, умный, начитанный, но удивительно закрытый. Этакий белорусский партизан, который всё ещё не вышел из леса. О чём бы я ни спросил — ответ не по существу, всё вокруг да около, и я перестал его спрашивать. Он мне подарил свою книгу на литературно-историческую тему, на беларускай мове. Я прочитал, написал ему письмо, где выразил своё отношение. Ответа не получил.

И сейчас, когда заходит речь о двух Союзах, ничего кроме изжоги она у меня не вызывает. Какая бы сторона ни вела её. Особенно, когда подчёркивается качественность «нашего» Союза. Никакой качественности у ваших Союзов не случится, если вы будете смотреть друг на друга сквозь призму ненависти.

Перечитал ответ, подписанный И. Лаптёнком. Да, мой дорогой земляк, с точки зрения чиновника всё вы написали правильно: мол, ваша инициатива, вы её и воплощайте. А могли бы сами сделать это, по своим «верхам». Вы же министры! У вас же секретари, помощники, советники. А нам оставили бы не менее важное дело — сбор произведений и подготовку их к изданию. И не втягивали бы нас в бюрократскую паутину.

Позвонил Кузнецов. Попросил составить план работы МСПС

на четвёртый квартал. Для этого нужно собрать индивидуальные планы секретарей Исполкома.

5 сентября. В буфете ЦДЛ услышал, что из жизни ушёл родной брат Сергея Владимировича — Михаил Владимирович Михалков (родился 18 декабря 1922 года). Он перед войной окончил школу пограничников, защищал Брест, попал в плен, бежал и во вражеском тылу собирал сведения для Красной Армии. В конце войны в форме немецкого офицера попал в руки СМЕРШ, был арестован, а затем осуждён на пять лет уже советских лагерей. Позже реабилитирован, награждался орденами и медалями. Прозаик, поэт, публицист, автор многих песен. По утверждению тех, кто знал его, никогда не общался со своим старшим братом Сергеем.

В МСПС о его смерти знала Салтыкова. Попросила меня дать скорбную телеграмму сыну Михаила Владимировича от имени Сергея Владимировича (его щадят, не сообщают о смерти брата), что я и сделал. Позвонил в ЦДЛ секретарю директора и продиктовал некролог.

6 сентября. Вышел на работу Кузнецов, я дал ему прочитать письмо из Минска. Предположил, что если получится с Беларусью, то следует обратиться к Союзам писателей других стран с подобной инициативой.

— Меня смущает Федеральное Агентство, — сказал Кузнецов. — Как бы не перехватили они нашу идею.

— Да, есть опасность. А если не получится, могут её погубить. Михалков не верит в успех нашего дела, называет его утопией. Но обращаться нужно, так как Министерство информации Беларуси послало им копию своего письма.

— Значит, надо и нам подготовить письмо, где указать, что мы уже работаем над проектом. Напишите, пожалуйста.

7 сентября. Хоронили Михаила Владимировича Михалкова.

После панихиды в храме Свято-Данилова монастыря поехали на кладбище в Химки. Несколько родственников Михаила Владимировича и мы с Салтыковой.

Приехали — могилы ещё нет, произошла заминка. Ждали, когда выкопают. Похоронили. Юлия Валерьевна, жена Сергея Владимировича, передала на похороны 300 тёмно-бордовых роз.

Молчали. Я единственный сказал у могилы несколько слов.

Поминки были в ЦДЛ. Там оказался накрытый стол, а людей — полтора десятка, много пустых мест… Не всё ладно даже в таких знаменитых семьях.

Перед самым уходом из жизни Михаил Владимирович успел издать свою новую книгу «Брест» и собирался отправить её Президенту Беларуси Лукашенко.

Не успел.

9 сентября. Московская Международная книжная ярмарка-выставка на ВВЦ. Приехали мы сюда втроём — Л. Салтыкова, Анатолий Салуцкий и я, — сегодня здесь, на стенде издательства «Терра», будет представлен роман Салуцкого «Из России, с любовью».

Книга — о результатах перестройки, о той оскорбляющей человеческое достоинство жизни, в какую она ввергла всех нас, умных и глупых, бедных и богатых, старых и молодых. Но не только. Ещё автор поставил «сверхзадачу» — утвердить в сознании читателя мысль, что, дескать, если раньше богоизбранным народом считался еврейский народ (по договорённости евреев с Богом, при полной гибели человечества в живых останутся только они), то теперь, по мнению автора, богоизбранность перешла к русскому народу. За его страдания, за его долготерпение, за его бескорыстие и жертвенность в пору невзгод и нечеловеческих испытаний. Достоевский утверждал богоносность русского народа, а теперь вот Салуцкий — ещё и богоизбранность.

Остаётся задуматься, как же это Бог, избирая еврейский народ для вечной жизни, не дал ему земли?

А роман хорош. Написан добротным русским языком, с тонким чутьём к особенностям хоть городской, хоть деревенской речи, хоть речи новоиспечённой, пожилой проститутки, хоть речи профессора и бывшего секретаря обкома партии.

Но, пожалуй, главное достоинство романа в том, что автор не сводит счёты с нашим недавним прошлым, то есть с самой историей. А с полным пониманием и даже сочувствием относится к тому, что было раньше.

Любопытно выглядит предисловие к роману известного критика Льва Аннинского. Написано оно словно бы в недодачу, словно бы критик мог откровеннее и глубже рассмотреть это действительно интересное произведение, но не позволили врождённый дипломатизм и внутренний редактор.

Сам Анатолий Салуцкий, понимая, что своим романом задел за живое как русских, так и евреев, говорит: «Если либералы и близкие им критики постараются замолчать роман, тогда я буду абсолютно уверен в том, что попал в точку!»

Пока на стенде шло обсуждение романа, многие посетители ярмарки приобрели книгу, а затем выстроились в очередь за автографом.

10 сентября. Наступило бабье лето, солнечно, тепло. Пока ещё изредка падают жёлтые листья. Воздух свеж и плотен, как весной. Женщины хорошо жили целый год, раз природа подарила

нам такое тёплое и красивое бабье лето. Обещаем им за это хорошую мужичью зиму.

Гуляли с Марией в Крылатских холмах. Поражает её понимание всего, что нас окружает и что я ей говорю. Слов у неё немного: мама, папа, баба, деда, бло-бло (яблоко), пап-пы (тапки), бак (собака), но чаще — ав-ав. Если ей что-то нужно — гага или мэ-не, мэ-не. Но фразу ещё не произнесёт.

Пускается бежать — у меня «заходится» душа — не упала бы.

Бывая за границей (Греция, Германия, Швеция и др.), я всегда восхищался тем, что у них хорошо, нахваливал их. И всегда критически относился к тому, что у меня дома. Но это не отсутствие любви к Родине, наоборот, своеобразное признание в любви к ней. Так часто хвалишь чужого ребёнка, подчёркиваешь его достоинства, а ругаешь своего, хотя любишь его больше всего на свете.

12 сентября. Собрались в кабинете Кузнецова — он, Бояринов и я. Назначили заседание секретариата на 25 сентября. На нём должны решить вопрос о приёме Союза писателей Беларуси.

Бояринов ушёл.

Кузнецов сказал:

— Я вот какую идею хочу выразить. После долгих размышлений я пришёл к выводу, что подобную библиотеку мы можем создать не только с белорусами, но и с казахами, и с узбеками, и с болгарами. Нужно до мелочей продумать наши действия, и тогда возможен успех.

Я не скрыл своей улыбки, обрадовавшись, что моя идея «после долгих размышлений» стала его идеей. В конце концов, какая разница, чья идея, важно её воплощение. А здесь-то — как до Марса!

Остановились на том, что я напишу письмо (за подписью Михалкова) руководителю Федерального агентства Сеславинскому и подождём ответа.

— В письме, — сказал Кузнецов, — необходимо соблюсти все тонкости и вместе с тем обозначить нашу главенствующую роль в этом издании.

— С учётом того, что у Сеславинского могут возникнуть свои планы и исполнители данного проекта.

— Именно так.

Я пошёл к себе и принялся за письмо. Коротко обозначив суть вопроса, написал: «.В работе над проектом издания произведений русских писателей готово участвовать Международное сообщество писательских союзов и учреждённое им некоммерческое партнёрство «Культура Евразии». Нами, российской стороной, так же как белорусской, ведётся

подготовительная работа по определению состава авторов нашей 25-томной части будущего издания. В него предполагается включить русских классиков, писателей XX века, а также современных талантливых художников слова.

Просим Вас и в Вашем лице Федеральное агентство поддержать инициативу МСПС. Мы готовы рассмотреть и Ваши предложения по определению списка авторов, включаемых в это издание. Просим Вас сообщить нам о принятом решении. Копию письма Министерства информации Республики Беларусь прилагаем.

С уважением, Сергей Михалков».

Позвонил Кузнецов, попросил зайти к нему.

Захожу. Здесь он и Шереметьев. Борис Евгеньевич смотрит на меня как-то от- странённо и часто моргает. Будто минуту назад говорил обо мне что-то нелестное и не успел перестроиться.

Кузнецов:

— Хорошо, если бы вы, Иван Иванович, вместе с Борисом Евгеньевичем составили план работы на ГУ-й квартал.

— Планом я занялся сразу после того, как вы меня попросили, — сказал я. — Так что он почти готов. Но я за него не держусь, могу хоть сейчас передать Борису Евгеньевичу. Он у меня с собой, можете взять, — протянул я папку.

Шереметьев молчит, план не берёт.

— Понимаете, Иван Иванович, Борис Евгеньевич принёс мне заявление, в котором просит уволить его по собственному желанию. Мне бы не хотелось, чтобы сейчас, когда в МСПС тяжёлая обстановка, кто-то уходил. Это может привести к новому всплеску ненужных, вредных для нас кривотолков.

— Феликс Феодосьевич, наш разговор для меня большая неожиданность. Вы попросили меня сформировать план, я его уже почти подготовил, и вдруг возникает Борис Евгеньевич, который, как я понимаю, сам хотел это делать.

Пришёл Бояринов. Кузнецов и ему сказал о заявлении Шереметьева. И те же слова о нежелании кого-то увольнять.

— Я тоже так считаю, — сказал Бояринов. — У Бориса Евгеньевича большой опыт работы с документами, он делает много полезного. Хотя иногда, чувствуя себя большим начальником, грубо разговаривает с сотрудниками МСПС, в частности, с нашими коллегами по Московской писательской организации — Голубничим и Замшевым, такими же секретарями МСПС, как он сам.

— А где они? — вспылил Шереметьев. — И где вы сами, когда ни их, ни вас не видно здесь в рабочее время?

— Да я по четыре часа сплю! — возмутился Бояринов. — Я

так понимаю: в каждой организации есть лев и крыса. У нас лев — Кузнецов, я — крыса. А вы, Борис Евгеньевич, бобёр.

— Я не бобёр, — сказал Шереметьев. — Почему вы причисляете меня к грызунам?

— Я же в хорошем смысле. Я же.

Шереметьев взорвался. И, как бывает в таких случаях, понёс что попало. В том числе и то, что он, Бояринов, всегда хотел избавиться от него.

— Неправда, — сказал я. — Весной я присутствовал при разговоре Михалкова с Бояриновым. Сергей Владимирович довольно жёстко сказал, что нужно провести сокращение сотрудников аппарата и назвал вашу фамилию. Но Бояринов не согласился с ним и отстоял вас.

Дальше продолжился разговор двух одинаково неприятных друг другу людей.

Кузнецов обратился ко мне:

— Кто из них, по-вашему, прав? И как вы оцениваете то, что здесь происходит?

— Отрицательно, — сказал я. — Будучи руководителем питерской писательской организации, если возникал конфликт между писателями, я не ставил перед собой задачу выявить и поддержать правого. Я старался их примирить.

— Я тоже, — сказал Кузнецов. — Но не всегда получается.

Бояринов ушёл. У Шереметьева не оказалось объекта для дальнейшего разговора, и, наверное, поэтому он свою страсть перенёс на меня:

— Иван Иванович, я полагал, что именно я здесь отвечаю за организационнотворческую работу, а с вашим приходом я лишился моего главного дела — планирования. Кроме того, вы даёте телеграммы, точнее, пишете их тексты, а подписываете их неизвестно какими именами. При этом не ставите моё имя — секретаря Исполкома.

Я посмотрел на Кузнецова — вряд ли Шереметьев говорит это, не согласовав с ним. Но Кузнецов молчит.

— Подписи под телеграммами, точнее, имена писателей мы обозначаем, исходя из личности того, кому их посылаем. При этом я советуюсь с Кузнецовым, Бояриновым, Салтыковой.

— Вот-вот, с Салтыковой! А она как раз и не имеет права советовать. Кто она такая? Она что, писатель? Она работает помощником председателя, а могла бы и уборщицей. Поэтому разговор, что мы с вами ведём.

— Не разговор, а толковище, которое не может привести к положительному результату.

После этих слов он как-то притих, съёжился и стал ещё

меньше, чем был. Я посмотрел на Кузнецова, не понимая его роли в возникшей перепалке.

— Я вот о чём подумал, — сказал он. — У нас нет нормального штатного расписания. Нужно его составить и обозначить функциональные обязанности каждого из нас.

— Хорошо, давайте доверимся опыту Бориса Евгеньевича и попросим.

— А не лучше ли, чтобы каждый сотрудник сам обозначил свои обязанности? — спросил Кузнецов.

— Можно и так, — сказал я.

— А ещё лучше вот как, — оживился Шереметьев. — Я могу определить обязанности тех, кто ближе к Кузнецову, а вы, Иван Иванович, — тех, кто ближе к Бояринову.

— Нет, — сказал я. — Такой подход не что иное, как деление коллектива на группировки. А это почти всегда ведёт к расколу. Нам что, раскола не хватает?

20 сентября. Около 8-ми утра позвонил председатель Московского регионального отделения Союза городов-героев, полковник внутренней службы в запасе Борис Георгиевич Копаев. Извинился за ранний звонок и сообщил, что я вошёл в состав делегации Москвы для участия в слёте городов-героев в Смоленске. Отъезд 22-го сентября, возвращение — утром 26-го. Такие сроки мне подходят. Главное, что я смогу 27-го вести юбилейный вечер, посвящённый 75-летию со дня рождения адыгейского прозаика Исхака Машбаша.

22 сентября. На Белорусском вокзале встретился с Иваном Моисеевичем Мартыновым. Невысокого роста, в генеральском мундире, седовласый, внимательный к каждому твоему слову, возможно, потому что плохо слышит, а возможно, природное. С ним у меня давние дружеские отношения, ещё со слёта в Минске, в 1997 году. Он потом часто приезжал ко мне в Петербург. Принимал я его в нашей писательской организации, вместе готовили документы по Союзу и по слёту.

Дружески обнялись, порадовались встрече и направились в вагон. Наша делегация — 9 человек, нам предложили занять свои места.

23 сентября. Смоленск. 14-й слёт городов-героев открылся утром в Концертном зале гостиницы «Россия», где нас поселили.

За столом президиума — председатель Союза вице-адмирал А. Славский, градоначальник Смоленска В. Халецкий, депутаты Гос. Думы Е. Драпеко и А. Лукьянов, руководители делегаций от нескольких городов-героев, в их числе и наш Копаев.

Выступил Александр Михайлович Славский, сообщил, что Гос. Дума приняла Закон «О городах воинской славы». В нём

почему-то ни слова о том, что уже есть города-герои. Нам необходимо сделать всё возможное, чтобы городам-героям новое звание не присваивалось, ибо при этом нивелируется, перестаёт существовать звание «Город-герой».

Я вспомнил земляка смолян, литературоведа Петра Палиевского и открытый им «метод присоединения», когда к чему-то большому присоединяется что-то малое. Затем, при помощи хитроумных манипуляций, малое уравнивается с большим, потом убирается большое и «большим» становится малое. Например, к Пушкину присоединяется Кушнер. Сначала говорят о Пушкине и Кушнере, затем Пушкин убирается и говорят только о Кушнере, заявляя при этом, что Пушкин был для XIX века Пушкиным и «нашим всё», а сейчас Кушнер наше «всё». Приблизительно так несколько лет назад по питерскому радио выступил детский поэт Михаил Яснов. И в некоем азарте даже стал рифмовать: «Пушкин — Кушнер, Кушнер — Пушкин», поясняя, как близки по звучанию эти два имени. Ему и в голову не пришло, что он оказывает медвежью услугу действительно хорошему поэту Александру Кушнеру.

Так может произойти и со званием «Город-герой». Присоединив звание «Город воинской славы» к званию «Город-герой», затем легко убрать это звание, оставив лишь новое.

Выступил Анатолий Иванович Лукьянов — политик и поэт (Осенев) — уроженец Смоленска. Сказал, что ещё в 1991 году здесь, в Смоленске, «мы провели первый слёт городов-героев, на котором говорили об опасности расчленения Советского Союза. К нам не прислушались, потому что некому было прислушиваться, все желали только говорить.»

Представитель Севастополя с гордостью говорил, что крымчане не допустили на своей земле и на море военных учений НАТО.

Ждал, что предоставят слово Елене Драпеко, но не случилось…

24 сентября. На небе ни единого облачка, 22 градуса. Густая зелёная трава в парках, скверах, на днепровских берегах. И лишь кое-где на ней жёлтые листья, словно напоминающие, что всё-таки осень. Отсюда до моей Беларуси — рукой подать.

Состав участников слёта, в основном, «лидерский»: генералы, адмиралы, полковники, известные военачальники, Герои Советского Союза и России. Все они, кто давно, а кто недавно, были большими командирами, руководителями городов (один из них — Владимир Ильич Горячкин — в 80-е годы был председателем Мурманского горисполкома, при нём Мурманску присвоили звание «Город-герой»). В составе Московской

делегации генерал-полковник авиации, Герой России Александр Петрович Андреев. Должен был приехать, но из-за болезни остался в Москве генерал армии Владимир Леонидович Говоров.

Председатель Союза городов-героев — бывший член Военного Совета Тихоокеанского флота вице-адмирал Александр Славский. Могучего сложения, умело владеет пером — я в «Литературном Петербурге» печатал его рассказы о моряках. В общем, лидер.

В театре концерт силами смоленских артистов и детей. Выступила знаменитая Ольга Воронец с песней «Гляжу в озёра синие». По-прежнему красивый, чистый голос. Вторая песня — плясовая, и певица, к восторгу зрителей, вдобавок и сплясала. Да как! А ведь ей нынешней зимой исполнилось 80. Недаром поётся: «Вторая молодость приходит к тому, кто первую сберег.»

В гостиничном номере вместе со мной член делегации города-героя Ленинграда генерал-лейтенант Алексей Митрофанович Сапожников. На столике — его книга «Записки артиллериста». В 86 лет он по-военному подтянут, разговорчив. Интересуется, для чего Путин поехал встречаться с Ангелой Меркель и Жаком Шираком?

— Крылатые и газовые дела, — сказал я. — А также проблемы Российского Авиапрома и газопровода в Западную Европу. Самолётное дело у нас никудышное, опустились до того, что скупаем за рубежом авиарухлядь, летавшую там по 12–15 лет.

— Нет хозяина и цели. Мы их снабжаем газом, и у нас же проблемы.

— Не только у нас. Могут возникнуть проблемы у Штатов. Путин попробует решить вопрос об экспорте газа в Западную Европу со Штокмановского месторождения. А это вряд ли понравится американцам.

— Американцам всё плохо, что нам хорошо. Америка — самое бессовестное и развратное государство в мире. Я не говорю — американский народ, я говорю — государство.

И неожиданно совсем о другом:

— Дочка маршала Тимошенко Екатерина была женой сына Сталина Василия. Жили они в Москве, а Тимошенко в то время был командующим войсками Белорусского военного округа и жил в Минске. И вот что-то не заладилось у его дочки с Васей. Маршал на самолёт и в Москву. То ли мирить их собирался, то ли слегка приструнить, чтоб жили как положено. А тут сообщают, что Москва не может принять самолёт маршала. Посадили в Сталинграде. Маршал сразу догадался, что здесь не обошлось без Сталина. Сидит, ждёт. И вдруг приказ — вылететь на Урал, где только что создан Южно-Уральский военный округ. Специально для теперь уже опального маршала. Понижение, значит, да ещё

какое! А всё только из-за того, что, вылетая из Минска, маршал не попросил разрешения у Сталина.

— Но, насколько мне известно, Василий Сталин был женат на другой?

— Он на многих был женат, этот пьянчужка. Вот про папочку говорят: Сталин — гений, Сталин — вождь и учитель, Сталин — друг детей. А какой он гений и друг, если в собственной семье — слабак? Жена покончила с собой, один сын сгинул в фашистских концлагерях, другой — спился, попал в тюрьму и откинул коньки раньше времени. А дочка бросила родину, скиталась по заграницам и сейчас прозябает в нищете то ли в английской богадельне, то ли в американском монастыре. И мог ли он управлять огромной страной, если не способен был навести порядок в собственной семье?

— Не он один, — сказал я. — Иван Грозный, Пётр Первый, Николай Второй. Этот вообще отказался от власти и тем самым погубил страну, семью и самого себя. Наверное, правы те, кто утверждает, что большая власть — это большое испытание.

— И в чём причина?

— В отсутствии этики. Нам, как никакому другому народу, не хватает этики отношений. Хоть в правительстве, хоть в экономике, хоть в семье. У меня маленькая внучка, я боюсь за неё. Она ещё крошечная, а меня гложет страх, каково ей будет, когда вырастет.

— Хорошо, что многие мои братья-артиллеристы, с которыми я шёл к Победе, остались ТАМ, — сказал Алексей Митрофанович. — Однако что-то я устал, будем отдыхать.

25 сентября. День города Смоленска. Площадь Ленина. Театрализованное шествие, в котором приняли участие делегаты слёта, ветераны войны, Почётные граждане Смоленска, промышленные предприятия города, учреждения науки, культуры и образования. Задорно и весело прошли по площади юные спортсмены России и Беларуси — здесь проходит их спартакиада.

Радушен и гостеприимен Смоленск, дай бог ему долгой, счастливой жизни. А Российское телевидение не склонно освещать такие события. Оно вообще не склонно показывать российским народам то, чем они живут. Оно показывает жизнь, какой живёт само, — жуть со стрельбой и голыми ляжками. Но, как говорится, это уже совсем другая тема. Потому что вопрос о телевидении — это вопрос о власти.

3 октября. На заседании секретариата Исполкома Сергей Владимирович Михалков четверым писателям, и мне в их числе, от имени Министерства культуры вручил медаль Михаила Александровича Шолохова — к 100-летию со дня его рождения.

Кузнецов повёл разговор о Шолоховской премии, которую Арсений Ларионов со товарищи увел из МСПС, но Михалков отмахнулся: мол, не теперь.

Единогласно проголосовали за вступление Союза писателей Беларуси в МСПС. Что-то решали ещё, и до вопроса о штатном расписании всё шло как по маслу. Но, когда Кузнецов заговорил о должностных обязанностях, Михалков потребовал:

— Я хочу, чтобы мне говорили не про должности, а про людей, которые их занимают. Попрошу представить список этих людей, чтобы я конкретно мог увидеть, кто и чем занимается. А заодно и штатное расписание.

Кузнецов и Бояринов пообещали это сделать к завтрашнему дню. После этого Кузнецов стал говорить о необходимости вернуть МСПС здание издательства «Советский писатель», также присвоенного Ларионовым. Но Михалков сказал:

— Рано! Необходимо разобраться с нашими нынешними исками к Ларионову и судами, а уж затем переходить к «Советскому писателю». То же и с Шолоховской премией.

На этом секретариат завершил работу. Уже после него Михалков в своём кабинете принял решение уволить Бориса Евгеньевича Шереметьева.

— За что? — спросил я.

— За всё. Его отовсюду увольняют. Из Союза писателей России, из Московской писательской организации, из МСПС — дважды. Много из себя мнит, а ничего не делает.

В этом «ничего не делает» я уловил интонацию Салтыковой.

Вечером со мной разговаривал Кузнецов. Вид у него усталый и даже понурый, чувствуется, что он не ожидал столь решительных действий Михалкова.

— Я вас попрошу, — сказал он, — составить протокол сегодняшнего заседания секретариата. Это должен был сделать Шереметьев, но. Я понимаю, что вы не вели записей, но, мне кажется, у вас отличная память, стало быть, для вас это будет несложно.

Я не стал ничего уточнять. Протокол я сделаю, но тут же, в который раз, кольнул вопрос: «На что я трачу свою жизнь?!»

7 октября. Вечером позвонил Николай Коняев, сказал, что они с Николаем Рачковым сейчас на Ленинградском вокзале: возвратились из Якутска, едут в Петербург, хотели бы увидеться. Договорились — у Ленина. Я оделся, взял бутылку водки и приехал за полчаса до отхода поезда. Зашли в буфет, купили бутербродов и одноразовые стаканчики. Коняев долго, шумно копался в огромной сумке и, наконец, вытащил рыбку-нельмочку, размером чуть больше кильки.

— Не жалко? — спросил я.

— А чего её жалеть? Для того и тащил пять тысяч вёрст, чтобы сейчас её разделать.

Рассказали о поездке в Якутию, всё там понравилось, было много встреч с писателями, так что возвращаются они полные впечатлений.

Выпили за Якутию и, отдельно, за их тёзку — якутского классика Николая Лу- гинова.

Проводил их в вагон. Там продолжили разговор. На этот раз — о моём преемнике, руководителе питерской писательской организации Борисе Орлове. Оба Николая обрушились на него: груб, дело подменяет суетой, творческая жизнь в писательской организации замирает.

Я прервал моих собеседников:

— Что же делать?

— Менять! — сказали оба.

— Не менять, а помогать, — не согласился я.

— Да как же помогать этому завистнику? — удивился Рачков. — В Якутске я читал стихи — меня встретили бурей аплодисментов, настоящий триумф. А потом подскочил Орлов и говорит: мол, у тебя где-то в одном стихотворении не совсем удачная строчка, я бы так не написал. И это всё, что он мог сказать?

— Ничего удивительного, — сказал я. — Вы, поэты, часто пытаетесь навязать друг другу свои вкусы. И до хрипоты спорите по какой-нибудь «неправильности», хотя на самом деле никакой «неправильности» нет, а есть различия во вкусах.

Нет, не согласились. Но пора на выход, вот-вот отправится поезд. На прощание обнялись.

10 октября. Искал библиотеку ЦДЛ. Пришёл в главный корпус — сказали — не сюда. Нужно выйти на Поварскую, а там — под арку и мимо мусорных баков — в библиотеку. Пошёл. Поднялся по лестнице, здесь меня встретила юная красавица, лучезарно улыбнулась:

— Вы к кому?

— Где тут у вас библиотека?

— Идёмте, — вызвалась она проводить. Мы долго переходили из одного ресторанного зала в другой. Казалось, они никогда не кончатся. Все залы пустые, в каждом — с белыми салфеточками на предплечье — скучают официанты. Моя красавица ласково произносит:

— Веду в библиотеку.

Официанты кивают мне, вежливо здороваются. Когда-то ЦДЛ и все эти залы принадлежали писателям. В них снимали кино, их

описывали известные авторы (например Михаил Булгаков), здесь в застольных беседах обсуждались проблемы вселенского масштаба. Но это в прошлом, при «плохой» советской власти. Ныне, при. чуть было не написал «хорошей», что-то писателей тут не видно. Но, может быть, ещё не время?

Наконец, залы кончились. Мы снова оказались в передней ЦДЛ.

— Кажется, здесь, — без особой уверенности сказала моя проводница.

— Но здесь я уже был. Мне сказали, что вход в библиотеку с Поварской улицы, под аркой.

— А, тогда пойдёмте.

Мы пошли обратно, и она всё же привела меня в библиотеку. Очаровательно и чуточку виновато улыбнулась: дескать, извините, не знала, где библиотека, но теперь буду знать.

Я поблагодарил её и вошёл в дверь. В первой комнате две женщины работают с картотекой.

— Заведующая библиотекой там, — показали они мне другую комнату. Не входя туда, приостановился у открытой двери: заведующая — женщина в летах — разговаривала по телефону. Но вот положила трубку, повернулась ко мне.

— Я бы хотел записаться.

— Документы есть? Вы откуда?

— Я.

— Прописка есть? Паспорт при себе? Вы член Союза?

— Я до недавнего времени жил в Петербурге, но.

— Значит, не прописаны в Москве?

— Да, но я работаю, вот моё удостоверение.

— Это не годится. Нужна прописка. Вы прописаны? Нет? Вы кто такой?

И тут я не сдержался. Ко мне библиотекари всегда относились как к родному, а она.

— А вы кто? — спросил я. — Библиотекарь или дознаватель на Лубянке? Как ваша фамилия? До вас все библиотекари мира.

— О, а это уже оскорбление, — сказала она, но я заметил, что спеси в ней поубавилось. — Что вам нужно?

— Ничего, — сказал я. — В ЦДЛ 20-го числа пройдёт вечер, посвящённый Самеду Вургуну. Я один из участников, мне нужно посмотреть его книги.

— Хорошо, — сказала она, — приходите через час, я приготовлю.

Через час меня ждали три книги: огромный том из серии «Библиотека поэта», «Избранное» и отдельной книгой поэма «Вагиф».

Вернулся к себе. Читал стихи Вургуна, вступительные статьи, полистал поэмы. И повеяло прежней жизнью, с её детством, юностью, с войной и радостью оттого, что повержен рейхстаг.

12 октября. Кузнецов спросил, читал ли я в «Литгазете» статью «С ног на голову», которую подписали С. Михалков, Ф. Кузнецов, В. Ганичев, С. Василенко, И. Переверзин, В. Гусев. Статья о драматической судьбе писательской собственности.

— Да.

— Что вы можете сказать?

— Статья своевременная, в особенности с учётом недавней телепередачи с участием Риммы Казаковой и Леонида Жуховицкого, а также бывшего генерального директора Международного Литфонда Гюлумяна. Многие писатели, в том числе московские, не могут толком разобраться в том, что происходит с писательской собственностью. Уже не говоря о чиновниках и даже о судах. И тональность статьи соответствующая. Судя по стилю, по речевым оборотам, писали вы?

— Да, моя статья.

— Меня поражает «героизм» Риммы Казаковой, с которым она отстаивает неправду.

— Амбиции. Она крайне амбициозна, притом небескорыстна. Иная бы давно умаялась воевать за неправду, а эта лишь крепнет от поражения к поражению.

— В статье, — сказал я, — сделан призыв к руководству Союза писателей Москвы отказаться от конфронтации и выступить совместно за спасение остатков писательской собственности. Но я не уверен, что они услышат его.

— Пожалуй. Хотя там уже многие понимают вред конфронтации. Они убедились в том, что новые власти России меньше всего беспокоятся как о российской культуре, так и о писателях.

— Да, если при Советах был главный лозунг: «Всё лучшее — детям!», то сейчас: «Всё лучшее, в том числе и детское, — частникам!». Наши государственные мужи сами ухитрились стать крупными собственниками и, чтобы сохранить присвоенное, дают возможность и другим отхватить кусок пожирнее.

— В том и суть, — сказал Кузнецов. — Стало быть, и борьба наша будет длительной и тяжёлой.

Мне показалось, тема писательской собственности в нашем разговоре исчерпана, и я спросил Кузнецова, звонил ли он в Агентство по печати Нине Литвинец. Это ей Сеславинский передал наше письмо о российско-белорусской 50-томной библиотеке. Две недели назад нам сказали, что она уезжает в

Германию на Франкфуртскую международную книжную ярмарку, и попросили связаться с нею, когда она вернётся.

Кузнецов набрал её номер. Спросил о ярмарке — оказалось скучновато прошла. Упомянув о нашем письме, долго молча слушал — Нина Литвинец высказывала собственное видение нашего проекта. Кузнецову иногда удавалось вставить фразу в её монолог:

— Да, там теперь Союз белорусских писателей и Союз писателей Беларуси. Да, трудно сказать, в каком из них писатели сильнее. Да, полагаю, они соберут двадцать пять томов. А наших? Да, наших и в двести пятьдесят не уместить. Хорошо, если бы и от вас кто-то занимался этой серией. Будем ждать ваших предложений, а мы уже формируем редсовет.

Он положил трубку.

— Проблемы? — спросил я.

— Она утверждает, что финансировать это издание должно Союзное Государство.

— Об этом же и мы заявили, и Министерство информации Беларуси.

— Ну, часто чиновники наши мысли и предложения выдают за свои — неоспоримое право любого начальства.

— Пускай выдают, мы не в обиде. Наша задача внушить им, как детям, мысль, чтобы они ощутили её своей и старались помочь. Итак?

— Сказала, ответ будет положительным. Но сомневается, что белорусы наберут авторов на 25 томов. Кто там? Янка Купала, Якуб Колас, Быков.

— Несомненно! У них большая литература. В особенности, если взять почвенническую и военную тематику. Но не только. Известно ли вам имя Владимира Короткевича? Как художника слова многие считают его более состоятельным, чем Василь Быков. Его «Христос приземлился в Гродно», «Колосья под серпом твоим», «Дикая охота короля Стаха» — белорусская классика. А ещё у них Михась Лыньков, Алесь Адамович, Иван Шамякин, Иван Мележ, Иван Чигринов, Янка Мавр — вот как густо идут Иваны! — и многие другие. Белорусский роман и белорусская поэзия в двадцатом веке — значительное явление в литературе.

— Как вы думаете, если их 25-томную часть будет составлять Союз писателей Беларуси, включат они туда Василя Быкова?

— Обязательно.

— А Светлану Алексиевич?

— Не знаю. Это им решать. Наше дело — наши 25 томов, и нам негоже настаивать на включении в их часть каких-то авторов. Но будем советоваться, это не исключено.

— Хорошо. Вы уже думали, кого мы привлечём к работе для помощи вам?

— Вероятно, следует создать двууровневый редсовет: верхний — 5–7 известных писателей, руководителей творческих Союзов — Михалков, Ганичев, Распутин, Скатов, Кузнецов. И нижний, того же количества или даже меньше — те, кто будут непосредственно заниматься подбором писательских имён и произведений, которые мы включим в наши 25 томов.

— По-моему, приемлемо, — согласился Кузнецов.

— Знаете ли вы Блудилина-Аверьяна? — спросил я.

— Да, и очень хорошо. И жену его Наташу, критика и литературоведа, доктора филологических наук.

— Именно их я имею в виду. Но давайте сначала получим письмо. Кроме того, необходимо встретиться с нашими белорусскими коллегами, чтобы обсудить тип издания, оформление, обложку. Думаю, объём каждого тома не должен превышать 30 листов. Но и не меньше. Будут ли они одинаковы в чисто оформительском смысле — пусть решают издатели. Хорошо бы сделать достойный тираж. Но это уже будет зависеть от Союзных средств.

— Здесь неплохо бы подумать над выпуском части особого, подарочного тиража — для Президентов и Министров культуры.

— Мечтать не вредно, — откликнулся я на шутку, понимая, что это уже из ряда фантазий.

Вечер. Переделкино. В Старом корпусе, где я поселился в 25-м номере на втором этаже, как всегда, чистота и порядок. Писателей мало. Зато людей «не писательского вида» — хоть отбавляй. В основном, кавказцев. Все крайне упитанные, с острыми, оценивающими взглядами, как перед выходом на ринг, с нескрываемой готовностью к конфликту.

Несмотря на массу публикаций в СМИ о растаскивании предприимчивыми людьми писательского имущества, несмотря на арбитражные суды и пересуды, писательская собственность, нажитая писателями за счёт их взносов в Литфонд и перечисления части их гонораров, сокращается, как шагреневая кожа. Вот и в пристройке к Старому корпусу, в которой на первом этаже — столовая, а на втором — конференц-зал и библиотека, уже раскинул свои владения ресторан с милым названием «Дети солнца». А биллиард, где мы с Колей Коняевым резались по вечерам, теперь писателям предоставляется только за деньги. Раньше он стоял в отдельном помещении, на втором этаже, а ныне перемещён вниз, к входу в столовую, и застелен белым покрывалом, как покойник.

Не знаю, узаконено ли в нашей стране право тех, кто уже что-

то ухватил и присвоил, не возвращать ухваченное хозяину, но, исходя из принимаемых арбитражными судами решений, оно существует де факто.

Надломлена становая ось России — русский дух. Бросаются в глаза унизительная бедность большинства и процветание тех, кто не имеет к богатству никакого отношения, кто не создавал его, а лишь присвоил. Социальная рознь налицо, а говорить об этом нельзя, законы не позволяют.

Ужинал двумя пирожками и апельсином, что купил на железнодорожной станции в Переделкине. Привёз ноутбук — вид на письменном столе солидный, а пользуюсь этим чудом техники всего лишь как пишущей машинкой. И нет желания учиться. Правда, когда-то в Петербурге, заплатив немалую сумму, я посещал компьютерные курсы. Ходил долго, больше месяца, и на каждом занятии наш наставник требовал, чтобы мы записывали в тетради сведения о каких-то килобайтах, килобитах, мегабайтах, мегабитах и прочую дребедень. И никакой практики. Когда же, чуть ли не в последний день курсов, он сел за компьютер и решил провести с нами практические занятия, выяснилось, что он не умеет на нём работать. Многие из его учеников, и я в том числе, рассердились и ушли. А через несколько дней он позвонил мне и сказал, что я могу приехать за удостоверением, которое подтверждает, что я окончил компьютерные курсы.

— Но я же ничему не научился!

— Это ваша проблема. При желании, курс обучения, на общих основаниях, можем повторить.

Кажется, большего цинизма я не встречал. Хотел сказать ему пару слов, но решил не засорять провода.

Так что, скорее всего, именно он отбил желание учиться. Никогда не думал, что меня, написавшего немало книг, будут называть безграмотным — в компьютерном смысле. Придётся подождать, когда наша Мария, которой сейчас чуть больше полутора лет, вырастет, освоит эту премудрость и научит меня.

14 октября. Эти записи делаю утром. В Питере меня спрашивали: чем отличается Москва от Петербурга?

— В Москве люди быстро ходят.

— Чем ещё?

— Не знаю.

Теперь могу добавить. В одном из своих сочинений Юрий Тынянов писал об отличительных чертах застройки двух столиц: «В Москве, куда ни посмотришь, взгляд упрётся в дом, а в Ленинграде он тебя обязательно выведет на площадь».

Его удивительно точное наблюдение я бы дополнил ещё одним: в Москве всегда есть небо, а в Питере часто его нет. В

Москве, каким бы дождливым, облачным ни был день, всё равно есть ощущение высоты: где-то в разрывах туч и облаков угадывается солнечный свет, где-то облака не слишком плотные и потому прозрачные. А в Питере часто мрак наваливается на крыши домов, тяжкий, непроницаемый, без намёка на то, что где-то светит солнце и голубеют небеса.

Как-то, в прошлом или позапрошлом году, бродя по Петербургу, обратил внимание на постперестроечную реальность: почти все окна первых этажей жилых и нежилых зданий забраны металлическими решётками. И возникли такие строчки:

Иду по улице красивой — Решёточки на окнах, тьма их, тьма!..

Зарешечённая Россия Для нас — как общая тюрьма.

И как из неё выбираться? Будить и звать! Будить и звать, прежде всего, русского интеллигента. Чтобы, наконец, он сказал: «Хватит, господа, грабить мою Родину!»

Почти два десятилетия продолжается грабёж.

В прежние времена даже озверелые завоеватели, захватив тот или иной город, давали своим хищным псам-оруженосцам только три дня на поживу и разграбление. А здесь — два десятилетия. И молчим, уткнувшись в телеящик. И где ж тут вдохновение для писателя? И где ж вы герои-освободители? Где неотступные? И когда получит команду выступать Засадный Полк? Да ведь только полка и хватило бы, как говаривал бывший Министр обороны, чтобы взять за шиворот нечисть, оседлавшую Россию! На русских людях, более чем на всех других, лежит ответственность за судьбу России. Русские люди должны сплотиться, видя, как все другие объединяются против них. Русский — не только национальность, это ещё звание, которое получено нами от наших героических предков.

Окно моей комнаты выходит на ту же сторону корпуса, где вход. Прямо перед окном — юный развесистый клён. Жёлто-золотой, шарообразный — он как солнце, спустившееся к нам с небес. Там, за облаками, основное солнце, а здесь, на земле — солнце-клён.

В который уже раз начал «Крупным планом». Хотя к тому, что я задумал, больше подошло бы «Последний раунд». А ещё больше — «Невольник». У Лермонтова — «невольник чести», а я — невольник обстоятельств, который всю жизнь делает не то что хочется. Точнее, делает то что хочется лишь урывками, «в свободное от основных занятий время».

Или всё же этому есть объективная причина — нехватка сил, чтобы пойти на разрыв со всем, что держит тебя в неволе. Скорее всего, так и есть. А слова о том, что тебя «держат» дела и люди, —

лишь средство оправдать свою лень и неуверенность в том, что ты и дальше сможешь делать свою главную работу как должно. Если раньше ты брался и делал хоть рассказ, хоть повесть, хоть роман, то теперь ты всё думаешь, думаешь, всё откладываешь на потом, а это первый признак неуверенности и лени. И оправдание находишь: ты это ещё не додумал, не доносил, надо подождать, пока оно додумается и само выйдет наружу.

Не выйдет! Как женщина никогда не станет матерью, если будет только и думать о том, что ещё рано, ещё не готова, так и художник не создаст ничего путного, если его якорями будут нерешительность и лень. А надо беременеть и рожать. Потом растить дитя, воспитывать и просвещать.

Навещают расслабляющие мыслишки: «Сколько ж можно писать, работать? Тебе 67-й год, ты что, нанялся? И что ты можешь написать такого, что ещё не написано, хоть тобой, хоть другими?»

Но нет, это хорошие мысли. Они сродни мыслям спортсмена, который собирается с духом, чтобы пойти на рекорд. А потому дерзай!

15 октября. Поразительно, как всего за два дня изменился мой солнце-клён. Теперь он уже не шарик, а золотистый обруч. Вся его срединная часть облетела, как будто выпало лицо, осталась лишь золотистая причёска-каре в мелких кудряшках из жёлтых листьев.

Чаще всего, когда остаюсь наедине с собой, вспоминается детство, школа. нет, не школа, а каникулы, школу я не любил. И первые приближения к девушке, к женщине. Самая первая из них — семнадцатилетняя красавица Оля в маминой родной деревне Паздерки, что недалеко от Минска. У неё было что-то с позвоночником, врачи обязали её лежать, а меня, десятилетнего, моя бабушка Аленка попросила ходить к ней и читать книжки. Сначала это были «80 тысяч километров под водой», потом «Гулливер», потом ещё какая-то, может быть, «Чёрная курица». Оля лежала, разметав на подушке тёмные вьющиеся волосы, перебирала длинными тонкими пальцами пододеяльник, слушала, улыбалась и никогда не перебивала меня. Даже когда я хитрил и пропускал целые абзацы, чтобы поскорее закончить главу, она молчала. Только хвалила, что я хорошо читаю. И лишь когда я уставал и начинал сбиваться, просила остановиться.

Часто моё чтение слушала её мама — сухонькая, невысокая бабка Палатка. Она садилась на лавку и рукодельничала — вязала носок или вышивала болгарским крестом. В солнечный день я торопился поскорее закончить чтение и рвануть к деревенским хлопцам, которые в это время строили запруду из

дёрна на мелкой речке Гребёнке, чтобы набралась вода и можно было плавать. А когда шёл дождь, я читал долго, пока от моего чтения не уставала Оля, и тогда она брала мою руку и целовала её. И мне казалось, что наше чтение будет продолжаться всегда, пока мы оба живы и пока не иссякнут книги.

Потом она пошла на поправку, стала ходить, и чтение прервалось. А вскоре Ольга вообще переехала в город, устроилась на работу и вышла замуж за пожарного, дядю Сашу — большого, сильного человека с громким голосом.

Ещё я помню Аллу — выпускницу Белорусского университета, корректора в каком-то издательстве. Она приезжала в отпуск в Паздерки к моей тётке Наде, часто брала цветастую подстилку и шла за огороды, на оселицу, загорать. За осе- лицей бежала речка Гребёнка. Однажды я возвращался после купания и увидел спящую Аллу в голубом купальнике. Белокожая, светловолосая, с толстой косой на груди, она лежала на подстилке, а на её плечо пристраивался овод, чтобы напиться крови. Я прогнал его, наклонился и поцеловал её в губы. И пошёл дальше. Она окликнула: «Ваня, вернись!» — Я подошёл. — «Ты что сейчас делал?» — строго спросил она. — «Ничего, прогнал овода». — «А потом?» — «Поцеловал тебя». — «Разве я тебе разрешала?» — «Тогда прости, я не подумал». — «Прощаю, можешь свой поцелуй повторить.»

Встретил Валентина Устинова. Давно знаю этого поэта, мне по душе его стихи. Он сказал, что во время секретариата, когда речь шла о российско-белорусском книжном проекте, хотел предложить себя в качестве помощника в этом деле. Он сейчас занимается татарской литературой, и, возможно, его опыт пригодился бы и мне.

Я ответил, что уже разговаривал с его сыном Денисом, а тот, по моей просьбе, с Блудилиным-Аверьяном. И мы, в основном, определились, кто будет заниматься этим пока ещё далеким от ясности делом. Но и от помощи Валентина Алексеевича мы, разумеется, не откажемся.

Его сын Денис, когда мы с ним летали в Томск, говорил мне, что отцу негде жить. Дважды он получал квартиру от Союза писателей, дважды разводился и оба раза оставлял квартиру семьям, из которых уходил. Теперь без жилья, и никаких перспектив.

Хорошо, что у писателей есть Дома творчества.

Вечером, проходя мимо кабинета медсестры, заглянул к ней и попросил измерить давление. Так, от нечего делать, потому что чувствовал себя отлично. Однако что это: 155/100! Такого у меня ещё не было. Может быть, к перемене погоды? Хотя и погода на

меня никогда особенно не влияла.

Удивившись несоответствию давления моему самочувствию, собрал в сумку всё, с чем приехал, и вышел за ворота.

Тут же подъехал Саша, и мы помчались домой.

16 октября. На пробежке увидел первые замёрзшие лужицы. Листья на деревьях свернулись и скукожились. Дует пронизывающий, обжигающий ветер. Первые заморозки, теперь облетят и те немногие листья, что изо всех сил пытались удержаться на ветках.

Октябрь уж наступил,
Уж роща отряжает
Последние листы
С нагих своих ветвей…
Есть вечные стихи.
Как звёзды. Как небо.
Роняет лес багряный свой убор…

Сейчас так не пишут, не получается. Да и тогда так не писали, точнее, писал только один. Сейчас даже в самых лучших стихах всегда присутствует элемент «прислонённости» к чему-то, попытка что-то доказать самому себе и другим: дескать, я это вижу и объясняю себе и вам, что я это вижу. Не рождаю новое, а только заявляю, что я тоже способен родить. И даже показать то, что от меня уже родилось. Но не самого ребёнка, а лишь одеяло, в которое он якобы завёрнут. В лучшем случае — показать палец ребёнка и дать его потрогать. И не всегда понятно, кому принадлежит этот палец, — может быть, кукле?

А настоящий ребёнок — это совсем другое, это «Мцыри», «Анчар», «Зодчие», «Тёркин», «Соловьиный сад», «Соловьи в январе». И многое другое, что рождается словно бы само собой или что уже давно есть, без нашего участия, — как солнце, звёзды, луна, море, лес, горы. Или — как помидор, огурец, морковь, подсолнух — все из одной земли, а такие разные и необходимые!

Много раз убеждался в том, что читателей, способных понимать, а значит, и ценить литературное произведение, мало. Удивлялся, когда кто-то, даже близкие мне люди, прочитав мою повесть или рассказ, говорили совсем не о том, что в них главное. И потому, из деликатности, поясняли: «Просто написано, легко читается.» Или брали какой-нибудь эпизод и начинали обсуждать его: «Какая же она бесстыжая, он столько для неё сделал, а она осталась неблагодарной. Я бы так не смогла». Вот в этом «я бы так не смогла» и есть главное, что хотелось услышать мне, автору. В этом противостоянии моей героини и моей читательницы и есть главный смысл того, чего я добивался.

Значит, задело, тронуло и, может быть, останется.

Я избегаю описывать больных, увечных людей, людей-инвалидов — так легче всего вызывать в читателе жалость. Я выбираю нравственно состоятельных героев, не забывая о великом двуединстве — отцы и дети. Больше всего на свете я люблю детей, поэтому в моих сочинениях, как правило, они действующие лица наряду со взрослыми. Всегда помню возвышающие ребёнка слова Антона Семёновича Макаренко: «Дети — это граждане!». Был ли я в своих рассказах, повестях, романах учителем? Наверное, да, если, в принципе, можно кого-то научить благородству и достоинству.

19 октября. Пришло наконец письмо из Федерального агентства по печати, подписанное М. Сеславинским:

«Уважаемый Сергей Владимирович!

Благодарим Вас за Вашу инициативу касательно выпуска 50-томного издания книг русских и белорусских авторов. Информируем Вас, что Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям активно сотрудничает с Министерством информации Республики Беларусь. Ежегодно при поддержке Роспечати проводится конкурс «Искусство книги стран СНГ», приобретающий всё большую популярность среди издателей Содружества. Белорусские книги неоднократно завоёвывали на данном конкурсе призовые места.

Российские издатели регулярно принимают участие в Минской международной книжной ярмарке в качестве Почётного гостя. Белорусские издатели регулярно участвуют в Московской международной книжной ярмарке и в национальной ярмарке «Книги России».

Интенсивно развивается книгообмен между нашими странами, а также кооперация между издателями и полиграфистами. В этом ряду издание 50-томной библиотеки российских и белорусских авторов, уверены, займёт достойное место.

Отрадно и то, что в настоящее время на всём пространстве Содружества усиливается интерес к литературе соседних государств. Так, в протоколе седьмого заседания Межгосударственного Совета по сотрудничеству в области периодической печати, книгоиздания, книгораспространения и полиграфии, состоявшегося 12–20 июня в г. Минске, зафиксирована необходимость рассмотрения возможности финансирования издания библиотечных серий под названием «Содружество».

Представлялось бы, на наш взгляд, целесообразным увязать оба этих проекта, выстроив единую модель культурно-

литературного обмена народов Содружества.

Впрочем, если в рамках Союзного Государства будет принято решение о дополнительном издании 50-томной библиотеки белорусских и российских авторов, мы готовы в рамках своей компетенции оказать содействие предложенному проекту.

С глубоким уважением, М.В. Сеславинский».

Ответ как ответ: немного отчётности, немного совета и вроде бы даже какая-то поддержка. Но нет главного: что же само Агентство собирается предпринять для поддержки проекта, который «уверены, займёт достойное место». Будет ли оно обращаться в Министерство информации Беларуси? Или к руководству Союзного Государства? Не сказали. Однако и не отвергают, а «в рамках своей компетентности» даже собираются оказать содействие предложенному проекту.

Что ж, и на том спасибо. Мы сами побеспокоим вас кое-какими вопросами, но немного позже.

Ф. Кузнецов, с которым мы читали это письмо, остался доволен. Предложил мне тут же связаться с начальником управления периодической печати, книгоиздания и полиграфии Федерального агентства по печати Литвинец и переговорить о дальнейших шагах.

Я снял трубку и задал Нине Сергеевне два вопроса: будет ли Агентство связываться с Министерством информации Беларуси и будет ли оно обращаться в Союзное Государство с предложением поддержать наш проект?

— Нет, — сказала она, — вы уже сами решаете этот вопрос. Так что нам остаётся только пожелать успеха.

Разговор окончен. Кузнецов кивнул:

— Помогать не будут. Хорошо бы, не мешали.

— Всё, теперь обращаемся к белорусской стороне, — сказал я. — Надежда только на них. На нашей проблеме можно будет в какой-то степени понять, строится ли на самом деле Союзное Государство.

Ведём подготовку к 100-летию со дня рождения Самеда Вургуна. Я ознакомился с личным делом поэта, прочитал его книги. Посмотрел, что писала о нём критика, поговорил с Михалковым. И написал его очередное обращение:

«Горячо приветствую участников Торжественного вечера, посвящённого 100-летию со дня рождения выдающегося азербайджанского поэта Самеда Вургуна. На протяжении многих лет меня с ним связывала крепкая дружба, я неоднократно писал о его творчестве. Его стихи печатались в переводах крупнейших русских поэтов, таких как Павел Антокольский, Владимир Луговской, Константин Симонов. (.) Уже ровно полвека Самеда

Вургуна нет с нами. Но его книги, его поэзия по-прежнему близки и дороги нам.».

Нет-нет да и задумаюсь, хорошо ли, что я пишу за Михалкова. С одной стороны, хорошо и даже почётно — писать за Великого Гражданина России. Это тебе не за какого-нибудь Ельцина или Горбачёва! А с другой — нужно писать своё и самому отвечать за написанное. Но у меня служба, я за неё получаю зарплату. И если у меня выходит, почему не сделать то, что, может быть, лучше, но с большим трудом сделает сам Михалков. Или не сделает вовсе. А это уже слабость организации, которую он возглавляет. И, что ни говорите, роль спичрайтера (раньше был помощник, референт) ещё никто не отменял и не отменит. (Американцы говорят: зачем самому делать то, что может сделать обезьяна!) И хватит об этом. Тем более, пишешь ты только то, что можешь. Ты же не можешь написать Гимн или «Дядю Стёпу»!

20 октября. Гуляли с внучкой по холмам. Она теперь самостоятельная, не только ты её куда-нибудь ведёшь, но уже и она может настоять на своём и повести совсем не туда, куда ты задумал. Научилась говорить бабушкино имя — Галя. И даже первое своё словосочетание: баба Галя. Если ей что-то нужно, говорит: га-га-га, хотя уже давно может говорить дай. Яблоко у неё — бля-бля, дед — де-де.

По пути на службу засигналил мобильник — позвонил профессор Тофик Меликов. Сказал, что приехал председатель Союза писателей Азербайджана Анар и племянник Самеда Вургуна Мансур Векилов (настоящая фамилия Самеда Вур- гуна тоже Векилов).

Я с благодарностью принял предложение встретиться с ними и порадовался, что увижу Мансура. С ним в июле 1987-го мы в составе небольшой делегации Союза писателей СССР были в Польше. С нами летал прозаик из Туркмении Валентин Рыбин. У нас были хорошие отношения, но с Мансуром я чувствовал себя свободнее. Он меня ничуть не теснил, наоборот, добавлял радости от пребывания в иной стране. Помню, в Варшаве, когда мы с переводчицей пани Марией проходили мимо цветочного магазина, Мансур купил ей несколько роз и сказал: «От нас!» Нужно было видеть, сколь благодарна была немолодая женщина за деликатный знак внимания.

Позвонил Кузнецову домой — он прийти не сможет, неполадки со здоровьем. Попросил меня поговорить с Анаром и пригласить его на встречу в МСПС, в понедельник.

У входа в ЦДЛ встретился с дочкой. Разделись, вошли в Большой зал, где уже полно кавказских людей. У нас места в первом ряду. Здесь же Тофик Меликов, он сказал, что из-за

болезни не смог приехать Мансур Векилов. И напомнил мне, что моё место в президиуме. Познакомил меня с Анаром — коренастым человеком с большой головой, большим лицом и несколько замедленным взглядом. Я сказал ему о предложении Кузнецова встретиться для разговора. Анар не спросил, где и когда, а стал объяснять, что остановился он в представительстве Азербайджана в Москве, в гостевом доме, но, к сожалению, не знает, какой там номер телефона. И времени у него мало, как у всякого гостя Москвы. Так что лучше всего договариваться с Тофиком, он поможет нам связаться.

Открыл вечер Тофик Меликов. Он стал говорить о жизни и творчестве Самеда Вургуна. При этом не удержался от банальностей: и трудно жил Самед в тоталитарном государстве, и под давлением властей, а часто из страха репрессий, писал о вождях — о Ленине, о Сталине; воспевал и восхвалял революцию, социализм и светлое будущее — коммунизм. Не преминул также сказать о выдающемся таланте поэта, его широчайшем творческом диапазоне, правда, в рамках соцреализма. И предоставил слово мне.

Я прочитал обращение Михалкова и решил дополнить его:

— Наше круто изменившееся время, — сказал я, — подвергло ревизии многое из того, что ещё недавно было дорого нам и составляло смысл нашей жизни. Не обошлось без перегибов. Многих хороших писателей, деятелей искусства стали обвинять в приверженности соцреализму. Обязательно утверждается, что всех поголовно писателей держали в узде, что писатели боялись пойти «не в ногу» и, дескать, поэтому писали о вождях, о революции и прочий вздор. При этом забывается, а часто лицемерно отбрасывается тот факт, что наша страна в двадцатые-пятидесятые годы, по выражению Томаса Манна, находилась на революционном подъёме. Писатели, как и подавляющее большинство граждан Советского Союза, строили новое общество, крепя мощь Державы. «Писали из страха?» Кто писал из страха? Маяковский писал о Ленине, о социализме «из страха?» Или Есенин? Или Пастернак и Мандельштам? А какой, скажите, страх владел Самедом Вургуном? Бросают в него камни как в представителя соцреализма, но я сейчас вам прочитаю строки, которыми он завершает своё стихотворение «Рейхстаг» в переводе Павла Антокольского:

Здесь вписаны и ваши имена,
Сыны Баку, сыны родного края.
Пускай придут иные времена,
Ваш подвиг будет жить не умирая.
Вот он стоит, поверженный рейхстаг,

Проломы, бреши, битый камень, щебень,
Куски колонн, провалы, в ста местах
И купола раздавленного гребень…
И падают снежинки на рейхстаг,
Ткут саван для железного скелета,
И внятно говорит картина эта:
Любой завоеватель кончит так!

Каким вождём или каким «режимом» подсказаны эти слова? Из какого «страха» они написаны? И если такие стихи — соцреализм, то я за соцреализм! — так завершил я своё выступление.

23 октября. Завтра день рождения Саши, а подарка у меня ещё нет.

Утром встретился с Кузнецовым. Пришли к нему в кабинет. Он попросил меня побывать на вечере «15 лет независимости», который проводит посольство Казахстана, и, в случае необходимости, выступить от МСПС. Задумался и заговорил совсем о другом:

— Я хочу, чтобы то, что сейчас я вам скажу, осталось между нами. Мне кажется, необходимо от Бояринова передать вам решение всех оргвопросов. Чтобы вы отвечали за оргработу, а ему оставить только экономику. Чтобы вы были здесь, как когда-то Верченко в Союзе писателей СССР. Вы и так этим успешно занимаетесь, но я хочу, чтобы это было официально закреплено за вами. Мы все ждём окончательного решения суда по нашей недвижимости, и тогда мы сможем многое поправить в наших издательских делах, в осуществлении премии для переводчиков. А возможно, и в зарплатах для сотрудников. Как ваше мнение?

Я не мог согласиться с его предложением. Во-первых, большей власти, чем у меня есть, мне не нужно. Мне вообще власть над писателями не нужна, над писателями властен только Бог. Во-вторых, это обязательно приведёт к столкновению между мной и Бояриновым. А подобных отношений нам только и не хватало. В-третьих, как же Кузнецов, такой опытный руководитель, не понимает, что он делает? Если для него это попытка ещё больше приблизить меня к себе, то весьма неуклюжая. И ещё более неуклюжая, если он таким образом хочет укрепить меня.

— Феликс Феодосьевич, я думаю, делать этого не нужно. Мы с вами уже работаем, у нас неплохо получается, и будем работать дальше. Пускай всё остаётся как есть. У нас в коллективе сейчас неплохая обстановка. Всё идёт, как задумано, как определено нашими планами.

— Ну хорошо, — согласился он. — Так и будем действовать.

Кажется, в этом объединяющем обоих «так и будем» есть понимание того, что он видит мою правоту и согласен со мной.

24 октября. Вечером всей семьёй отмечали Сашино тридцатилетие. Подарили ему две рубахи и галстук. У папы юбилей, а все разговоры о дочке. Она в это время спала в своей кроватке.

26 октября. В «Московском литераторе» вышла моя статья о

слёте городов- героев в Смоленске. Несколько десятков экземпляров газеты я передал генералу Мартынову.

Целый месяц «бушуют» венгры в Будапеште. Поводом к протестам и требованию отставки правительства социалистов во главе с Дюрчанем послужило его признание в том, что они (правительство) врали народу о положении дел в венгерской экономике. А тут подошёл юбилей — 50-летие печально знаменитого венгерского восстания. Или революции, как принято сейчас называть. Тогда советские танки яростно расправились с восставшими. Более 700 наших солдат и офицеров погибли в той операции. Но порядок в Венгрии навели. По плану «Вихрь», который разработал тогдашний министр обороны СССР маршал Г. Жуков, в Венгрию вошли 17 дивизий в количестве 60 тысяч человек и 6 тысяч танков. Руководил операцией маршал И. Конев.

Кроме того, под руководством Яноша Кадара для подавления восстания были созданы отряды «фуфаечников», как их называли сами венгры. Такое название они получили потому, что с советских складов им выдали военные фуфайки. Их численность составила 25 тысяч человек. Они сыграли важную роль в наведении порядка в Будапеште, а потом были преобразованы в Народную милицию.

Главный организатор венгерской революции, бывший сексот Ежова-Ягоды Имре Надь (возможно, один из тех, кто расстрелял царскую семью) был казнён. А вместе с ним и более 200 его активных помощников.

Ныне многие историки и политики утверждают, будто бы венгерские события 1956 года предопределили будущий распад СССР и всего социалистического лагеря. На Западе бурно восхваляют венгров за их революцию. Но и сейчас Венгрия, в основном Будапешт, бушует, кипят страсти, идут столкновения с полицией, вдребезги разлетаются витрины магазинов, поджигаются автомобили. И, странное дело, всё это происходит только в тёмное время суток. А днём служащие идут на службу, рабочие — на работу, студенты и учащиеся — на учёбу. Хороши волнения, которые возникают как по взмаху дирижёрской палочки.

Решил точнее узнать, что там происходит. Позвонил в Петербург писателю Сергею Владимировичу Вольскому. Его дед Г. Зуккау, первый переводчик на русский язык «Бравого солдата Швейка», расстрелян в 37-м как враг народа. Его внук, Сергей Вольский, ещё в детстве самостоятельно освоил венгерский язык и стал переводить многих венгерских прозаиков, поэтов, драматургов. Ему принадлежит и перевод книги Жолта Харшаньи «Грёзы любви» — о жизни и творчестве Ференца Листа. Много раз

Сергей Вольский бывал в Венгрии, подолгу жил и работал там, — кому как не ему знать нынешнюю обстановку.

К сожалению, он не особенно осведомлен о том, что там происходит. Его связи с Венгрией, с писателями и переводчиками практически прекратились. Чем там всё кончится, трудно сказать. Скорее всего, заставят правительство уйти в отставку, а что будет дальше — время покажет. На Западе никто всерьёз к нынешним венгерским событиям не относится, венгров не любят, так же как и румын.

— Может быть, потому, что они во время Второй мировой воевали на стороне Гитлера? — спросил я.

— Нет, это уже забыто, просто сейчас ничего хорошего собой венгры не представляют. Думали, вступят в НАТО и Запад их озолотит, а выяснилось, что Западу на них наплевать. У Запада свои проблемы.

— Но и к России они не особенно льнут. Наоборот, при каждом удобном случае стараются подчеркнуть своё негативное к нам отношение.

— К России сейчас никто не льнёт. При таком «могуществе», какое мы собой являем, Россию и дальше будут гнобить. И нужных России перемен трудно ожидать. В общем, мало хорошего, но жить надо.

Мне сделалось не по себе от горьких слов этого талантливого человека. Вспомнил, что и дома у него не всё благополучно, немалые проблемы с единственным сыном. Захотелось сказать ему что-то хорошее, и не удержался:

— Разговаривал недавно с Феликсом Кузнецовым и предложил ему учредить в МСПС Международную литературную премию для переводчиков, дав ей имя Николая Ивановича Гнедича.

— Нужная премия и хорошее название. Но Кузнецов охладил твой пыл — нет денег?

— Не совсем. Он вспомнил, что в Союзе писателей СССР была премия «Лотос», но из-за отсутствия средств она потеряна. Надо восстанавливать, но для этого нужно выиграть суд над Ларионовым. И вернуть помещение, которое он продал за бесценок и которое приносило основной доход.

— Будем ждать, — сказал Сергей.

…Интересно, есть ли богиня Ожидания? И как она выглядит? Наверное, многолика?

В конференц-зале — представление семитомника серии славянской поэзии «Из века в век». Испытал удовольствие оттого, что не нужно выступать, а можно только сидеть и слушать.

Позвонил в Петербург Борису Орлову, напомнил о вечере

питерских писателей в Москве, но тот стал кивать на Владимира Скворцова: дескать, у него сейчас туго с финансами, а сами писатели вряд ли смогут оплатить дорогу в Москву и обратно.

— Бухгалтерия МСПС выделяет 5 тысяч рублей на проведение вечера, — сказал я. — Но дорогу вам придётся оплатить самим.

— Будем искать средства, — сказал Борис Александрович.

30 октября. С утра на улице белым-бело — в Москву вернулся первый снег. И, выходя из дома, хочется как следует вытереть ноги, чтобы не испачкать его. Снег облепил деревья и кусты, а на земле и на асфальте быстро тает, полно глубоких и мелких луж. В общем, раздолье для нашей Марии. Я не запрещаю ей ходить по лужам: когда же и ходить, если не теперь!

Получил письмо из Америки от Славы Гозиаса. В нём он обрушивается на американскую действительность, на почту, на порядки: «.Бушу, вроде бы, не усидеть на пьяной заднице. Одно безусловно: врать и пропагандировать американцы умеют лучше русских и старательней. Причём во всём, включая рекламу товаров и продуктов, где получается так, что американцы лучше иных людей, а товары их высшего качества, хотя большинство товаров делается в Китае и Японии, Корее и Латинской Америке. Ну их к чертям. В газетках родного Отечества, которые изредка читаю, вовсе перестали попадаться знакомые имена — ни в культуре, ни в общественных упражнениях. Вероятно, по новым временам культура не в почёте — так, шуты при олигархах, как в древние времена. (.) Чубайс назвал новую Россию либеральной империей, а это всё равно что нос в заднице с выходом подмышкой.»

Оригинально пишет Слава, причём всегда. Но не это главное, а главное то, что не нашёл он себя в Америке. Не прижился, а лишь пристроился. И прижиться нет ни времени, ни сил. О Президенте Буше пишет, как журналист средней руки, хотя писатель, автор двух десятков книг стихов и прозы. Две из них помог выпустить я в издательстве «Дума», на средства автора. Первая — сборник повестей и рассказов «Васильевский остров», вторая — роман «Музыка по Оглоблину». Вполне профессионально, и такое ощущение, что он никуда не уезжал, а продолжает жить в СССР, в Ленинграде. И время у него прежнее, шестидесятые-семидесятые. И герои тоже наши, с милыми (если оценивать из нынешнего времени) недостатками. В своих сочинениях ни слова об Америке, будто и нет её. И не было. И не будет.

«Остановись, мгновенье!..» Для Славы Гозиаса оно остановилось. Счастливый Слава Гозиас. Но вот насколько?

2 ноября. Мария, когда ей задаёшь какой-нибудь вопрос,

чётко отвечает: «Да». Она уже хорошо произносит: «Галя», «бабочка — бабаль», «пить — па».

Проявляет интерес к зеркалу, но ещё не понимает, что видит в нём себя. Думает, это телевизор. Пользуйся, Машенька, зеркалом, оно помогает человеку выглядеть пристойно, потому что заставляет не только посмотреть на себя, но и заглянуть в себя. А телевизор, так же как спички, детям опасен.

Иногда задумаешься, какое гениальное изобретение — телевизор. До недавнего времени он занимал второе место после книги. А сейчас на третье место его потеснил компьютер. Если бы ещё использовали эти изобретения по назначению, а то ведь, в основном, кажут нам собрание дураков и нравственных развалин. Впрочем, оставим больную тему, немало других.

Рано является ночь, к шести вечера уже темно. Кроме нас, никто с маленькими детьми не гуляет.

Грядут праздники. Чтобы предать забвению праздник Великой Октябрьской социалистической революции, изворотливые умы придумали «День национального единства». И нашли повод — около четырехсот лет назад народное ополчение под водительством Минина и Пожарского выдворило поляков из Москвы. Только сейчас об этом вспомнили и, что называется, «потеснили» одно событие другим. Но и на этот раз вышло не по-людски. Уточню: 7-го ноября 1941 года, когда враг стоял у стен Москвы, на Красной площади состоялся военный парад войск Красной Армии, посвященный 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Он, по утверждению участников, историков и очевидцев, добавил сил сражающейся стране, вдохновил на борьбу против фашистской нечисти. И вот спустя 65 лет принято решение реконструировать это событие и провести новый парад в память. исторического парада. То есть праздновать нынешний день рождения во имя предыдущего дня рождения, а не во имя того, кто в этот день родился. Ну, сущий бред, иного не скажешь.

Мир меняется к худшему, это самая большая опасность. Всё больше отдаляется Бог, всё активнее ведут себя бесы — от комаров до либералов.

Часто задумываешься над теми нелепостями, которые как будто в силу малой культуры, а на самом деле математически расчётливо учиняют власти предержащие в нашей стране. Неужели не боятся, что рано или поздно все эти «нелепости» им вылезут боком? Нельзя же бесконечно глумиться над здравым смыслом и плевать в душу народа!

Нужна национальная идея развенчания позорной мысли, что можно жить без культуры, а только с «баксами».

5 ноября. Скорбный день нашей семьи: четыре года назад ушла из жизни мама Саши — Людмила Леонидовна. Она немного не дожила до 50-ти. Рак. Я познакомился с нею за два года до её смерти. Статная, красивая женщина, талантливая рассказчица. Особенно интересны её рассказы о сыне Саше. Все женщины хорошо рассказывают о своих детях, потому что любят их. Но Людмилу Леонидовну отличала одна особинка — она говорила о сыне, не приукрашивая его, не стараясь обязательно уверить вас в том, что её сын лучше всех. Так может рассказывать друг, который понимает, что тот, о ком он рассказывает, не лишён недостатков.

Она приезжала к нам в Петербург без Саши — сын после «Можайки» служил в Якутии на станции слежения за спутниками. Мы с Галиной и дочкой были рады её визиту. И тогда же Людмиле Ивановне и нам стало ясно: быть свадьбе.

Она состоялась через два года. Но Людмила Ивановна была уже смертельно больна. Похудевшая и словно бы ставшая намного старше, она держалась так, чтобы не омрачать своею болезнью торжество молодых.

Всей семьёй поехали на кладбище, в Сколково. По слухам, здесь собираются построить и открыть помпезный научный центр, так называемую русскую «силиконовую долину». А куда же тогда РАН?!.. По дороге купили цветы. На кладбище среди множества могил и памятников есть и наша оградка, за которой две могилы и два деревянных креста. Рядом с могилой Людмилы Леонидовны могила и крест отца Саши, Николая Ивановича. Уже заказали памятник, который собираемся установить весной. Николай Иванович прожил на два месяца дольше Людмилы Леонидовны, с которой когда-то вместе рос и учился в одном классе, он умер от сердечной недостаточности.

Саша положил розовые гвоздики на могилу мамы, красные — на могилу отца.

Когда собрались уходить, мне показалось, что цветы не совсем хорошо лежат, что их нужно поправить. Я вошёл в ограду и вслед за мной в новых, только вчера купленных огромных ботинках вошла Мария. Стала прохаживаться между могилами, споткнулась, упала и заплакала. Её слёзы подчеркнули скорбность минуты.

Вскоре после того, как мы вернулись домой, к нам приехал Сашин дядя — родной брат его мамы Александр Леонидович (внешне похожий на Влада Листьева). Он купил новую машину «Нисан» и на ней уже после нас заезжал на кладбище. С ним я познакомился несколько лет назад в Питере, на свадьбе его дочери Наташи, которая вышла замуж за питерского парня Диму.

Наташа имела высшее юридическое образование, но рождение дочки, а потом сына не позволяло ей тратить много времени на службу. И тогда я пригласил её на должность бухгалтера в писательскую организацию. Галина помогла ей освоить это дело, и несколько лет она работала у нас, где была минимальная зарплата, но где не требовалось постоянного присутствия.

Наташа хороша собой: рослая, чуточку похожа на красивую японку, с милой, трогательной улыбкой и умным, тёплым взглядом. После того как её родители развелись, мама осталась в Петербурге, а папа уехал в Москву и женился на Нине Александровне. Маленькая Наташа стала жить в семье Докучаевых и расти вместе с Сашей. Так и выросли. Наташа стала учиться в юридическом институте, а Саша уехал в Петербург и поступил в Военно-космическую академию имени Можайского. Теперь Саша вернулся в Москву, а Наташа избрала Петербург.

Второй раз мы с Александром Леонидовичем встретились опять в Питере и опять на свадьбе, только теперь уже моей дочки. Наше родство крепнет, чему мы оба рады. Правда, редко видимся.

6 ноября. Продолжил работу над детской повестью «Сказание о славном герое Пете, победившем короля Алкоголя и принца Никотина». Когда-то по совету Радия Погодина я стал переделывать их на Дымов. Потому как появился ещё один, даже не король, не принц, а император — Наркомор. Думал даже создать одного змея, трёхглавого. Но слишком громоздким для моего сказания будет это чудовище. И его аббревиатурное имя, например, НАРНИКАЛ. Ужас! Пришлось остановиться на Дымах.

По 1-му каналу ТВ идёт передача «Пусть говорят». Сегодня она посвящена предстоящему показу фильма «Тихий Дон». Но речь почему-то не о романе, не о событиях мировой важности, которые в нём отражены, а про дела альковные, постельные — кто кому изменяет, кто от кого ушёл. Приглашены в передачу какие-то бесстыжие «казаки и казачки» с тихим умом и громким голосом, которые, ничуть не стесняясь, говорят об изменах. И думаешь: как умело нынче разработаны телетехнологии, чтобы выхолостить, исказить великое произведение, сместить акцент с большого на малое, с крупного на мелкое и пошлое.

Жаль, что в передаче приняли участие Феликс Кузнецов и Юрий Поляков — нет у них в ней ни голоса, ни роли. И особенно жаль, что участвовали две внучки Шолохова — две умные, красивые казачки. Неистребимо желание людей, неуверенных в себе, любым способом оказаться на экране.

7 ноября. 89-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции. Для одних, несмотря на трагедию Гражданской войны, это величайшее событие 20-го века,

призванное построить справедливый мир, для других — сталинизм и установление тоталитарного режима. Эти другие особенно буйствуют, не гнушаясь никакими способами, чтобы подчеркнуть своё негативное отношение к тому, что произошло почти девять десятилетий назад. При этом лгут и очерняют нашу историю безбожно. Лет двадцать назад, в составе небольшой группы питерских книголюбов я выезжал в совхоз, в отдалённый уголок Ленинградской области. Вошли в зал Дома культуры, и первое, что бросилось в глаза, — красивые серебристо-голубые занавески на окнах. И почти весь низ в чёрных и серых пятнах — посетители не стеснялись вытирать о них грязные, в мазуте, руки.

Так и с нашей историей — либо делают из неё продажную девку, либо вытирают о неё грязные руки кому не лень. И не боятся оставить отпечатки пальцев.

Обнаружил в Сашиной библиотеке воспоминания маршала Жукова в трёх томах. Стал читать, раньше не удосужился. Пишет бегло, почти лапидарно. Без глубин, но со знанием дела, обстановки, событий. Крайне скупо о себе. Но это первый том, интересно, что дальше?

Во втором томе, после событий под Ленинградом и прорыва блокады, Жуков описывает битву под Москвой, хотя она состоялась годом раньше. Не вижу в том логики, по-видимому, автор просто не редактировал рукопись. Удивлён, что до сих пор не сляпали сериала на такую выгодную для хулителей и ниспровергателей советского прошлого тему.

По ТВ показали первую серию «Тихого Дона» — последний фильм Сергея Бондарчука, работу над которым из-за нехватки средств он не успел закончить. Много лет материалы фильма пролежали на полке, пока за них не принялся сын выдающегося режиссёра Фёдор. Было много рекламы, восторженного ожидания, сенсационных сообщений о судьбе картины, о финансовом нажиме итальянского продюсера Энцо Рисполи, который настоял на том, чтобы в главных ролях снялись и разговаривали по-английски зарубежные актёры. Всё это не могло не сказаться на качестве картины и на её восприятии простыми зрителями и киноведами.

Уже в первой серии видно, что имеющая русские корни француженка Дельфин Форест и англичанин Руперт Эверетт с большим трудом воспринимаются как шолоховские Аксинья и Григорий. Не по себе, когда видишь, как дородная, бедристая казачка Аксинья, «набрав» воды, идёт от реки почти с пустыми вёдрами. Втиснули бы в каждое ведро по футбольному мячу как-нибудь так, чтобы они не всплыли, и заполнили остальной объём водой — была бы хоть иллюзия, что вёдра действительно полные.

И так во всём, как будто в недодачу.

8 ноября. С Кузнецовым вел разговор о 25-томнике. Прочитал ему список авторов, который подготовил за выходные. Согласились, что он может быть основой. Но вот вопрос — не узким ли окажется ряд писателей, если на каждого из них выделить по одному тому? Значит, придётся «уплотнять», кого-то с кем-то соединять. Может быть, Пушкина с Лермонтовым или Тютчевым, Тургенева с Гончаровым, Гоголя. с кем Гоголя? С Салтыковым-Щедриным? Или с Достоевским, который «вышел из гоголевской шинели»?

Вторая серия «Тихого Дона» мало что поправила. Понимаю, нельзя требовать полного соответствия от экранизации. Налицо эклектика, нестыковка, неопределённость многих действующих лиц — кто они? откуда взялись? Наверное, хорошо тому, кто не читал романа.

9 ноября. В конференц-зале проходило расширенное заседание Общественного совета по киргизской литературе, совмещённое с днём рождения его председателя, ответственного секретаря журнала «Юность» Бориса Константиновича Рябухина. Позавчера ему исполнилось 65 лет, и он подчеркнул, что является ровесником военного парада на Красной площади.

Открывая заседание, я сказал несколько слов о его творчестве. Только что я прочитал его книгу прозы «Выход в небо» и книгу стихов «Избранное». Наиболее впечатлила историческая драма «Царь Иван» в стихах. И не драма это, а трагедия.

Царь Иван VI почти с рождения был лишён власти, заключён под стражу и поначалу находился в тюрьме под Ригой, потом в других отдалённых от столицы местах. А когда ему исполнилось 16 лет, его заточили в Шлиссельбургскую крепость, в одиночную камеру, где он провёл семь лет, пока его не закололи. Трудно такому поверить, но это же было, это исторический факт.

Есть читатели (и писатели), которые не верят Дмитрию Кедрину — автору знаменитой поэмы «Зодчие», — дескать, не мог царь ослепить создателей изумительного по красоте храма, дабы они не построили другого, ещё краше. А в историю с царём Иваном Шестым верите?

Написана поэма со знанием не только истории, но и самой Шлиссельбургской крепости. Я много раз бывал в ней, в её бастионах, в разрушенной церкви и восстановленной в качестве исторического памятника каторжной тюрьме. Как-то летом привёл в тюрьму друга своего детства, многократного зэка Валентина Семёновича Липкина. Тот, переступив порог каменного узилища и заглянув в камеру, тут же выскочил на волю

и сказал, что в такой тюрьме он не может находиться даже в качестве туриста — страшно!

Предлагал побывать в крепости Радию Петровичу Погодину, когда мы с ним приезжали в Морозовку, — тоже отказался. «Нет, старичок, тюрьму я уже освоил, больше не тянет», — сказал он и подставил бородатое лицо к солнцу. В своё время Погодин «оттянул» срок на Металлострое за то, что нелестно отозвался о первом секретаре Ленинградского обкома партии А. Жданове. В интервью ленинградскому писателю Михаилу Кононову в конце 80-х Радий Петрович поведал, что сел он за выраженное вслух недовольство Ждановым, когда тот подверг гонениям Ахматову и Зощенко. А мне он в 1975 году, во время нашей с ним поездки в Новгород рассказывал иначе:

«После войны я оказался в Москве и пришёл работать в газету военизированной пожарной охраны. Раз военизированная, значит, присяга. Однажды в редакции кто-то рассказал, как Жданов, принимая в Смольном композиторов Прокофьева и Шостаковича, сел к роялю, наиграл им что-то из композитора Лысенко и воскликнул: «Вот какую музыку надо писать!» «Дурак! Что он лезет не в своё дело?!» — сказал Погодин и пошёл домой. А поздним вечером к нему прибежал сотрудник редакции: «Когда ты ушёл, явился редактор газеты. Ему доложили, что ты ляпнул про Жданова. Редактор пожал плечами и говорит: «Я надеюсь, товарищи, вы понимаете, что я должен сообщить об этом туда?» — показал глазами на потолок. Так что беги, Радик, заметут».

И Радик побежал. Полтора года бегал по стране, а потом явился к маме, в Ленинград. И тут его взяли. Отобрали воинские награды, среди которых два Ордена Славы, и дали пять лет.

Почему он Кононову рассказал иначе, я не знаю. Возможно, в тот момент иная версия была актуальнее?..

А в целом заседание Общественного совета по киргизской литературе прошло хорошо.

10 ноября. Утром на Казанском вокзале встретился с Иваном Моисеевичем Мартыновым, едем к нему на дачу в Красково. Невысокого роста, в тёмно-сером пальто и зимней шапке-ушанке, да ещё с палочкой-помогалочкой в руке, он совсем не похож на военного человека. И только по взгляду, по посадке головы видно, что это боец, готовый, если надо, не только выслушать команду, но и отдать её.

В электричке он рассказал, что участвовал в войне на Дальнем Востоке, потом окончил Военно-политическую академию имени Ленина, служил в Прикарпатском военном округе и в Группе советских войск в Германии и, к своему удивлению, стал генералом, хотя особых заслуг не имел.

Мне хорошо известна природная русская скромность, когда человек не только не выпячивает своих заслуг, но даже словно бы стесняется их. Помню, в Ленинграде, в концертном зале «Октябрьский» чествовали ветеранов Великой Отечественной войны. Среди них — пожилую женщину, которая, будучи на фронте санитаркой, вынесла с поля боя около ста наших солдат и офицеров, спасла их от смерти. За это её наградили орденом Ленина. А когда предоставили ей слово, она стала рассказывать не о себе, а о своих фронтовых подругах, у которых она училась быть нужной и полезной на войне.

Иван Моисеевич какое-то время ехал молча, смотрел в окно. Потом рассказал, что почти два года назад умерла его жена Наташа. 55 лет они прожили вместе, и вот остался один. Да, у них дети, внуки, правнуки, но потеря близкого человека — трагедия. И было бы ещё хуже, если бы не ощущение, что она где-то рядом, потому что он с нею советуется, разговаривает, хотя и не ждёт, что она вернётся.

Наша станция. Двинулись к даче по заснеженной, слякотной дороге. Сначала это была улица с домами по обеим сторонам. А затем слева, справа и спереди стали расти заборы — один выше другого. И не просто заборы, а стены, за которыми ничего не видно и не слышно. Сплошной жёлоб, даже не представляю себе, как мой тёзка находит к своему дому дорогу.

Мы живём в заборное (призаборное, подзаборное, зазаборное) время. Куда ни поедь, ни пойди — заборы: низкие, высокие, прозрачные, глухие, деревянные, каменные, железные, — каких только нет. Особенно густо растут они в дачных местах, где, казалось бы, и не место им совсем, а должны быть простор и воля. Идёшь по улице, как по лабиринту, лишь узенькая полоска неба над головой. Оберегают имущество от воров? — никакой забор имущество от вора не убережёт. Сами воры прячутся за своими заборами от честных людей? — если и так, то далеко не все. Мой дом — моя крепость? — ну, так дом же, а не забор. Скорее всего, мода на крутизну, на демонстрацию материальной основательности, которая должна с ходу бить в лоб — хозяин богат, а значит, недоступен и неуязвим. В детстве я приезжал в деревню к бабушке. Заборы там, в основном, из жердей и только по сторонам улицы — от скота. А все огороды как одно большое поле. За огородами — выгон, оселица, поле, а вдали синеет лес, и всё это открытое, доступное, как продолжение тебя самого. И едва заметная тропинка, зовущая в дали неизведанные. Заборы не просто разделяют, они кладут конец человеческому родству.

Но вот и дача. Тоже за высоким, тёмно-зелёного цвета, непроницаемым для глаз забором. Открыли ключом калитку, и я

подивился, какой красавец-дом у моего старшего друга. Новенький, светло-розовый, двухэтажный, с просторным двусторонним крыльцом, большими окнами, красивой покатой крышей. Вспомнилась песенка: «Как хорошо быть генералом!..».

Вошли. Поздоровались с пожилой женщиной — старшей сестрой невестки Ивана Моисеевича. Галина Викторовна помогает вести хозяйство. Разделись. Осмотрели дом. Сначала подвал, в котором прекрасно оборудован спортивный зал: тренажёры, штанга, гири, теннисный стол. Кроме зала, несколько подсобных помещений, раздевалки, душевые и проч.

Первый этаж — большая, метров 40, гостиная. В ней — обеденный и письменный столы, модная мебель «под старину», книги, картины. Здесь же, на первом этаже, — четыре или пять комнат, ванная, туалет. На втором — несколько комнат, ванная, туалет. И всё это в идеальном состоянии, чистота, уют, играет негромкая музыка, похоже, Рахманинов.

Невольно вспомнил свою дачу за Рощино, под Ленинградом. Нет, не ради сравнения, а так, ради тёплого чувства, с которым я всегда вспоминаю наш небольшой деревянный домик в садоводстве «Антракт». Сюда мы приезжаем на электричке, идём 20 минут по лесу и попадаем в зелёное царство. А здесь последние два лета — наша Мария, бабушка Галя, дочка Оля, зять Саша. И небо, которое всегда над тобой, — солнце там или луна со звёздами, грозовые облака или утренняя заря. И птицы: трясогузки, сороки, сойки. И близкий — весь июнь и до середины июля, до поры, когда начинает колоситься рожь, — печальный голос кукушки. А ворон нет, они давно и прочно поселились в городах.

Теперь там глубокая осень, можно сказать, предзимье, скоро вернётся долгая зима, а потом, после короткой весны, столь же короткое северное лето. Но и этого немало, раз вспоминается с ностальгическим чувством.

— Да, Иван Моисеевич, дача у вас — красавица. Неужто на генеральские доходы?

— Куда там! — махнул он рукой. — Сын построил, он занимается средним предпринимательством. Но было это лет 7–8 назад. Теперь бы не смог. На словах Президент говорит о поддержке среднего предпринимательства, а на деле душат безбожно.

Обедали втроём. Была уха, приготовленная самим генералом из рыбины большого размера, слегка пересоленная, но, в общем, ничего. Лёгкая закуска и немного водки к ней. Выпили за юбилей Ивана Моисеевича — ему в феврале «стукнуло» 85.

Галина Викторовна рассказала, что живёт она в Киеве, там у

неё семья, дети, внуки. Но все уже взрослые, так что вполне обходятся без неё. Сама она там жить с ними не может — одолела жуткая бедность, неестественность бытия, когда все друг другу врут, все ударились в политику, не жизнь, а мука. Стала уважительно говорить о Беларуси, о Лукашенко. Она бывала у родственников в Минске, и ей там многое по душе. Потому что всё основательно, по-государственному, а главное — правительство заботится о народе.

Узнав, что я переехал из Петербурга в Москву, покачала головой и сказала, что ей не нравится переименование Ленинграда.

— А я считаю, правильно сделали, — сказал Иван Моисеевич. — Нужно возвращать городам их исторические названия. Вот я родился в Вятской области, и хотя считаю Сергея Мироновича Кирова выдающимся государственным деятелем, но думаю, что городу Кирову надо вернуть прежнее имя — Вятка. И конституционно запретить на будущее всякие переименования. Особенно городов и селений с большим историческим прошлым.

— Ну, ваш Киров не отстаивал себя в героической блокаде, как Ленинград, — вздохнула женщина.

В душе я был согласен с Иваном Моисеевичем, но также понимал, что имела в виду, говоря о Петербурге-Ленинграде, его свояченица. Чтобы не разгорался спор, я напомнил, что Санкт-Петербург — историческое название, а героическое — Город-герой Ленинград. И попросил её рассказать о себе.

Галина Викторовна, в прошлом учительница младших классов, много лет отдала школе. И до сих пор скучает по своей прежней работе, потому что любила детей и дети любили её.

— Сбросить бы годков тридцать, я бы вернулась в школу, — сказала она, и в глазах её зажглись молодые искорки.

После обеда Иван Моисеевич принёс небольшую, красиво изданную книгу, которую выпустила его дочка Лена. В ней она собрала письма бабушки внукам, стихи и размышления мамы. Стихи как стихи, написанные от души и оттого похожие на поэзию.

Меня тронул поступок дочки Ивана Моисеевича. Не в каждой семье дети после ухода из жизни родителей берегут о них память. Даже о тех, кто до конца дней своих оставались отцом и матерью и достигли немалых высот в избранном деле. Я знаю нескольких известных писателей, дети которых после их смерти предавали забвению их творчество и легко отправляли писательский архив и рукописи на свалку. А дочка Ивана Моисеевича другая, она и такие как она делают это даже не столько для внуков — дескать, вот какие у вас были бабушка с дедушкой, — сколько для себя.

Чтобы душа как можно дольше не расставалась с теми, кто дал нам жизнь и потом всеми силами поддерживал её в нас многие годы.

Сели к письменному столу и вместе с Иваном Моисеевичем записали его впечатления от встреч с делегациями школьников из городов-героев России, Украины и Беларуси. Они создали в своих школах военно-исторические музеи и приехали в Москву обменяться опытом работы.

Вечером Иван Моисеевич проводил меня на электричку, и мы расстались.

15 ноября. Российская академия наук. Переполненный Президентский зал. Конференция, посвящённая выходу в свет факсимильного издания рукописи романа «Тихий Дон».

Поскольку мама Михаила Александровича украинка, материальную поддержку издания осуществляли финансовые и общественные организации Украины, прежде всего благодаря её экс-Президенту Леониду Кучме.

Много всевозможных домыслов, фантазий и откровенных спекуляций ходило об авторстве «Тихого Дона». Злобные, невежественные, часто враждебные голоса утверждали, что не Шолохов автор «Тихого Дона». Дескать, не мог 20-летний паренёк написать самый выдающийся роман XX века. В особенности разнузданно повели себя «оппоненты», когда стало ясно, что большая часть архива писателя пропала во время войны. Отказывали Шолохову в авторстве «Тихого Дона» даже такие известные лица, как Солженицын и Набоков. Последний в предисловии к своему педофильскому роману «Лолита» назвал Шолохова «картонным героем “Тихого Дона”».

Однако многие десятилетия рукопись разыскивали все, кому дорога судьба русской литературы, русской культуры. Один из них и, возможно, главный — бывший директор Института мировой литературы имени Горького Феликс Кузнецов. Другой — московский журналист Лев Колодный. И поиски привели к успеху.

Президиум РАН при поддержке Президента России В. Путина приобрёл оригинал рукописи «Тихого Дона» за 200 тысяч долларов.

Казалось бы, теперь, когда найдена рукопись, господин Солженицын должен покаяться, попросить прощения за обвинение в плагиате покойного автора. Нет, молчит наш классик, ставший знаменитым на хуле всего советского. Что это, как не признак мелочности характера истинного героя ГУЛАГа. Но ведь и не может он по-иному, потому что начат выпуск 30-томного собрания сочинений этого уникального в русской

литературе писателя-мстителя. Фёдор Михайлович Достоевский, приговорённый к смертной казни, заменённой потом каторгой, ни в своих произведениях, ни в дневниках не сводил счёты с царём и государством. Солженицын другой.

Президент РАН Ю. Осипов в своём вступительном слове сказал о большом событии — публикации факсимильного издания рукописи.

Посол РФ на Украине В. Черномырдин порадовался выходу издания и назвал имена тех, кто помогал его осуществить.

Председатель СП России В. Ганичев сказал:

— Нынче много говорят о Шолохове, всё ещё не успокоились наши недруги. Но теперь, когда мы держим в руках издание рукописи, их голоса становятся тише и невнятнее.

На мой взгляд, лучшим было выступление Ф.Кузнецова.

— Обретение рукописи «Тихого Дона», — сказал он, — можно сравнить с другим выдающимся событием — с обретением рукописи И. Тургенева «Отцы и дети». Это событие вносит ясность и ставит точку в самом крупном, яростном споре об авторстве «Тихого Дона» — книги, которая удивила весь мир. И не могло не быть реакции отторжения. Главная причина — многие не могли поверить, что 20-летний паренёк мог создать такое произведение. Как такое возможно?! Через 5–6 лет после революции, Гражданской войны выходит книга вселенского масштаба. Книга, в которой на одну доску ставится движение белых и красных. И одна из её главных мыслей о том, что невозможно построить счастье людей на горе, на унижении. Так что, действительно, «двадцатилетний паренёк» не мог, а двадцатилетний гений это сделал.

В подарок каждый участник конференции получил факсимильное издание рукописи романа «Тихий Дон», ксерокопию его 1-й страницы и книгу Феликса Кузнецова «Судьба и правда великого романа».

19 ноября. Большой зал ЦДЛ. Вечер, посвящённый 60-летию со дня рождения поэта и переводчика Михаила Синельникова. В зале сплошная молодёжь — студенты Лингвистического университета, казахи, киргизы.

Открыл торжество Андрей Турков. Выступал Евгений Рейн, как всегда увлечённо и по существу. От МСПС выступил поэт Глан Онанян, с глубоким уважением к юбиляру рассказал о его творческом пути, о том, сколько труда он вложил в переводы национальных поэтов. Вслед за ним на сцену с полиэтиленовым пакетом в руках поднялся также сотрудник МСПС Альфред Поганян. Это было крайне неудачное выступление, удручающее своей заискивающей, если не сказать лакейской, манерой. Он

стал перечислять множество имён переводимых Синельниковым поэтов с некими двусмысленностями, увёртками, с весьма неуклюжим преподношением каких-то подарочков из полиэтиленового мешка. В общем, стыд.

Вышла поздравить поэта и Турсунай Оразбаева. Вместо чтения всяких там адресов и лишних слов она без музыкального сопровождения исполнила на казахском языке арию Татьяны из «Евгения Онегина». И получилось хорошо.

На юбилее мы были с Галиной. Она сказала, что вечер удивительный — ни слова в осуждение прошлого нашей страны, ни слова о героях с портретов, а только о творчестве, о поэзии.

20 ноября. Ко мне в кабинет пришла Турсунай, попросила помощи в проведении запланированного нами в ЦДЛ вечера «Пушкин — Абай».

Я похвалил её за вчерашнее пение.

— Что вы, Иван Иванович, это произошло потому, что я забыла очки. И не могла прочитать ни послание юбиляру Союза писателей Казахстана, ни собственное стихотворение в переводе Михаила Синельникова.

— Видите как? Хорошо, когда у человека есть запас, — сказал я.

22 ноября. Несколько дней назад завершили показ «Тихого Дона», у которого, на мой взгляд, не было режиссёра. Не знаю, почему создателем фильма называют Сергея Бондарчука, — не его это работа, по крайней мере, не такая, как его другие фильмы. И дело даже не столько в подборе исполнителей, сколько в скудости событий и плоскости их подачи. Удался Дон, его берега, воды, небеса над ним. Но ведь всё это существует и без фильма! Есть и другие маленькие удачи, в их числе — исполнитель роли отца Григория. Всё остальное натужно, неестественно, словно бы не по роману. Нет смысла сравнивать этот фильм с фильмом Герасимова — там жизнь, любовь, борьба; там мировой сдвиг, трагедия великого народа. А здесь — мелкие интрижки, да и те как будто невсерьёз. Не зря Герасимов просил Бондарчука при его жизни картину не снимать. Бондарчук и не снимал.

Вместе с тем правильно сделали, что выпустили и показали. Полезно для опыта: кто будет делать новый фильм по «Тихому Дону», обязательно учтёт все удачи и недостатки предыдущих картин. Я же с ещё большей симпатией и ностальгическим чувством вспоминаю геров из фильма Герасимова — Аксинью (Элина Быстрицкая), Григория (Петр Глебов), Наталью (Зинаида Кириенко), маму Григория (Елена Максимова). И подступает чувство жалости к ярким, красивым людям, брошенным в хаос жизни, в пекло Гражданской войны. Испытываю глубокое

уважение к изумительной женщине, актрисе Элине Быстрицкой. Она одна из тех, кто в перестроечное время, когда многие её коллеги побежали за невесть откуда взявшимися властями, чтобы лизнуть им задницу и лишний раз поскулить, как им было плохо в советскую эпоху, сохранила чувство собственного достоинства и благодарность стране, в которой стала народной артисткой Советского Союза. Господь Бог увидел это и сохранил ей на всю жизнь красоту.

26 ноября. Пока Галина и Ольга готовили ужин, мы с внучкой вышли погулять. Направились к школе. У хоккейной коробки увидели нескольких родителей с детьми. Маша сразу устремилась к ним, а ей навстречу, раскинув руки для объятий, бросилась девочка в красном пальто, ровесница или чуть старше. Я думал, радуется новой подружке, а вышло иначе. Эта несмышлёная кукла укусила Машу за щёку, и Маша от неожиданности и боли медленно опустилась на землю.

Отец девочки закричал: «Ах ты дрянь! Я тебе покажу кусаться, ты уже не первый раз!» — и ударил её ладонью по губам.

Я остановил его: это дети, у них всякое бывает. Что-то ещё говорил, но папаша меня не слушал. Дёргал дочку за руку, тащил к выходу и называл собакой.

Дома при свете увидели у Маши на щеке две красные дуги от зубов. Ночью она проснулась, показывала место, которое укусила девочка, и жаловалась.

29 ноября. 15 часов. При ресторане, что работает на арендуемых у МСПС площадях (директор Гагик), открылось «Литературное кафе». Руководство и сотрудники МСПС приняли участие в этом торжестве. Ждали, что явится неформальный глава арендуемых у нас помещений — известный криминальный авторитет Аслан Усоян (Дед Хасан). Но не явился, у него много других важных дел. Дед Хасан — особая статья. Его я ни разу не видел, однако речь о нём, а также о некоем азербайджанце Давыдове часто заходит в приближённых к денежным средствам кругах. Если действительно со временем всё тайное становится явным, то есть смысл немного подождать. А там — узнаем.

На открытии кафе выступали: Гагик, Кузнецов, Бояринов. Тосты, речи, здравицы. Много пафоса, хвалы в адрес Гагика, восхищения его деловыми качествами и стремительной разворотливостью. Никто не вспомнил, что когда-то в этом помещении находилась церковь. Теперь кафе, хотя бы и «литературное».

Мы с Салтыковой и представительницами нашей бухгалтерии сидели в небольшой нише, чуть в стороне от основного зала. Я не собирался выступать, ощущая некую брезгливость к тому, что

происходит. Но Салтыкова попросила сказать несколько слов или прочитать стихи, чтоб, уж если кафе «литературное», наше нахождение здесь имело хоть какой-то смысл.

Я начал с иронии — предложил открывающемуся кафе дать название. Например, «У музы». И создать специальный портрет женщины, якобы музы. Гости, занятые едой и питьём, не слушали. В большей степени для гостей нашего стола, чем для других, я прочитал первое пришедшее на ум стихотворение Глеба Горбовского:

Ты всё пытаешься объехать, опередить, обколесить,
обескуражить, — вот потеха: ведь не догонишь, волчья сыть.
Твои очки, твоя гримаска — лишь тучка пыли на глаза…
За что не любишь, мой прекрасный, ведь я такой же клоун сам?
Мы все уйдём домой с манежа.
Желтеет свет, угрюмей львы.
Аплодисменты реже, реже и троекратное — увы.

30 ноября. Вместе с Бояриновым и Кузнецовым провел встречу с группой молодых украинских писателей. Они, пока сидели в приёмной, между собой разговаривали по-русски, а после с нами — по-украински. Мы уважительно отнеслись к их желанию быть «особенными», во-первых, потому, что нам украинский понятен почти как русский, а мне, белорусу, он досконально понятен. Во-вторых, не каждый день тут услышишь мягкую украинскую речь (хотя с фонетикой у наших юных украинских друзей немалые проблемы). И, несмотря на их ершистость, идущую не от особенностей характера, а от тумана, который напустили им «незалеж- ники», мы тепло поговорили о жизни, о проблемах в экономике и в литературе.

Их ершистость, по-видимому, проистекает из давно и постоянно ведущейся антирусской пропаганды. При этом в головы юных и не только юных украинцев втюхивают мысль, что русский язык — это язык врага, оккупанта, «хозяина». И якобы незнание русского языка, его игнорирование делает тебя свободнее и культурнее, а значит, полезнее твоей Родине. Хотя для Родины, как я думаю, важнее не то, на каком языке ты говоришь, а что конкретно ты для неё делаешь. Но это так, между прочим.

Вспоминаю выездной секретариат Союза писателей в Крыму, в 2000 году. Встречались русские, белорусские, украинские и крымские писатели. Беседовали об издательских, переводческих, литфондовских проблемах. Были встречи с жителями Крыма. Одна из них — на всемирно знаменитом винном предприятии «Массандра», что рядом с Ялтой.

С нами провели экскурсию по подвалам, где покоятся гигантские бочки с вином. Познакомили с энотекой, в которой хранится около миллиона бутылок с коллекционным коньяком и вином различной степени выдержки — есть и двухсотлетней! Потом состоялась встреча с одним из главных специалистов этого сложного и красивого дела, доктором биологических наук, профессором (к сожалению, забыл его имя). Он рассказывал историю предприятия. Рассказывал по-русски. Не забыл упомянуть традиции и отметить успехи. Указал причины снижения качества вин, поступающих в торговлю (девять бутылок из десяти — подделка), всё, несомненно, было интересно каждому из нас — пьющему и непьющему.

Поведал он нам и несколько казусов из жизни предприятия. Один из них — как перед исторической встречей Горбачёва и Рейгана в Рейкьявике «Массандре» было предписано поставить к их столу несколько десятков коллекционных бутылок вина. Обещали полностью расплатиться за столь дорогую продукцию. Но ни Горбачёв, ни те, кто проводили эту встречу, не расплатились. Перед руководством предприятия встал вопрос — как быть?..

Вдруг в самом интересном месте рассказа мы услышали громкий голос:

— А що вы размовляетэ нэ на дэржавной мове? То нэ констытуционно!

Наступила неловкая пауза. Я оглянулся. Чуть позади меня, в правом ряду сидела женщина с розовеющим лицом и гневно смотрела на профессора. Писательница из Киева. Мы видели её и раньше. Среднего роста, с тонкими ногами, узким тазом и большой грудью, кареглазая, суетливая, она и на прежних наших встречах занимала непримиримую позицию. Утверждала, что никакого объединения писателей не может быть, а имущество Литфонда надо поделить так, как оно поделено «нэзалэжнымы дэржавамы».

Вначале смутившись от неожиданного окрика, профессор скоро пришёл в себя и, не теряя самообладания, сказал:

— Извините, мадам, я знаю четыре европейских языка, в их числе украинский. Но сегодня, учитывая международный уровень нашей встречи, я разговариваю на языке международного общения — на русском. Надеюсь, он понятен всем здесь собравшимся. В том числе, полагаю, и вам. А если вы хотите послушать на дэр- жавной мове, останьтесь, продолжим.

Карие глазки дамы часто-часто замигали и застыли в неподвижности. Похоже, их владелица осталась довольна: и профессора приструнила, и русским продемонстрировала своё к

ним отношение. После этого как-то быстро завершился наш разговор и всех пригласили в дегустационный зал.

В первый же день, когда мы только приехали в Крым, нас ещё на вокзале опросили, кто когда родился. Мы думали, это чисто таможенный, пограничный интерес. Оказалось, нет. После дегустации на прощание нам вручили по бутылке вина урожая года рождения каждого из нас. Мне достался «Мускат» урожая 1940 года, то есть 60-летней выдержки. Кажется, впервые в жизни я оценил преимущества своего возраста.

Нашу главную встречу мы тогда провели в знаменитом Ливадийском дворце. Вёл её председатель Крымского парламента Леонид Грач. Разговор шёл на русском. Но здесь уже дама с карими глазками не мешала.

Теперь, беседуя с молодыми украинскими писателями, мы договорились, что они пришлют нам свои произведения хоть на русском, хоть на украинском языке, и мы постараемся опубликовать их в альманахе «Дом Ростовых». А если потребуется, то и перевести.

4 декабря. Декабрь шагает по Москве, а зимы всё нет. Шесть-семь градусов тепла, зеленеет на газонах и в Москворецком парке трава. На деревьях и кустах набухают почки. Одну веточку я принёс после пробежки домой — распускается. Погода бьёт прежние рекорды теплых зим. Многие выражают недовольство, я тоже в их числе: Марии купили роскошные сани-снегокаты, а снега нет.

Итак, какие же слова сегодня произносит Мария? Мама, папа, деда, баба, дядя, тётя, пока, пятый (этаж), блябли (яблоки), Галя (бабушка и плюшевая собака), Боа (Боря — плюшевый поросёнок), па (пить), пака (шапка, тапки), Ня (Маня, Ваня). Немного, но каждое слово она произносит со смыслом, что не всегда получается даже у взрослых.

5 декабря. Волнующее, необыкновенно привлекательное вторжение ёлок в город — скоро Новый год. Ёлки меняют своё обличье и сущность — всё больше фабричного изготовления, неестественно пышных и зелёных. Так в 70–80 годы прошлого столетия (и по наши дни) возникла мода на дешёвые искусственные шубы для женщин и мужчин. Неприхотливая, но хорошая мода, если представить себе, сколько, благодаря ей, осталось живыми симпатичных пушистых зверьков. И ёлок тоже.

7 декабря. Телевидение, радио, газеты много говорят и пишут о битве под Москвой 65 лет назад. Битве, которая объяснила миру, что фашистов можно лупить в хвост и в гриву. Её нельзя назвать решающей, но люди в Советском Союзе и в других странах обрели надежду на то, что фашистская чума будет

побеждена. Именно с декабря 41-го наших воинов, всех советских людей можно считать Святым Поколением Победы.

И почти ни слова о другом юбилее — трагическом. 15 лет назад в Беловежской пуще, в Вискулях три Иуды — Ельцин, Кравчук и Шушкевич — подписали соглашение, которым объявляли о ликвидации СССР. Произошло это 8 декабря 1991 года. Почему была выбрана Беловежская пуща? Наверное, потому что боялись: вдруг страна восстанет и призовёт к ответу трёх пьяных отступников. Тогда и вертолёт в кустах, и граница рядом — скок и в безопасности. Впрочем, нет, они не Иуды, гораздо хуже. Иуда, осознав, что он сделал, повесился. А эти живут. Да ещё пытаются доказать, что правильно поступили. Выпивоха Ельцин совсем не чувствует себя предателем. Живёт припеваючи, ордена получает — то от церкви нашей, по идее долженствующей славить право, то из рук Президента Латвии. Резвится, играя в теннис и в политику.

Вспоминаю 1989 год, осень. Дом писателя имени Маяковского в Ленинграде. Белый зал. Более 250 писателей собрались вместе. Ждём Ельцина. Тогда много о нём говорили: оппонент Горбачёву, борец против льгот и привилегий.

Я, секретарь партбюро, дал задание своему заместителю по идеологии, прозаику Константину Курбатову, чтобы он позвонил в Москву Ельцину и пригласил его на встречу с писателями. Ельцин приехал, опоздав более чем на час. Оказывается, был в Выборге, встречался там с будущими избирателями. На сцену вышел не совсем трезвый. Долго копался в карманах, доставал какие-то бумажки.

До сих пор считаю себя виноватым за ту встречу.

И всё-таки можно поставить ему один плюс за то, что, не дожидаясь перевыборов, передал власть Путину. Далеко не всё получается у его правопреемника, но есть надежда, что получится. Есть, есть надежда.

15 часов. Конференц-зал МСПС. Творческий вечер поэта Владимира Бояринова. Выступали В. Гусев, Л. Котюков, Ф. Кузнецов, Н. Переяслов, И. Го- лубничий. Я тоже сказал несколько слов, напомнив строки его стихотворения «Молчание», где даны четыре времени, четыре эпохи: эпоха Сталина, оттепель шестидесятых, перестройка, предварительные итоги — наши дни.

Ах, что за музыка звучала,
Когда Ахматова молчала!
Прости им Бог! Увы и ах,
Пером писавших правил страх.
Потом пришла пора эстрады,
И чувства светлого кастраты,

Разинув рты, рванулись в бой,
Всецело заняты собой.
Вослед пришла пора остуды,
И забубённые Иуды,
Сменив обличье и места,
Рядиться стали под Христа.
Ах, что за музыка звучала,
Когда Ахматова молчала…
В огромном зале гаснет свет,
Открыты рты, а звука нет.

Немало поэтов убеждают нас, как они любят Родину, родную землю, отчий дом. Они кричат о своей любви, а я им не верю. А Бояринову верю:

Не ради нас — грядущей жизни ради напишут дети в синие тетради, в усердии дыханье затая, они напишут: «родина моя…»

И суть не в том, кто выведет ровнее, а чтобы слов тех не было роднее!

Хороший получился вечер. Поэтический. А застолье обошлось без спиртного. Правда, и угощение почти не тронули.

11 декабря. В начале своей литературной деятельности я думал о той радости, которую испытаю, когда люди станут читать мои книги и высказывать своё к ним отношение. Я думал, соберу их всех как-нибудь за праздничным столом, будем вести разговор и радоваться друг другу, что мы встретились — писатель и читатели. Но по жизни всё выходило иначе, и наше собрание было столь же недоступно, как объективное отношение критики к тому, что ты сделал. Я видел, как часто громко превозносились вещи слабые, а то и вовсе бездарные только потому, что в них было что-то против страны, против русских, против славянского единения. Политика лезла из всех щелей такого «произведения», не стесняясь показывать всю свою наготу. Литература как политика — самая гадкая из всех литератур.

Никогда не понимал поэтов, когда они со стоном признавались, как трудно им писать стихи, и требовали к себе повышенного внимания, уважения за «каторжный» труд и любви за верность избранному делу. Таким хочется сказать: «Что ты мучаешься? Ну, брось, раз так трудно». Это как если бы человек поднял шкаф над головой и, вытаращив глаза, стонал: «О, как мне тяжело!» Да опусти ты его, милый, что ты держишь? Нет, не опускает.

Кому дано, тому не трудно. Или трудно, но преодолимо. Например, птице — летать, а рыбе — плавать.

Мария упорно учится говорить. Произносит много звуков, которые пока что похожи не на речь, а на птичьи голоса — от

жаворонка до соловья.

Читал ей книжку. Она прервала меня, пошла в свою комнату, принесла другую, «Сказки Пушкина», забралась ко мне на колени и показала — читай! Начал «Сказку о попе и о работнике его Балде». Прочитал, и тут она несколько раз повторила:

— Бал-да, Бал-да.

Попросил, чтобы она сказала — собака. Она — ав-ав.

— Скажи: со-ба-ка.

— Ав-ав.

— Скажи: ба-ка.

— Бака.

— Скажи: собака.

— Ав-ав.

Такого декабря я не припомню. Скоро Новый год, а температура плюс 8. Может, на самом деле глобальное потепление?

18 декабря. Готовил обращение Михалкова к делегатам съезда Союза писателей Беларуси и своё выступление на съезде. Как много нужно сказать!

В том и трудность. Много раз начинал писать — всё не то. В голове — то, а на бумаге выходит не то. Если не получится, придётся выступать без бумажки, что плохо. Потому что заранее подготовленный текст, во-первых, включает в себя именно суть и смысл выступления, во-вторых, предельно организует выступающего. Выступая без «бумажки», можно легко сбиться и упустить то, что необходимо сказать. Бумага — друг мысли и почти всегда — жертва воды, её беречь надо.

Галина, Ольга и Мария собираются в Петербург, у них уже есть билеты на поезд. Саша на машине отправится 30-го, либо со мной, либо без меня. Вернусь из Минска, приму решение.

Ночью написал своё выступление. Длинно вышло, но это ли беда!

На работе Ф. Кузнецов передал мне «Положение о премии Союзного государства Беларуси и России в области литературы и искусства». Предложил ознакомиться и подумать — кого будем выдвигать? При этом напомнил, что у меня есть книга «Открытый ринг».

— Подумаю, — сказал я.

19-21 декабря. В среду вечером с Белорусского вокзала отправился в Минск вместе с Голубничим и Барановой-Гонченко. Где-то в другом вагоне едут Куняев и Казинцев.

Ночь не спал, только иногда в полудрёме проводил час-полтора, но это не сон. Всё думал о грядущем Новом годе, о своих планах, о премии Союзного государства и напоминании

Кузнецова, что у меня есть «Открытый ринг». Ну да, большая книга, в которой как раз о жизни и людях России и Беларуси, Ленинграда и Минска, моих родных там и тут. Если те, кто присуждают эту премию, увидят мою книгу так же, как многие критики, которые писали о ней в различных изданиях, то могут. Тем более что я по жизни своей принадлежу двум народам, двум государствам. Итак, решаюсь, а там посмотрим.

В Минске на вокзале нас встретили Анатолий Аврутин, Сергей Трахимёнок, Георгий Марчук, а также теле- и радиожурналисты. После короткого знакомства и ответов на вопросы нас пригласили в автобус и повезли в гостиницу «Беларусь». Хорошо, что у каждого отдельный номер.

Анатолий Юрьевич остался у меня. Я попросил его прочитать текст моего будущего выступления и, пока он читал, позвонил своей племяннице Светлане — дочке моего двоюродного брата Петра и двоюродной сестре убитого в Абхазии московского поэта Александра Бардодыма (об этом немного позже). Будучи студенткой журфака БГУ, она приезжала ко мне в Ленинград, гостила у нас. И потом мы с нею встречались несколько раз в Минске — на Первом сойме (съезде) белорусской шляхты, на юбилее Ф. Богушевича. Но вот уже лет 15 мы с нею не виделись. Оказывается, она вышла замуж, у неё маленький сын, а работает она обозревателем аналитического журнала «Мастерская». Обрадовалась моему звонку. Сказала, что я могу увидеть многих наших родных, если приеду на сороковины со дня смерти Валентины, жены моего двоюродного брата Сергея Сабило. Я записал адрес и пообещал: «Буду!»

В дверь постучали. Я открыл и увидел своего давнего знакомого, поэта М.

— О, какие люди, какие события! Я узнал, где вы расположились, и решил вас навестить, если вы, конечно, не против, — начал он, собираясь шагнуть в номер, но я придержал его, чтобы не помешал Аврутину читать, и мы с ним вышли в холл, присели на диван. Минуту или полторы молча разглядывали друг друга. Последний раз мы виделись, когда он приезжал ко мне в Ленинград, в конце 80-х. Постарел, обзавёлся морщинами и сединой, отпустил остренькую, пепельного цвета бородку, но глаза прежние, быстрые, готовые к смеху и к печали. Тогда он приезжал ко мне в хлопотах об издании своей книги стихов — то ли в «Советском писателе», то ли в Лениздате. Но страна всё глубже погружалась в дрыгву (трясину) перестройки. Никто никому не хотел быть обязанным, никто не держался за слово, за данное обещание, и дело с книгой у него сорвалось. Прожил он у меня три дня и уехал в расстроенных чувствах. А

ведь как рассчитывал выпустить свою очередную книгу не в Беларуси, а в России. Да ещё в Ленинграде! Утверждал, что в Минске притесняют русских писателей, почти не печатают, не издают. — «Нужен закон, по которому русскоязычные авторы могли бы издаваться на равных с белорусскими». — «Я думаю, такого закона никогда не будет, хотя бы потому, что редактору или издателю не важна пропорция, важен талант», — сказал я. «Ну, какой может быть талант у писателя, который тщится что-либо создать на несуществующем языке!» — усмехнулся он.

Я был не согласен с таким его замечанием, однако спора избегал — мало ли что может сказать в сердцах от неудачи творческий человек. Сочувствовал, но помочь не мог. Хотя стихи его мне близки: о природе, о женщине, о светлом чувстве одиночества — верном спутнике поэта.

Он уехал, и больше мы с ним не виделись и даже не созванивались. И вот, через годы, снова встретились.

— Изменились мы, — сказал он, глядя на меня. — Ничто на человека не оказывает такого влияния, как время. Убийственного влияния.

— Что вы имеете в виду?

— Здоровье, прежде всего. И обстановку у нас, в Минске, где всё шиворот-навыворот. За последние десять лет у меня вышла всего одна книга.

— На русском?

— А то на каком!

— Ну вот, а вы говорили — не издают. Скажите, а на белорусском писать могли бы? Вы с самого рождения живёте в Беларуси, и кому, как не вам…

Я понял, что наступил на больную мозоль. И тогда, в Ленинграде, и сейчас передо мной был человек, который не принимает белорусскую мову. А заодно тех, кто на ней пишет. Вот и сейчас:

— Вы никак не можете понять, что нет никакой белорусской мовы. Есть трасянка, чисто бытовой язык, помесь городского с деревенским, где русские слова произносятся на так называемый белорусский лад. И всё.

— А как же многие белорусские поэты, прозаики?

— И у них нет. И они пишут на трасянке.

— А как же в Великом Княжестве Литовском, где на протяжении веков государственным языком был старобелорусский?

— И там не было.

— А как же современная белорусская интеллигенция — профессора, художники, артисты? Например, в моём любимом

театре имени Янки Купалы?

— Там да, там они говорят хорошо, но только там, больше нигде.

— А как же иные места, как, например, деревня Паздерки, где родилась моя мама и куда я каждое лето ездил к бабушке? И где, кстати, сам разговаривал по-белорусски. Или писатель Владимир Короткевич, уже не говоря о других белорусских классиках?

— Нет, нет и нет! Нету белорусской мовы, а значит, и писателей нету. Для того чтобы они стали писателями, их надо перевести на русский.

— С какого языка?

— С трасянки.

— Что, украинского тоже нет?

— И украинского нету. Есть суржик, схожий с белорусской трасянкой.

Чувствуя, что мы в нашем разговоре топчемся на месте, я спросил:

— Вы принимаете участие в работе съезда?

— Да, хотя ничего хорошего от него не жду. Сколько бы мы и о чём ни говорили, положение не изменится. Потом сами убедитесь.

— Тогда что? До встречи?

Мы пожали друг другу руки, и я вернулся в свой номер.

Анатолий Юрьевич прочитал текст моего выступления и предложил сократить всё, что не касается Беларуси. Я так и сделал, и получилось как надо.

— Выпить хочешь? — спросил я. — У меня есть армянский коньяк, четыре звезды.

— Но только начался день!? — с некоторой осторожностью произнёс он. — Впереди столько хлопот. И выступление перед студентами-филологами БГУ. Кстати, после выступления у нас будет неформальная встреча за столом в том же БГУ.

Вскоре мы поехали в БГУ, точнее, в одно из его зданий на улице Карла Маркса. Факультет русской филологии, небольшая аудитория человек на 60–70. Юные, в основном девичьи, лица, абсолютно все красивые. И красота их особенная. Не та, что у конкурсанток всяких там «miss», оглуплённая гламурным макияжем и крайней раздетостью, что вызывает чувство жалости и страха — не простудились бы. А красота одухотворённая, облагороженная знаниями. Да и вопросы, которые они задавали нам — Станиславу Куняеву, Александру Казинцеву, Владимиру Илляшевичу (Эстония), Ивану Голубничему, — точные, осмысленные. Например, вопрос Куняеву: «Каким вам видится чувство патриотизма в наше время?» Или мне: «Чем, по вашему

мнению, «хорошая» нынешняя литература отличается от «плохой»?»

Значит, готовились к разговору, думали.

После встречи со студентами приехали в главное здание БГУ. Здесь, в небольшом помещении при студенческой столовой, для нас накрыли стол. Говорили о литературе, об истории Великого Княжества Литовского, а значит, о Белой Руси.

— Судите сами, — сказал я, собираясь, наконец, высказаться о том, о чём сам немало думал, — столица ВКЛ — белорусский Новогрудок (Новгородок), что в Гродненской области. Государственный язык — старо-белорусский. А имена великих людей ВКЛ? Есть ли в нём те, кто ныне называют себя литовцами? Есть ли поляки? Нет. Есть белорусы: Франциск Скорина, Симеон Полоцкий, Симон Будный, Микола Гусовский, Василь Тяпинский… А ещё до них, задолго до них — первая женщина, канонизированная Православной церковью, святая Евфросиния Полоцкая. А ближе к нашим дням — Марта Скавронская (Екатерина I), Адам Мицкевич (отец-белорус, мать-еврейка), Элиза Ожешко (в девичестве Павловская), Станислав Монюшко, Михаил Огинский — выдающиеся поляки белорусского происхождения. Можно назвать также целый ряд выдающихся русских деятелей белорусского происхождения: Глинка, Римский-Корсаков, Шостакович, Стравинский, отчасти Достоевский, родоначальник русского символизма Николай Минский, авиаконструктор Сухой. И это далеко не всё! Если взять русскую медицину — там белорусов пруд пруди! И это не разделить, не обособить.

— Если Иван Сабило говорит, значит, знает, — сказал Куняев.

— Не только Сабило, — сказал я. — Года два назад тогдашний Президент Польши Александр Квасьневский благодарил белорусский народ за то, что он дал польской культуре многих своих, ставших выдающимися, сыновей и дочерей. Почему так произошло? Над этим можно долго размышлять. Но если коротко: в те давние, особенно трудные для белорусов времена не было деления по национальности, а делились по вере: католик — значит поляк, православный — значит белорус. Кстати, есть ещё один знаменитый Мицкевич, и тоже классик — белорусский писатель Якуб Колас.

— А кто такие литовцы?

— Литовцев вообще не было. Были от Литвы — литвины, а те, кто назовут себя потом литовцами, были племенами-язычниками: аукштайты, делтува, жемайты и прочие. С поганой, как тогда называли, то есть языческой, верой. Потом они постараются объединиться, возьмут в свои слова латинские окончания, примут

католическое христианство и станут Летувой — это их самоназвание, — а не Литвой, как мы их называем. Великое Княжество Литовское ушло, осталась Белая Русь, как утверждают некоторые знатоки — непокорённая часть Руси, не испытавшая на себе монгольского нашествия. Со своим народом, историей и православной верой. Другие знатоки утверждают, что Белая она оттого, что здесь проживало население с особо белой кожей. Есть и такие, кто соотносят название «Белая» с белыми льняными одеждами, которые носили жители этих мест. Ещё, в отличие от Белой Руси была Чёрная Русь, и некоторые утверждают, что так называли часть польской Руси. В отличие от Белой — московской. И это, оказывается, не всё. Ещё была Красная или Червонная Русь, располагавшаяся на территории некоторых районов нынешней Западной Украины. Но вы спросите, откуда само слово — Литва? В Беларуси некоторые деревни до сих пор носят название — Литва. Нужно поговорить с учёными, возможно, это деревни, которые во время весеннего паводка заливались водой (лить, заливать, приливать). Заливались, но не настолько, чтобы на этих местах невозможно было селиться и вести хозяйство. В отличие от дрыгвы, то есть трясины, где люди не селились и жить не могли. Так вот жители деревень и посёлков с названием Литва могут с полным основанием называть себя и литвинами, и литовцами.

Я говорил это, готовясь к возражениям, но никто не возражал. То ли верили мне, то ли их собственных знаний о Белой Руси было ещё меньше, чем у меня. Только Станислав Куняев вспомнил, что у литовцев были хорошие поэты Балтрушайтис и Межелайтис.

— Ну да, — сказал я. — Ещё можно назвать художника и композитора Чюрлёниса, но это уже почти наши дни, а не эпоха Возрождения и не Великое Княжество Литовское.

Станислав Куняев на встрече со студентами сказал, что он перевёл на русский язык средневековую поэму Николая Гусовского «Песня про зубра» и за этот свой труд стал лауреатом премии Союзного Государства. Я хотел расспросить его об этом событии, но тут по мобильному телефону Анатолию Аврутину позвонил его отец. И сообщил, что умер Туркменбаши Ниязов, Президент Туркменистана.

Новость, особо скорбную для туркмен, мы встретили сдержанно и даже с некоторым недоверием. Сапармурату Ниязову было ещё далеко до старости, выглядел он богатырём, однако на трудной дороге жизни «исчерпал свой жизненный ресурс», по выражению Льва Толстого, и ушёл навсегда.

Некоторое время назад я ознакомился с его двухтомником

«Рухнама», т. е. «Внутренний голос», повелевающий туркменам прислушаться к самим себе. Книга, как сказал автор, написана «по воле Всемогущего Аллаха и родилась в моём сердце». Много в этой книге того, что нужно знать каждому человеку, — о добре, о Боге, о детях, о родителях.

Ниязов не знал ни отцовской, ни материнской ласки. Отец погиб на фронте в Великую Отечественную, мать и, кажется, братья погибли от землетрясения в Ашхабаде. Он рос сиротой, детдомовцем. Умный, смышлёный, образованный, он быстро продвигался по служебной и партийной лестнице, и в середине 80-х стал Первым секретарём ЦК Туркменистана. После распада СССР стал Туркмен- баши (главой туркмен). Пожизненно. Однако жить довелось недолго. Перед самой смертью С. Ниязов заключил договор о поставках туркменского газа — почти всего, что добывает Туркмения, — в Россию. Но я не уверен, что Россия сможет разумно распорядиться этой данностью, — не тот уровень мышления нынешних российских властей. Сделают так, как прикажет Дядюшка Сэм и проамерикански настроенные российские олигархи. Возможно, я ошибаюсь, время покажет.

…А судьба Сапармурата Ниязова оказалась великодушна к сироте — она послала ему смерть раньше, чем позор.

22-23 декабря. От гостиницы «Беларусь» комфортабельный автобус в сопровождении милицейской машины с мигалкой доставил нас в здание филармонии, что на углу площади Якуба Коласа и бульвара Владимира Мулявина. В центре площади — бронзовый Якуб Колас, окружённый своими литературными героями. Дед Талаш — герой Гражданской и Великой Отечественной войны — самый старший по возрасту, почти 100-летний белорусский партизан и главное действующее лицо знаменитой повести Якуба Коласа «Дрыгва». К сожалению, и белорусский дед-долгожитель не избежал критики, да если бы только критики, но ядовитого зубоскальства крохоборов, особо неравнодушных к жизни героев. То у них Дед Талаш карикатурный герой-«орденопросец»: два раза орден просил — не давали, и только на третий — дали. То они в Павлике Морозове открывают предателя — запутали мальчишку, убили его и его же осуждают. То Зою Космодемьянскую представляют глупенькой: мол, была бы умнее, осталась бы жива. То в Александре Матросове обнаруживают выпивоху — напился пьяным и полез на амбразуру дзота, дескать, пьяному море по колено. То в Петре Ильиче Чайковском видят только то, что ниже пояса. Пишут, развенчивают, зубоскалят всезнайки, которых самих-то нужно рассматривать как минимум в лупу, а лучше в микроскоп. Короче, нравственные карлики, которые всё высокое понижают до своего

уровня понимания и мышления. Не ведомо им, что Александр Сергеевич Пушкин советовал всё мелкое, преходящее оставить черни, а нас, говорил он, должен интересовать сам гений и всё великое в нём (в данном случае герой).

И как же хорошо, что бульвар Владимира Мулявина втекает в площадь Якуба Коласа. А если вытекает из неё — ещё лучше.

Филармония. Фойе, зал, другие помещения после недавнего ремонта, всё красиво и уютно.

Звучит гимн Республики Беларусь в исполнении военного духового оркестра, что разместился на балконе. Открывает съезд председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец. Из 341 члена Союза писателей на съезд прибыло 303. Избрали президиум из 36-ти человек.

Министр культуры Беларуси, под аплодисменты, сказал, что в Республике широко практикуются государственные заказы на создание пьес для театров, сценариев для кино и др.

Гости — представители Болгарии, Германии, Латвии, Литвы, Молдовы, Польши, России, Сербии, Украины, Эстонии. Первому из зарубежных гостей предоставили слово Станиславу Куняеву. Он рассказал о своих встречах в 60-е гг. с белорусским поэтом Рыгором Бородулиным, а также назвал ряд имен белорусских писателей, которые публикуются в «Нашем современнике».

После перерыва пригласили выступить меня. Я прочитал обращение к съезду Сергея Михалкова, а затем то, что осталось из моей речи после многочисленных сокращений. Главное — обнародовал наш план создания 50-томной российско-белорусской библиотеки.

Когда завершился первый день съезда, ко мне подходили писатели, интересовались, каким объёмом будут выходить тома. Георгий Марчук попросил текст моего выступления — собирается напечатать в газете «Лггаратура 1 мастацтва». И душа моя похолодела, когда подумал, что ничего путного из идеи создания российско-белорусской библиотеки не выйдет. «Зароют» её российские чиновники, как сказал Сергей Владимирович, найдут причину отказать. А без согласия российской стороны, не будет поддержки и белорусов.

По-деловому, организованно прошёл второй день. Выступали писатели и гости. Легко, без трений избрали новое руководство Союза, председателем которого снова стал Николай Чергинец.

После шумного, многолюдного застолья, завершившего большое литературное событие, мы с Владимиром Илляшевичем отправились в гостиницу пешком. Мимо оперного театра, мимо выставочного зала, мимо аллеи лип, посаженных представителями различных городов, в том числе и трудящимися

Таллина. Ил- ляшевич — таллинец, он фотографировал дерево и табличку возле него. А я фотографировал Владимира Николаевича рядом с табличкой и деревом. Он же всё твердил:

— Вот привезу и опубликую эти снимки в Таллине, чтоб не говорили, что в Беларуси не уважают Эстонию.

Главное впечатление от съезда — всё организовано хорошо, но кажется, будто о чём-то важном, о чём писатели должны были сказать, они так и не сказали. И нет уверенности в том, что новый Союз — будущий долгожитель, потому что заметные писательские силы остались в Союзе белорусских писателей. И достаточно смены руководства страны, чтобы многое поменялось в литературном хозяйстве Беларуси. Это особенно остро чувствуешь, когда подумаешь, сколь непрочны отношения Беларуси и России на державном уровне. Вот-вот возникнет проблема газа и нефти, точнее, проблема цен. Сложно объединяться и дружить против кого-то, гораздо легче быть вместе по взаимной приязни и добросердечию. Но до этого далеко, и дойдём ли когда-нибудь?

Вечером ко мне в номер постучалась одна областная поэтесса. Принесла коньяк и конфеты. Я сказал, что у меня есть свой коньяк, но она заявила, что обидится, если мы не откроем её бутылку. Открыли, выпили — я больше, она совсем чуть-чуть. Мы с нею познакомились несколько лет назад, на дне рождения Анатолия Аврутина. Ах, как она тогда расхваливала его, поэта и человека, как благодарна была ему за помощь, но, видимо, время в ней что-то поменяло, и теперь она говорила о нём только в мрачных тонах.

— Может быть, у вас это ревность — поэта к поэту? — спросил я.

— Ах, Иван Иванович, о чём вы говорите! Просто я разобралась в нём и вижу, что он собой представляет… Но я бы не хотела, чтобы вы рассказали ему, что я к вам приходила.

— И не собираюсь, — сказал я. — Много лет я руководил большой писательской организацией, мне часто поэты и прозаики высказывали своё мнение о коллегах, и если бы я не сдерживал себя, то мог бы заварить такую кашу — век не расхлебать. Так что не волнуйтесь. Но и вам советую своё к нему отношение высказывать лично, а не пытаться формировать мнение о нём окружающих. Поверьте, так будет лучше.

Когда она ушла, позвонил Анатолий Аврутин — завтра ждёт меня в гости. Я сказал, что приеду, и, возможно, не один, а с Илляшевичем.

24 декабря. В полдень мы с Владимиром Илляшевичем на такси поехали к Аврутину. По пути немного проехались по

Минску, я показал своему гостю несколько мест, где он ещё не бывал. Его поражает чистота, ухоженность города, какая-то особая, очеловеченная атмосфера. Я рассказал ему две сценки из моих наблюдений за жизнью минчан.

Ехал я как-то по Минску в троллейбусе. Позднее солнечное утро, пассажиров немного, почти все сидят. Тишина. Но вот на остановке входит немолодой гражданин и давай с ходу чертыхаться — по-видимому, чем-то недоволен. Две женщины встали со своих мест, предложили ему сесть. «Чего это вы, дамы, уступаете место мне, мужику», — опешил гражданин. «А мы всем приезжим уступаем», — сказала одна. «Но почему вы решили, что я приезжий?» — «А мы давно заметили: если у нас кто-то бранится в транспорте, значит, приезжий».

А вот вторая. В 2002 году в составе небольшой делегации Союза городов-ге- роев я побывал в Минске. Тогда мы тоже остановились в гостинице «Беларусь». Рядом с гостиницей небольшой православный храм. В тот день мы уезжали из Минска. У нас оставалось немного белорусских денег, и мы, проходя мимо храма, отдали их пожилой женщине, что стояла не рядом с церковью, а чуть в отдалении. Мы поняли, что она просит милостыню. А Галина Ивановна Баринова дала ей какую-то крупную белорусскую купюру, после чего мы направились к автобусу. И тут услышали сзади шаги — нас догоняла эта женщина — и сразу к Галине Ивановне: «Извините, пожалуйста, но я не могу столько принять от одного человека, это не по-божески. Возьмите сдачу.»

Владимир Николаевич слушал меня, улыбался и, кажется, не верил.

Аврутины приняли нас радушно. Были они вдвоём — Анатолий Юрьевич и его жена, Зоя Григорьевна. Когда уже сидели за столом, пришёл их младший сын Олег — высокий, образованный парень, большой эрудит.

Говорили о настоящем и будущем. Без радости. Многим из нас уже давно не по себе, что писатели, а заодно и литература, так мало значат в современной жизни. Наша страна, давшая миру столько литературных гениев, в последние годы много сделала для того, чтобы принизить этот великий род человеческой деятельности. Не зря же Евангелие от Иоанна начинается словами: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Церковь, её служители стараются приблизить человека к Богу. Писатели, по крайней мере лучшие из них, жизнь кладут на то, чтобы, благодаря слову, не только самим познать Красоту, но и одарить Ею читателей. И если правда, что красота может спасти мир, то писатели и иже с ними спасают саму красоту. Уже

не говоря о том, что именно литература осуществляет важнейшую санитарную функцию — отбирает и запечатлевает всё нравственное и высокое, отбрасывая всё мелочное и порочное.

И как же государству не видеть этого, не заботиться о творцах, не создавать хотя бы минимум условий для их деятельности? Касается это не только писателей, но и художников, композиторов, кинематографистов — всех творческих работников. Но — вместо этого — отповедь: дескать, слишком много вас развелось, определитесь сначала, кто из вас мастер, а кто имитатор, тогда мы подумаем, что с вами делать. И решим, положен ли вам за ваш труд оплачиваемый отпуск и больничный лист, если вы заболели. Цинично и крайне отстало.

На мой взгляд, вопрос решается до удивления просто: нужно принять государственное решение, которое приравняет творческие союзы и творческих работников к трудовым коллективам, таким как библиотеки, театры, музеи. И провести переаттестацию творческих работников. Книга или картина художника имеют не только духовную ценность, но и материальную — они продаются, принося государству немалый доход. Так почему же государство не позаботится о тех, кто их создаёт?! А потому, что во главе государства не государственные деятели, а временщики, к тому же богатые. Они в писателях видят «лишних людей».

Пытался на эту тему разговаривать с моими коллегами. Владимир Николаевич и Анатолий Юрьевич соглашались, что чиновники действительно далеки от понимания важности культуры, но писатели всё же остаются «властителями дум», хотя, по сравнению с советским временем, в большей степени утратили свой статус.

Анатолий Юрьевич вызвал машину, и мы уехали. Я проводил Владимира Николаевича на вокзал, договорились провести его творческий вечер в МСПС следующей весной или осенью, поздравили друг друга с наступающим Новым годом и расстались.

Водитель отвёз меня к моим родственникам. Увидел своих двоюродных сестёр — Галину с мужем и Тамару, Светлану с мамой Таней, племянников и внучатых племянниц. За скорбным столом вспоминали Сергея Сабило, который умер в прошлом году, и его жену Валентину, что ушла из жизни сорок дней назад. Помянув близких, заговорили, о делах житейских, о политике, о Лукашенко. Я сказал, что многие люди в России хвалят его и тепло о нём отзываются.

Поздно вечером за Тамарой приехал её сын Алексей — огромного роста, похожий на какого-то знаменитого актёра, но я

так и не вспомнил, на какого. Они отвезли меня домой, к маме. По дороге мы с Тамарой спели несколько песен. В молодости она хорошо пела, выступала на Белорусском радио. Закончила Белорусский иняз, знает четыре языка. И сейчас она поёт красиво и столь артистично, что я почти не пел, только слушал: «Челита», «Голубка», «Жил да был сынок у мамы», «Синенький скромный платочек» — всё из репертуара Клавдии Ивановны Шульженко.

25 декабря. В Беларуси этот день не рабочий — католическое Рождество. 7-го января также праздник — Рождество православное.

Приехала моя сестра Алла. Привезла гостинцев — две литровые банки солёных грибов, варенье, конфеты.

Валентина и Алла устроили прощальный обед. Сели за стол: мама, две сестры, племянник Андрей, муж Валентины Мишка и я. Мама в общей беседе не участвует — плохо слышит. Андрей — он заканчивает техническое училище при МАЗе — собеседник своеобразный: мне иногда отвечает, но если к нему обращаются другие, жёстко пресекает любой вопрос при помощи односложных звуков, типа: б-ды. пс-с. гам.

Я спросил:

— Как у вас в училище с проблемой наркотиков?

— Нет у нас такой проблемы.

— Хорошо. Но если появится, будь готов к отпору.

— Как это понимать?

— Если вдруг предложат тебе купить или даже бесплатно попробовать наркоту — бей в рыло. Сразу и без сомнения. Знай: тот, кто предлагает наркотик, толкает тебя на смерть.

— Угу.

— Как ты поступишь, если предложат?

— Мне не предложат, не на что покупать.

— А если бесплатно?

— А бесплатно — тем более. Сейчас нет активистов, чтобы бесплатно.

— Ты уверен? Тогда несколько легче. Но всё же имей в виду. Это я тебе говорю, твой родной дядька!

Андрей усмехнулся, кивнул.

— Про что вы говорите? — спросила мама.

— Про самое опасное, учу своего племянника противостоять злу.

— Козлу? А где он?

— Пока не знаю, время покажет.

— Б-ды, — сказал Андрей и встал. Ему пора, у него вся жизнь впереди.

На поезд меня провожали Алла и Мишка. Прощались,

обещали перезваниваться и чаще видеться.

26 декабря. Москва. Наша женская часть — Галина, Ольга и Мария — позавчера уехали в Петербург. Провожая их, Саша забыл дома ключи от квартиры, поэтому два дня жил у приятеля. К тому же простудился — кашляет, чихает. Но на работу ходит.

Разговаривал с Людмилой Салтыковой о премии Союзного Государства. Сказал ей про совет Феликса Кузнецова выдвинуть мой роман «Открытый ринг». Она ответила, что переговорит с Михалковым. Но предложила поторопиться с документами, так как остаётся чуть больше месяца до крайних сроков выдвижения на премию. А тут ещё Новый год.

27-30 декабря. Подошёл к концу 2006-й год, дурно пахнущий газовым скандалом. Россия пошла на конфликт с Беларусью, требуя, чтобы та платила за газ и нефть значительно больше, нежели она платит. СМИ (буржуазно-рыночные) в истерике: Беларусь живёт за наш счёт, она, так же как Украина, будет воровать газ и нефть. А Россия недополучит миллиарды.

Какая Россия, господа?! Если российских миллиардеров считать Россией, то да. А если Россия — народ, то он не получит ни гроша. Даже если заставят Беларусь отдать всё, что она сегодня имеет. Наоборот, неудержимо полезут цены вверх на бензин, а это больно ударит по карману, прежде всего, малоимущего народа.

А на Западе, вы только подумайте, ужасно возмутились поведением России. Как ни ненавистна им Беларусь, точнее, Лукашенко, а первое недовольство высказывают в адрес России: дескать, нагло диктует свою волю поставщика.

Можно не сомневаться, что вся эта возня с газом и нефтью между Россией и Беларусью закончится для обеих немалым уроном. Так для чего скандал? Особенно России. И так уже никого из друзей не осталось (кроме еле дышащей армии и еле держащегося на плаву флота), всё промотали, во всём обанкротились. И последнего, самого надёжного союзника теряем. России у Беларуси учиться надо, как вести хозяйство и экономику, как строить социальную политику с пользой для народа. Ан нет, зубоскалят и злобствуют проамерикански настроенные прогрессмены. Костью в горле им успехи Беларуси, потому что имеют они задание от Дядюшки Сэма не допустить сближения с Россией бывших советских республик. А не стоит ли подумать, почему граничащие с Беларусью российские области — Смоленская, Брянская, Псковская — влачат жалкое существование и являются глубоко дотационными, хотя получают газ и нефть по мизерным, внутрироссийским ценам? Значит, что-то не так ведётся в них, что-то в ущерб народной жизни и

экономике. А сколько подобных областей в других прекрасных местах России?!

Знать бы, кто нацелил российское руководство на эту смердящую глупость? Понесёт ли он наказание? Не понесёт. Сколько было подобных вывихов, идущих во вред России, и ничего. Члены правительства торчат, как декоративные газыри в нагрудном кармашке-патронташе, никто ни с места. Идеальная команда? Отнюдь нет. Некого менять? Едва ли. Просто все они — спецкоманда, где один за всех и все за одного.

В продмаге люди тоже о газе и нефти. Одни:

— Правильно делают, хватит нам уже раздавать деньги направо и налево. Белорусы хотят хорошо жить за наш счёт. Пускай платят, мы тоже хотим хорошо жить. У нас — свои национальные интересы (насчёт «национальных» — абсолютно точно).

Другие:

— А ты думаешь, то, что мы с них возьмём за газ и нефть, пойдёт в наши карманы? Нам только хуже будет. Они поднимут цены на продукты, на приборы и машины, которые мы у них покупаем, и сократят совместные производства, оставив без работы многих наших людей. Мы же и потеряем.

Как говорится, у каждого свой хронометр, а значит, своя точность. При этом вспоминаю давнюю телепередачу, в которой тележурналист Черкизов брал интервью у двух русских профессоров по поводу создания Союзного Государства России и Беларуси. Сам интервьюер — против, а профессора — за. Он и так, и этак, а они всё равно — за. При этом пытаются втемяшить Черкизову, сколько преимуществ получит Россия от такого сближения. Наконец, Черкизов не выдерживает: «Да какие там преимущества, если мы посадим себе на шею десять миллионов нищих? У них же там нет полезных ископаемых!» Такая вот концовочка. Но профессора не смутились и заявили, что нельзя столь примитивно подходить к такому тонкому вопросу, как объединение, тем более что есть немало государств, которые тоже не имеют солидных «полезных ископаемых» — Япония, Швейцария, Германия, однако рачительность хозяйствования и УМЕНИЕ РАБОТАТЬ давно привели их к благополучию и процветанию. Меня удивило, что для охаивания белорусов ведущий подобрал не согласных с ним собеседников. Обычно расчётливо приглашаются такие, что будут дудеть с ним в одну дуду.

В нынешних газетах, которые сохраняют здравый смысл, пишут о том, что Россия, потеряв Беларусь, останется в полной изоляции. Может возникнуть Балтийско-Черноморская дуга,

которая целиком отделит Россию от Европы. Уже не говоря о разрыве стратегических связей с одной из сильнейших в Европе белорусской армией и потере сверхважных оборонных комплексов типа станций слежения за космическими и подводными объектами.

Всё так. И беда, что мы за ближними сосенками не видим дальнего леса. Но ещё не поздно, господа бывшие товарищи, всё ещё можно поправить.

Саша чихает и кашляет, простудное заболевание. Жаль, если мы встретим Новый год не всей семьёй, но такова жизнь.

Долго думал о подарках своим на Новый год. В Минске на встрече со студентами БГУ одна девушка сказала, что собирается подарить маме на Новый год театральный бинокль. Я намотал на ус и сегодня купил не один, а два бинокля — дочке и Саше. Дочке — белый, театральный, а Саше — то ли морской, то ли полевой, швейцарский — 30х50. Осталось подумать, что дарить жене и Марии.

31 декабря. Саша спал, когда я утром уходил на пробежку. После пробежки явился домой, а Саша встречает меня, бодрый и весёлый.

— Как самочувствие?

— Отличное!

— Не может быть. Разве едем?

— Да. Через двадцать минут.

— Но нужно хотя бы позавтракать.

— Завтракайте, я не хочу. В дороге чё-нибудь перекусим.

Я переоделся, выпил чаю. Погрузились в Сашин опель и покатили. Было около одиннадцати.

Лучше всего из Москвы в Петербург ездить 31-го декабря. На дороге почти никого. Главное, отсутствуют фуры, которые иногда так запрудят трассу, что едешь мимо них, как мимо бесконечного железнодорожного состава, где вагоны впритык друг к другу.

На отдельных участках шли со скоростью 180. А обычно — 120–140. Дважды останавливались перекусить. В одном месте полноценно пообедали — первое, второе и третье — по 186 рублей на каждого. В другом — выпили по чашке кофе и съели по бутерброду с сыром — 412 рублей на двоих. Чудеса на дороге!

Саша поставил Высоцкого. Слушали почти три часа. И если отобрать лучшие песни, можно минут тридцать получать удовольствие. Высоцкий перво-наперво артист, от Жеглова до Гамлета. Но прежде всего Жеглов. И в песнях тоже. Его лирический герой, будучи на свободе, чувствует себя (во многих песнях) несвободным. Его всё время куда-то не пускают, обижают, сводят с ним счёты. Но он боец. Он противостоит невзгодам и

потому вызывает симпатию. Рубаха-парень, но с чувством собственного достоинства.

Петербург. Приехали в восемь вечера, отмахав 730 км за девять часов.

Нас ждали. Наши женщины готовят праздничный стол.

Мария кашляет и чихает. В поезде, когда она с мамой и бабушкой ехала сюда, играла с простуженной девочкой, возможно, и ей передались вредные вирусы.

И вот всё готово. За столом все, кроме Марии, она спит. Речей и тостов у нас немного: за старый Новый год, за нашу семью, за Родину. Дарили друг другу подарки. Мои бинокли оказались неожиданными и доставили радость. Тут же все по очереди попробовали их. Жаль, небо туманное, а так можно было бы приблизить к нам звёзды и луну.

По телевизору выступал Президент Владимир Путин. О чём говорил, не помню. Только помню, что был особенно заметен грим на его лице.

В предновогодний вечер многие нам звонили в надежде, что мы дома, и не ошибались. А мы звонили в надежде, что наши друзья и знакомые порадуются общению с нами.

Итоги года лично для меня:

— на целый год стала старше Мария, а я на целый год подрос в своих чувствах деда;

— целый год я прожил в Москве с благодарностью столице и москвичам за то, что приняли меня;

— почти год отслужил в МСПС. Даже странно, что без стрессов и конфликтов, которых у меня хватало в питерской писательской организации, в особенности в судебных делах;

— опубликовал в газетах несколько статей, из которых самая крупная — в «ЛГ»;

— побывал в Минске (трижды), Томске, Смоленске. Везде живут с чувством ожидания и надежды красивые, в большинстве своём, хорошие люди;

— не подводило здоровье, слава богу;

— наивно полагаю, что всё будет так и дальше.